В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

5•1980

Читайте в номере очерк Р. Повилейко и Ю. Сулейманова о Павловском мемориале.

Плита с именами погибших.

Почетный караул несут юные пионеры.

**Вспомним всех поименно,
горем
вспомним
своим...
это нужно —
не мертвым!
Это надо —
живым!**

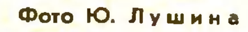

Фото Ю. Лушина

Павловский народный мемориал.
Общий вид.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

5·80

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

НАША ОБЛОЖКА

Майскими днями незабываемого 1945-го завершилась тяжелейшая из войн, какие только знало человечество. Завершилась великой Победой нашего народа над фашизмом, победой света над тьмой, добра над злом. Черная вражья сила разбилась о монолитность нашего духа, о крепость, несокрушимость нашего советского строя.

Неисчислимые жертвы принесли мы на алтарь Победы, не постояли за ценой, добыли мир, который так необходим народам. В веках обессмертил себя героический краснозвездный солдат, воин Страны Советов, обессмертили, истинно обессмертили себя все советские люди, на фронте и в тылу не щадившие сил, самой жизни во имя правого, справедливого дела. Вера в него укрепляла нас, любовь к родной земле поддерживала и вела.

И вот уже май 1980-го. Наш народ, народы стран социализма, все честные люди на земле торжественно отмечают 35-летие знаменательной Победы, которая поставила точку в бесславной и злобной истории гитлеровского райха, рухнувшего под ударами Красной Армии. Всей своей жизнью, трудом и борьбой мы утверждаем идеалы мира, дружбы, сотрудничества, которые находят все больше сторонников на планете. Мы строим нашу страну для счастья миллионов. Твердо, уверенно идем своей дорогой. И пусть День Победы осеняет наши мирные будни.

Более трети века минуло с той поры, когда отгремели последние залпы. Но память о павших в боях за свободу и независимость Родины не померкла. Она жива и будет жить в народе, в каждом новом поколении. Благодарная память потомков.

Этой теме, теме живой памяти, в номере посвящены подборка документальных очерков, корреспонденций, а также **вторая и третья** страницы обложки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

М. П. Балтян, героиня фильма народной киностудии «Балта» (читайте очерк Ю. Холопова «Сады — наша память»).

ПОДВИГ ВСЕНАРОДНЫЙ

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» НАСЕКОМЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ТЕОЛОГИЯ И НАУКА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

РАДОСТЬ
со слезами на глазах

В. РАЗИН, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Вы не ошиблись — это из песни, из той самой. Да и вряд ли, наверно, кто ошибется: ее все знают.

Удивительная песня! Услышишь — тотчас берет в полон. Влажнеют глаза, перехватывает дыхание...

Быть может, только на меня она так действует? Только на тех, кто уже давно не молод, прошел фронт, вообще пережил войну? Быть может. Но равнодушным, надо думать, она не оставляет никого.

А какой емкий, яркий образ: радость со слезами на глазах! Лучше, кажется, точнее о Дне Победы, об этом так дорого доставшемся, всем народом завоеванном торжестве и сказать невозможно. Самая суть.

Столица уже давно позади, за окном — зеленое мельтешение, вечерние летучие туманы. Дорожный ветер, тугой и хлесткий, пахнет хвоей, разнотравьем, ржаным колосом...

Мы с дочерью, пристроившись у столика, рассматриваем карту. Избранный нами маршрут сложился давно, больше трех десятков лет назад, и проходит по тем местам, где сражалась моя дивизия.

Само собою, повторить весь ее боевой путь — от стен Москвы до Праги — на это никакой командировки, никакого отпуска не хватит. Мы наметили всего лишь несколько пунктов.

Дочь везет с собой запас бумаги, акварель, альбомы для набросков. Правда, в эту поездку я взял ее не только потому, что она дружит с карандашом и кистью. Не только потому...

Уже треть века, даже больше, живем мы без войны. У многих из нас внуки. Но сколько бы лет ни отмерило время, сколько бы его ни протекло, память несет свою службу. Это память особая, не знает ни устали, ни покоя.

Вам, конечно, знакомы и эти — тоже песенные — строки:

Пушки молчат дальнобойные,
Залпы давно не слышны,
Что ж мне ночами спокойными
Снятся тревожные сны?

Ведь в самом деле снятся. Пороховые, дымные, свинцовые. До сих пор.

Память эта неотступна, она с нами навечно. Справедлива, праведна: забывать нельзя...

Ни много, ни мало — восемнадцать месяцев воевала моя дивизия в составе войск Северо-Западного фронта. Это ж про нас, вернее, про нас тоже:

Молнией небо расколото,
Пламя во весь горизонт, —
Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт![1]

А фронт был из труднейших! Болота, леса, бездорожье, зимой — снега и стужа.

Вместе с соседними фронтами наш Северо-Западный преградил врагу дорогу к Ленинграду и Москве, к жизненно важным центрам страны. Потом сам перешел в наступление, устроил гитлеровцам «котел», один из первых, — окружил в районе Демянска 16-ю немецкую армию...

Лазурь былинного Ильменя. Вот здесь, южнее моря-озера, на древней новгородской земле, развернулось яростное сражение. Скоро, дочь, теперь уже совсем скоро мы с тобой увидим ее, эту землю. Ты — впервые, я — вновь через годы.

Сначала от Старой Руссы, километров двадцать, может, больше, — покрытое асфальтом шоссе. Дальше асфальта пока нет, просто, как здесь говорят, большак.

С волнением, с какой-то внутренней дрожью оглядываю все кругом, хотя ничего необычного на пути и нет. Лес, мокрые после дождя поляны, канавы с болотной ржавой водой. Редкие тут деревни — Давыдово, Рамушево, Коровитчино. От одних этих названий — холодок по коже...

Немцы бросали сюда все новые и новые части. В конце концов им удалось соединиться с окруженной группировкой, пробить к ней коридор. Вот здесь он и проходил, где мы сейчас едем. Рамушевский коридор.

Враг считал свою демянскую группировку «пистолетом, направленным в сердце России». Стремился любой ценой сохранить ее. Нашей задачей было рассечь, перерезать коридор, и мы штурмовали его с севера и юга, держали под постоянным огнем. «Коридором смерти» стал он для немцев; так они сами его окрестили. На наши атаки враг отвечал злыми, массированными ударами, пускал в ход танки, самолеты.

На указателе надпись — «Кулаково». В висках стучит кровь. Оно?! Да, где-то в той стороне оно и должно находиться... Неужели еще немного — четверть часа, полчаса — и я буду там?

[1] Эта и предыдущая строфы — из популярной песни на слова М. Матусовского. В дальнейшем приводятся стихи Р. Рождественского, М. Дудина, Г. Горбовского.

Сворачивая с большака, проселок повторяет изгибы текущей неподалеку Ловати. Водитель «рафика», парнишка, в сомнении: как там дальше с дорогой? Сможем ли проехать? Сыро...

Ничего, дружок, не падай духом! Пока возможно, будем ехать. Станет твой автомобиль — пойду пешком. Один. Не дорогой, так лесом, луговиной, по-над берегом. Дождь снова хлынет — пусть, град, буря — неважно. Все равно доберусь туда...

Рубленые избы, палисадники, огороды... На первый взгляд деревня как деревня. А глаз все ищет и ищет приметы того, прежнего Кулакова.

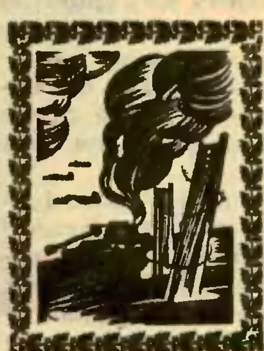
Нет, по деревне я пройду позже. Сперва туда, к реке...

Увалистый, крутой спуск. Под ногами оползает тяжелая, напитанная влагой глина.

Поспешно шагаю. Высокие жесткие травы, кустарник. Слева, за стеной густых зарослей, — река. Прямо передо мной — пойма, она все круче забирает к лесу, раздается вширь.

Уже не шагаю — почти бегу. Что-то, над чем я не властен, торопит, гонит дальше.

Минутами кажется: где-то вот здесь. Ну, конечно! И сейчас же — сомнения: но тут не было этого кустарника, этого подлеска. Вообще все было по-другому.

Немцы прорвались на участке соседней дивизии, крупными силами вышли нам в тыл. Много лет спустя те из нас, кто останется в живых, узнают: сюда были подтянуты свежие части, соединения, в том числе эсэсовская дивизия «Мертвая голова»; в документах вермахта этот контрудар осенью сорок второго был назван операцией «Михаэль». Прочтут признание западногерманского военного историка Вернера Гаупта: «Русские оказывали совершенно немыслимое сопротивление. Русские солдаты сражались буквально до последнего патрона».

Немцам удалось частично разобщить нас, прижать к реке, перерезать все дороги, по которым мы получали боеприпасы, продовольствие, вывозили раненых. Тыла больше не было: всюду передовая. Саперы, связисты, медики, повозочные — все стали просто стрелками, просто пехотинцами.

В один из дней под ударом оказался штаб дивизии. Это произошло вот здесь, возле деревни Кулаково.

Видится: мы бежим по широкой пойме, а у нас над головами кружит, зависнув в белесом небе, «рама» — немецкий разведчик.

Мы торопились, ох, как мы торопились! Впереди, метрах в трехстах, возвышались холмики дзотов. В тот момент — ничьих. А еще дальше, от леса, со стороны Коровитчино, двигались нам навстречу фашистские танки, за ними — россыпью — автоматчики.

Одного мы желали: успеть добежать. Зацепиться за эти брошенные дзоты. Не успеем... Там два танка и сотня, может, больше, автоматчиков. Нас — человек двадцать наспех собранных, кое-как вооруженных.

Мы успели. И открыли огонь, прижали автоматчиков к земле. Подбили танк...

Нас гвоздили из тяжелых минометов, из орудий. А мы держались.

Потом, впоследствии, я не раз возвращался мысленно к тем отчаянно трудным дням. Что больше всего поражало — как вели себя люди. Какими вдруг представали неожиданными, новыми.

Небольшой этот гарнизон возглавил старший политрук Савельев, комиссар нашего 839-го ОБС — отдельного батальона связи. Мне казалось, знаю комиссара хорошо, даже очень хорошо. Полгода рядом, тем более на фронте — срок достаточный, чтобы присмотреться, составить свое суждение. Был он человеком хотя и серьезным, деловым, но, как говорится, легким. Разговорчивым, неунывающим, улыбчивым!

Вдруг, за какие-то четверть часа, комиссар переменился, стал совсем другим. Весь — действие, собранность, командирская воля. Глядя на него, и все остальные почувствовали себя увереннее, сильнее.

Да и сам я... Что греха таить! До того, как мы попали в окружение, мне иной раз бывало здорово не по себе. В те минуты, пока бежали к дзотам, душу еще терзал страх. И только позже, когда Павел Диденко, наш коммутаторщик, зажег из бронебойки танк, и тот, густо дымя, отвалил к лесу, а второй повернул за ним, когда под нашими залпами автоматчики залегли, я почувствовал, как меня о т п у с к а е т.

К концу дня я уже сам себя не узнавал. Я словно бы освободился от какого-то гнета. Быть может, впервые тогда я, военфельдшер, ощутил себя бойцом.

Еще такое засело в памяти... Ни корки хлеба, ни сухаря — от голода качает. А был у нас ротный, старший лейтенант Мартынов, боевой, веселый парень из Кустаная. В один из тех дней мы вместе пережидали артналет в какой-то щели. И вдруг Мартынов открывает полевую сумку и достает полпачки концентрата «Суп-пюре гороховый». Он мог сам его съесть, там и было-то — два раза в рот положить. Однако ж поступил по-другому.

На всю жизнь запомнил я тот концентрат. Многое позабылось, а это...

Так где же они, те холмики-дзоты, вернее, то, что могло от них остаться? Где то место? Вроде бы тут должно быть. Или чуть дальше? Или где-то в стороне? Отыщи теперь...

— Места с войны признаете?

В прогале между прибрежных зарослей — зеленая, текучая вода, челнок рыбацкий и человек в плаще и резиновых сапогах. Похоже, собирался отплыть, да заприметил незнакомого.

— Узнать трудно. Позаросла низина-то. Лес вон какой вымахал. Ловать и та не сколь отошла.

Речь ведет неторопливо, глядит доброжелательно. Положил весло, достает папиросы, протягивает мне.

— Воевали тут небось?.. А я здесь, в Кулаково, родился...

Звать его Алексей Иванович, фамилия — Петров. В сорок втором ему сравнялось десять, хорошо помнит, что и как тут было.

Деревня их несколько раз переходила из рук в руки. Дед у него был — погиб. Мать, вместе с другими жителями, немцы погнали на запад. Остался он один. Видел последние бои. «Тут ему дали копоти...» Когда эти места освободили, попал — как сирота — в детдом. Но мать сбежала из колонны, добралась до родной деревни. Случайно, от кого-то он услышал об этом. Вернулся — но матери уже здесь не было, эвакуировали ее. Он разузнал — куда-то на Алтай. Много раз писал, наконец отыскалась. Уже после войны окончил курсы трактористов, начал работать. Помемногу стала жизнь налаживаться. Деревня отстроилась, хотя и не в тех, не в прежних пределах.

— До войны было семьдесят восемь дворов, теперь только шестнадцать. Но все ж сохранилась, живет. От других всего одно название осталось. Сутоки, Козлово, Борисово...

Теперь тут совхоз. Петров — механик на ферме. Дом, семья... Пора сенокосная, да нынче дождь, мокровато. Решил немного порыбачить.

Тем же путем, поймой, возвращаюсь в деревню. Дочь времени зря не теряла: показывает готовые наброски. Кулаково — мне на память.

Чуть подальше — еще деревня. Заробье. Едем туда. Там — огородами, лугом — нас ведут на воинское кладбище.

Рядом, внизу, тихо катит прохладные воды река. А здесь, на взгорке, на высоком месте, лежат мои товарищи. Герои. На светлых каменных плитах — их имена. Десятки, сотни имен. Многих, увы, не помню. Или просто не знаю. Но есть и знакомые. Демидов, Иващенко, Чернецов, Кроха, Персианов...

О таких, как Персианов, можно писать книги, слагать песни.

Этот мужественный, смелый лейтенант командовал батареей 76-миллиметровых пушек. Его батарея поддерживала огнем стрелковый батальон, оборонявший у Кулаково один из рубежей. Фашистская пехота предпринимала атаку за атакой, в бой вступали свежие силы. Ряды наших стрелков редели, все меньше оставалось в строю и артиллеристов. Батарея Персианова билась до конца, до последнего человека.

В тот день мы видели еще несколько воинских захоронений — в Давыдово, Коровитчино, Рамушево, Залучье. Все они — вдоль бывшего рамушевского коридора... Чистота, зелень, много цветов... Все это заботами близлежащих колхозов, совхозов, школ, старорусских предприятий.

В Залучье, где покоится еще один наш отважный артиллерист, всеобщий любимец капитан Андилахай, мы прочли на специально выложенной стене известные поэтические строки:

Вспомним всех поименно,
горем
вспомним
своим...
Это нужно —
не мертвым!
Это надо —
живым!

Очень верные, мудрые строки.

Потом, в Старой Руссе, в краеведческом музее мы осматривали экспозицию, посвященную войне. Схемы боевых операций, оружие, документы, фотографии... Волнующие реликвии не столь далекого прошлого.

Но этому собранию здесь явно тесновато, в картине военных действий немало «белых» пятен.

— Все это так,— согласилась Александра Александровна Лаврова, директор музея.— Но скоро положение изменится. Горисполком передает нам помещение бывшего Воскресенского собора, который давно уже перестал действовать, утратил свое культовое назначение. Вот там, после реставрации, мы и развернем как следует военную экспозицию. Широко будут представлены Северо-Западный и Волховский фронты, наш партизанский край. Подробно покажем, как шли бои у нас в Старорусском районе, на Ловати...

Ясным, солнечным утром мы приближаемся к Пушкинским горам, подъезжаем к территории заповедника. Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь — это все здесь, мы все увидим.

В глазах у дочери — радостное волнение. Оно передается и мне. Свидание с Пушкиным, этим все сказано.

Час, другой, третий бродим мы, как завороженные, по дорожкам, тропинкам, полянам, где гулял поэт. Любуемся озерной синевой, которой любовался когда-то он. Гладим ладонями шершавые стволы сосен, шумевших еще при нем. Слушаем рассказы о его жизни, о которой, казалось бы, так много уже знаем, но готовы слушать еще и еще. Внимаем музыке стихов, свежо и ново звучащих здесь, где они родились, где впервые легли на бумагу...

Так вот ты каков, «приют спокойствия, трудов и вдохновенья»! Тот уголок земли, куда юный Пушкин приезжал, полный радужных надежд, где позднее провел «изгнанником два года незаметных», куда стремился, чтобы насладиться волей. Тот милый его душе предел, где завещал он похоронить свой прах.

На взбегающей круто опушке — скамья. Наверно, это тот самый «холм лесистый», где поэт часто «сиживал недвижим — и глядел на озеро, воспоминая с грустью иные берега, иные волны». Белая — точь-в-точь «онегинская» — скамья как будто приглашает присесть, неспешно осмотреться, предаться раздумью.

Дочь достает бумагу, кисть. Сейчас начнется таинство рождения этюда. Необычного, запечатлеющего эту водную, тихую гладь, зеленый берег, дальний лес, это высокое небо и легкое, как дуновение, облачко в нем. Когда будет сделан последний мазок, чуть просохнут краски, дочь в уголку напишет: «Михайловское. Июль 1979». Пройдут годы, дочь станет совсем взрослой, многое узнает и увидит, но всякий раз, глядя на этот этюд, она будет вспоминать о далеком, счастливом дне, одном из самых светлых в своей жизни.

Я сижу рядом, я тоже под впечатлением всего увиденного и услышанного. Должно быть, поэтому мне сейчас трудно себе представить, что тогда, весной сорок четвертого, вот здесь — через Михайловское, Савкину горку, Тригорское — проходила часть мощной оборонительной линии, возведенной фашистами, что все тут было изрыто, заминировано, опутано колючей проволокой.

Пройдя с боями по Псковщине, 1-я ударная армия, в составе которой мы воевали, вплотную подступила к пушкинским местам. Вон там, недалеко отсюда, были наши позиции. Дивизия готовилась к новому наступлению. Дивизия, армия, весь — теперь уже 2-й Прибалтийский — фронт.

Не найти, не отыскать мне той разбитой деревеньки, где находился командный пункт нашего стрелкового батальона, а там и мой блиндажик. Вернее, блиндаж моего БМП — батальонного медпункта. И следов, небось, от тех землянок не осталось. А жаль. Сам не знаю почему, но жаль.

Участок обороны у нас был большой, растянутый. Людей не хватало. По ночам приходилось ухо держать востро: немцы не раз просачивались, устраивали засады, нападали.

Чуть ли не каждую ночь пробирались в тыл врагу наши разведчики. Нередко на участке батальона проводила операции дивизионная разведка, где служил мой друг Андрей Бочкарев. Друг-приятель еще по батальону связи.

Он был отличным офицером, Андрей — энергичным, решительным, знающим. Владел немецким. Успел многое прочесть, о многом подумать. Да просто был славным хлопцем. Общаться, говорить с ним доставляло огромную радость.

Иногда, после поиска, он оставался у меня. Юрченко, мой санинструктор и помощник, заваривал нам чай покрепче — и начинались разговоры. О дивизионных новостях, об общих знакомых, о «Пантере» — основном рубеже «восточного вала», вставшего у нас на пути, о пушкинских местах, которые так хотелось поскорее очистить от врага. О самом Пушкине, понятно, тоже. Однажды Андрей удивил: наизусть стал читать целые куски из «Онегина» — из первой главы, из второй, «Сон Татьяны».

Запечатлелось: горит коптилка из снарядной гильзы, стынет в кружках недопитый чай, гулко постукивают в ночи дежурные пулеметы — то наш, совсем рядом, то, в отдалении, немецкий. И звучат, звучат стихи. Такие вроде бы неуместные здесь, на переднем крае, в этой суровой обста-

новке, такие от нас тогда далекие. Но такие почему-то отрадные, нужные, просто необходимые...

В ту пору дивизию атаковали... ученые-пушкиноведы, а с ними заодно и художники, корреспонденты, кинодокументалисты. Известные профессора Благой и Гудзий выступали перед бойцами, говорили о роли Пушкина в истории отечественной культуры, в духовной жизни народа. Словом, проводили разъяснительную работу, полезное, конечно, дело делали. Хотя о Пушкине — кто больше, кто меньше — и без того знал каждый. Наверно, каждый.

Недавно в Алма-Ате, где в свое время была сформирована наша дивизия, вышла книга о ее боевом пути. Вот небольшой отрывок:

«Стремление ускорить освобождение пушкинских мест

Эти снимки сделаны
фотокорреспондентом
Галиной Санько
сразу же после того,
как гитлеровцы были изгнаны
с территории
Пушкинского заповедника.
На одном из них
вы видите саперов,
занятых разминированием
могилы поэта;
на другом — то,
что осталось от домика
его няни
Арины Родионовны.

от захватчиков проявлялось в возросшей боевой активности воинов. Коммунистическому расчету старшины Бродигина из 4-й батареи 951-го артполка было присвоено имя А. С. Пушкина. Это на 4-й батарее Яков Хелемский видел, как подносчик снарядов, прежде чем передать снаряд заряжающему, макал кисть в брезентовое ведро с белилами и выводил короткие послания: «За Пушкина!» или «По дантесам!» Батарея так пристреляла отрезок большака, просматривавшийся между двумя ельниками в расположении противника, что в дневное время ничто не могло проскочить невредимым» [2].

В подразделениях проводились партийные собрания, на повестке дня которых стоял вопрос: тактика ведения боев по освобождению Пушкинского заповедника. Было такое собрание и у нас в батальоне.

В штабной землянке, самой просторной, поместиться можно было только стоя. Так, теснясь, мы все и стояли. И выступали, не сходя с места. Мне запомнилось, как говорил наш комбат Павел Алексеев. Его волновало многое: и мощь вражеских укреплений, и как их «прогрызать», как лучше, успешнее действовать на всех этапах наступательного боя. Но не только это.

Комбатом Алексеев стал уже при мне; был взводным, ротным, замкомбата по строевой. Потом сменил выбывшего по ранению командира батальона. Он казался мне чересчур жестким, излишне придирчивым. Понял я его не сразу.

Комбат не был оратор, вел речь просто. Он был солдатом на этой трудной войне, где так дорого доставался боевой опыт. На том памятном собрании он делился им, наставлял, учил. Призывал, требовал. Бранил за ошибки и упущения. Ему было жаль зря пролитой крови, он старался оберечь своих людей. Вот чем объяснялись его придирчивость, строгость, порой даже суровость...

Наши войска нанесли удары южнее и севернее Пушкинских гор, ударили с плацдарма на реке Великой, где действовал и наш 1280-й полк. И сразу же поставили вражескую группировку под угрозу окружения. Бои на территории заповедника удалось предотвратить, гитлеровцы бежали. Удалось сорвать и варварский, злодейский замысел врага — уничтожение Святогорского монастыря с могилой поэта. Фашисты вырыли под ней двадцатиметровый тоннель и заложили туда 10 авиабомб, специальные мины...

Прощаясь с Михайловским, мы с дочерью долго стояли у большой глыбы песчаника — подобия стелы. Там, на каменной плите, высечены слова:

Здесь похоронен воин неизвестный,
Освободивший Родины святыню.
Бессмертной славы мужество достойно —
Идущий мимо, голову склони.

Поклон земной, низкий и тем, кто соорудил обелиск, увековечил память павшего бойца. Но лучший, самый прекрасный памятник всем, кто отдал жизнь в боях за освобождение этих мест, кто пролил здесь свою кровь, — поднятый из руин заповедник, вот этот кусок родной земли, куда едут и едут, чтобы увидеть, прикоснуться. Навсегда сохранить в своем сердце.

Кому доводилось побывать в Резекне, тот знает, какой это красивый, цветущий город, весь в зелени садов и парков. Летом сорок четвертого, превращенный гитлеровцами в один из опорных пунктов «Балтийского бастиона», он выглядел совсем иначе.

На рассвете 27 июля наш 1280-й полк, пробившись к юго-восточной окраине города, развернул здесь уличные бои. Вскоре в борьбу

[2] П. Белан, А. Тимошенко, Н. Барков. Фронтовые дороги. Алма-Ата, 1978, стр. 74.

вступили другие части дивизии, подошли соединения, наступавшие справа и слева от нас. Фашисты сопротивлялись остервенело, дрались за каждую улицу, за каждый перекресток. У них тут были и танки, и штурмовые орудия, много другой техники, но удержать этот важный стратегический пункт, крупный железнодорожный узел им не удалось.

Наш полк, первым ворвавшийся в Резекне, был удостоен тогда особой почести. Командующий фронтом — по давней воинской традиции — назначил командира полка подполковника Алехина комендантом города.

В тот же день, поздним вечером, пришла еще одна радостная для нас весть — теперь уже из Москвы. Дивизии было присвоено почетное наименование «Режицкой». Столица салютовала в нашу честь, в честь всех войсковых соединений, принимавших участие в освобождении Резекне. (В апреле 1945 года за участие во взятии города Нейштадта и окружении оппельнской группировки противника дивизия была награждена орденом Красного Знамени и с тех пор полностью именовалась так: 391-я Режицкая ордена Красного Знамени стрелковая дивизия.)

У входа в один из парков высится гранитный обелиск с надписью «Вечная слава». Мы с дочерью кладем цветы к подножию. На обелиске — имя Героя Советского Союза Сергея Черникова, погибшего на подступах к городу. Потом я рассказываю ей, что это был за человек.

Симпатичный, стройный блондин, трубокур и острослов. Это штрихи к его портрету. Он очень хотел стать художником, Сергей Черников. И стал им. Но всякий раз, как возникала военная угроза, откладывал холсты и кисти. Сражался с врагами на озере Хасан. С белофиннами. Закончил артиллерийское училище и командовал у нас дивизионом. В последнем бою своими гаубицами Сергей Черников, по сути дела, обеспечил успех.

От Резекне путь на запад лежит через Лубанскую низменность. Теперь по быстрой автостраде, даже проселком преодолеть ее совсем несложно. Но в июльские, августовские дни сорок четвертого эта низменность с ее болотами, трясинами, множеством речек, стекающих в озеро Лубана, с чащобами, гарями, буреломом, с вражескими заслонами и хитроумно расставленными минами была для нас нелегким испытанием. И не единственным, конечно.

Бои в Латгалии ожесточились. Каждый рубеж приходилось брать с бою. А это стоило крови. Крови и мужества.

Был у меня друг в батальоне, Федя Минько. Не могу назвать его, как подобало бы, Федором, для меня он Федя. Были мы, можно сказать, на равных: он тоже взводный, как и я, но у него — взвод связи. Всегда почти что вместе или поблизости. Только в бою у нас задачи разные. Его задача — обеспечить связь — потруднее: умри — но связь дай. И Федя — под огнем, под пулями — давал эту самую связь. Тяжкую делал работу. Был крепким, кряжистым, силища-парень, жить бы ему да жить... В разгар боя, когда Федя и его хлопцы тянули телефонную линию, в двух шагах разорвалась мина.

Я не мог даже похоронить друга: батальон двинулся дальше, вслед за отступившим противником. Федю хоронил на ближайшем хуторе Юрченко. Где теперь тот хутор, где Федина могила?

Чуть раньше, под Ляудоней, на подходах к реке Айвиексте, был ранен подполковник Алехин. Каких-то несколько дней назад мы поздравляли своего командира — первого коменданта первого отвоеванного у врага города на земле Советской Латвии. И вот....

За время нашей поездки было немало теплых, сердечных встреч. Но встреча в Ляудоне как-то по-особому тронула. Нас ожидали прямо на дороге: чтобы не пропустить. Ольга Юрьевна Грундман, Ирена Вольдемаровна Вилцинь, Анита Оскаровна Перерсиле, учителя местной школы, готовы были тут же вести меня куда-то, усадить, записать все, что я помню, о боях за Ляудону. Они мне объяснили:

— Ребята очень хотят знать, просят, теребят нас. Но нам все не удавалось, чтобы из тех, кто именно здесь... Вы — первый...

Тут же, у дороги, — воинское кладбище. Совсем небольшое в сравнении с мемориалами в Резекне, в Мадоне. Семьсот сорок солдат и офицеров покоятся здесь, под зелеными кронами. Семьсот сорок из тех, кто бил врага на Айвиексте, кто принес освобождение маленькой Ляудоне.

— Тут розы цвели красивые. Наши ребята вырастили, ухаживали за ними. Но эта зима была слишком суровой, розы почти все вымерзли. Ребята очень огорчены... Хотят сажать заново.

Два-три дома всего лишь уцелело в местечке. А теперь здесь новые улицы. Новая школа, какой мог бы гордиться любой город. При школе — великолепный спортзал, прямо-таки дворец спорта. Можно играть в футбол, проводить большие соревнования.

Ляудона строит жизнь, строит свое счастье. Пусть оно будет прочным, пусть больше никогда не омрачится...

Кто шел с боями по латышской земле, наверняка запомнил название города — Эргли. Здесь, на этом важном рубеже, противник стянул в кулак полдесятка дивизий и приданных им частей усиления, технику. И предпринял контрудар. В один из дней, 22 августа, полки нашей дивизии отразили 23 вражеские атаки.

Много хороших, отважных людей потеряли мы в тех боях. Многих потерял наш батальон. Вышли из строя все командиры взводов, почти все командиры рот. Погиб комбат Павел Алексеев.

Я лишился лучшего своего санитара, Артюхова (не помню, к сожалению, его имени). Немолодой белорус с седоватым ежиком, в обычное время инертный и вялый. Но каким он был в бою! Он не знал никаких препятствий, бесстрашно шел под пули, под любой огонь, вытаскивал раненых из-под носа у немцев, чуть что — пускал в ход оружие.

Его ранило в голову. Пока мы с Юрченко оказывали ему первую помощь, он поминутно терял сознание, бредил. Остался ли он жив — не знаю, никакой весточки от него не пришло. Мы отправили его сразу, без задержки, хочется верить, что его спасли.

Так или иначе, я в неоплатном долгу перед ним. Кроме скромной медали, иных наград Артюхов не имел, хотя и воевал давно и не впервые был ранен. Я хотел представить его к ордену, вернее, просить, чтобы представили. Но шли тяжелые бои, снова, как уже не раз случалось, место в окопах заняли саперы, ездовые, писаря. Было недосуг. Потом и вовсе на какое-то время батальон наш прекратил свое существование, я оказался в другом полку, в другом батальоне. Так наградной лист на Артюхова и не был составлен.

Сколько уж тому лет, но мне совестно и поныне. Совестно, стыдно, что так вышло, что смелый, не щадивший себя солдат остался без заслуженной награды.

Путь наших войск к Риге был многотрудным. На дальних и ближних подступах к ней враг понастроил мощных оборонительных рубежей, обводов. Мы прорывали их, двигались дальше, снова прорывали и снова шли. Вперед и вперед.

В медсанбате у нас был военфельдшер Борис Кахновский, рижанин. Он штудировал медицину, однако врачом стать не успел, ушел на фронт. Воевал — вместе со своим братом — в одной из латышских дивизий. Потом попал к нам.

Уже в Латвии встретил прежних однополчан, от них узнал: брат убит.

В Риге у Бориса оставалась семья, бабушка, которую он очень любил и которую часто вспоминал. Бабушка говорила: «Ничего, найдется и на Гитлера управа...»

Позднее, когда Ригу освободили, Борису суждено было пережить еще одну скорбную весть. Всю его семью, и бабушку тоже, немцы уничтожили.

Я думал об этой трагедии, одной из множества ей подобных, в Саласпилсе, где гигантские каменные изваяния взывают к памяти, где тупой болью отдаются в нас удары метронома — как воедино слитые удары сердца всех ста тысяч замученных, расстрелянных. Тех, что там лежат.

Еще я думал о том, что старая женщина, бабушка моего фронтового товарища, была права. Нашлась управа. Мы изгнали врага, сломали ему хребет. Помогли народам Европы спастись от коричневой чумы.

Дочь, как всегда, держала в руках свой походный альбом. Но там, в Саласпилсе, она его не раскрыла, не смогла.

ПО ЛАТВИИ вместе с нами ездил референт республиканского общества «Знание» Болеслав Донатович Звейсалниекс, человек необычной и трудной судьбы [3].

Сам он розекненский, из тех мест, по которым прошла с боями наша дивизия. Рыбацкий хутор Звейсалас, где он вырос, — как остров посреди Лубанских болот.

Вся семья — отец с матерью, брат, сестры, он сам — была глубоко религиозной. Такой же была и семья дяди, жившая по соседству, на том же хуторе. Во всех своих делах и чаяниях они уповали на господа.

Война, прокатившаяся по родным местам, не столько, может быть, напугала юного Болеслава, сколько ужаснула. Видом крови и смерти, безмерным человеческим страданием. Повергла в смятение. Как жить? Как найти дорогу к людям? Как уберечь, спасти страждущую душу свою?

Чем больше он думал над этим, тем больше укреплялся в мысли: спасение в молитве, в непрестанном обращении к богу, к его святости, мудрости, к его доброте. В служении ему. Он единый может остеречь, научить, дать отраду. А там — и жизнь вечную.

Едва отгремела война, Болеслав попрощался с родными и отправился в Виляны, там же, в Латгалии, поступил в монастырь. Недолгое время спустя он уже был в Риге, учился в духовной семинарии. Затем его посвятили в сан ксендза.

Он служил своему богу истово. В нем, молодом ксендзе, открылся талант проповедника. Прихожане в Талсах, Алсунге, Юркалне жаждали его слова, старались не пропустить ни одной проповеди своего духовного пастыря.

Сомнения пришли позднее, когда он стал пристальнее приглядываться к окружавшей его реальной жизни и невольно соотносить, сопоставлять с той, другой, пусть и прекрасной, но все-таки иллюзорной, существования которой никто не может подтвердить.

Понадобились твердость, внутренняя сила, чтобы задать себе вопрос, прямой и жесткий. Главный вопрос. И прямо, честно на него ответить.

Настал день, это было воскресенье, когда он пришел в свой костел в Салдусе в обычном, цивильном костюме, поднялся на кафедру и произнес последнюю, нет, не проповедь, просто речь. Он сказал, что больше не хочет обманывать никого сладкими сказками о чудесах и райских кущах, о всеблагом отце небесном. Что жизнь одна, вот эта, а другой нет и быть не может...

Его мать, потрясенная публичным отречением сына, упала в обморок. Многие прихожане плакали.

В тридцать лет Болеслав Звейсалниекс начал новую жизнь. Это было непросто: ни образования, ни специальности. Все, как говорится, с нуля. Но если бы только это. Было и непонимание, были и косые, недобрые взгляды, угрозы. Его проклял епископ Спрингович, проклял в Ватикане папа Пий XII.

Звейсалниекс написал книгу — «Утраченные годы», — в которой рассказал всю правду о себе, о своем прозрении. Особо ревностные служители церкви скупали ее, уничтожали тираж.

Словом, много было всякого, но теперь это уже позади. Звейсалниекс — один из лучших в республике лекторов, активный пропагандист научного атеизма. Член Союза журналистов. Коммунист. А помимо того, на редкость общительный, вызывающий симпатию человек, интереснейший собеседник. У него семья, двое сыновей.

Мы проехали с ним восточную часть республики, центральную, затем наша новенькая, только что с заводского конвейера «Латвия» взяла курс на запад. Елгава, Добеле, Ауце... Места последних боев моей дивизии на латышской земле. Затяжных, кровопролитных сражений.

Всюду, куда бы мы ни прибыли, нас встречали гостеприимные, очень внимательные люди, которые старались показать все лучшее, что у них есть, все, чего они добились за годы послевоенного строительства. И хочется отметить — многое из того, что мы видели, поражает воображение.

Что еще непременно показывали нам — это гранитные обелиски, стелы, воздвигнутые в честь советских воинов, танки, поднятые на пьедестал, памятные камни — огромные валуны, поставленные у дорог и переправ, где шли бои. Мемориальные кладбища.

Не знаю, какие мысли посещали моего провожатого Болеслава Звейсалниекса, когда мы ходили по тихим дорожкам, молча стояли у гранитных и мраморных плит, читали на них имена павших героев. Думать он мог о многом. Но, может, думал и о том, что люди, чью память так чтят, не заблуждались, по крайней мере, в главном. Твердо знали, что нужно делать, чтобы одолеть зло. И пусть ценой жизни, ценой самой высокой, завоевали мир для миллионов.

...В самом начале сорок пятого на станции Ауце, уже освобожденной от врага, дивизия — с пушками, лошадьми, со всем военным имуществом — грузилась в эшелоны. Наш путь лежал в братскую Польшу, к берегам Вислы, нас ждали новые походы, новые сражения.

ДЕНЬ Победы, ее 35-летие — это и торжество, и день благодарной памяти. Но не только. Думая о минувшем, радуясь дню сегодняшнему, мы пристально всматриваемся в будущее. Мы спокойны, уверены в себе. Многое в мире нас заботит. И все же, несмотря ни на что, мы полны оптимизма.

Тает снег ноздреватый поспешно.
Кто сказал, что война — неизбежна?
Бьют прямые лучи с небосвода.
Умирать никому не охота.
...Сколько в будущем смеха и света...
Мы еще повоюем за это!

---

[3] Наш журнал уже однажды писал о нем. См. № 6 за 1977 г. — А. Левант «Верю в человека».

Фото В. Опалина.

Много лет я веду поиск воинов, пропавших без вести на полях Великой Отечественной войны. За это время мне пришлось перечитать тысячи писем от их близких, друзей, однополчан. Я убедился: почти во всех семьях, куда пришло известие — пропал без вести, — до сих пор ждут сыновей, отцов, мужей, братьев. Даже если время не оставило надежды дождаться живого — ведь прошло больше трех десятилетий! — люди хотят знать, где и как погиб дорогой человек, где его могила, куда можно прийти, поклониться, погоревать... Наша печать, движение «красных следопытов», кровная заинтересованность в этом деле всего нашего народа помогли многим получить ответ на волнующий их вопрос. Сколько неизвестных судеб разгадано, сколько новых имен героев названо!

Церковь стремится убедить в том, что только вера в бога, в загробный мир сохраняет благоговейное отношение к памяти об умерших, только религия и церковь способны обеспечить бережное отношение к могиле, способны сохранить благодарную память о тех, кого не стало с нами. Однако всенародный поиск павших героев под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто» решительно опровергает это утверждение. Стремление помнить и чтить память своих близких — тех, кто отдал свою жизнь борьбе с темными силами фашизма, за свободу и независимость Родины, — заложено в самой природе человека вообще, советского человека в особенности.

На страницах журнала уже не раз рассказывалось о поиске безымянных героев. Автор писем, которые я предлагаю вниманию читателей, — Николай Николаевич Данилов. Мы встретились с ним в Москве, куда он приехал из Одессы, где живет и работает, по делам поиска своего отца, пропавшего без вести в начале войны. Я попросил его рассказать о том, что ему удалось сделать, ответить на вопросы, которые у меня возникли. Время у Н. Н. Данилова было ограничено, и мы договорились, что он обо всем мне напишет. Свое обещание он выполнил. Правда, его рассказ в одно письмо не поместился.

С моим предложением напечатать его письма Николай Николаевич, поколебавшись, согласился. Он выразил надежду, что, может быть, кто-нибудь из читателей журнала знает о его отце что-то такое, что еще неизвестно ему.

Я в этой публикации вижу и другое — возможность познакомить читателей с автором писем. Мне кажется, что письма Н. Н. Данилова могут также многое рассказать о личности их автора.

Лев АРКАДЬЕВ

Чти отца своего

Письмо первое

Вы спрашиваете, давно ли я веду поиск своего отца. Меня часто спрашивают об этом. Дело, которому подчинена моя сегодняшняя жизнь, у многих вызывает вопросы. Я не всегда умею ответить, порой удивляюсь, почему меня спрашивают. И отвечаю каждому — по его понятию: один может понять одно, другой — этого не поймет, но ему будет понятен иной ответ. А на самом деле меня побудило и то, и другое, и третье.

Иногда меня спрашивают, почему я не искал раньше, иногда — зачем я ищу теперь.

Раньше... Когда раньше?

Мой отец подполковник Данилов Николай Семенович пропал без вести 20 сентября 1941 года, когда я еще не ходил в школу. Потом мне было и 10 лет, и 15, и 20, и 30, и все продолжалась инерция детства, в котором не было отца и не было надежды после получения официального извещения.

Погиб на войне — для меня и моих товарищей, как и я оставшихся сиротами, эти слова в нашем послевоенном детстве не оставляли надежды. Погиб на войне — за этой фразой стояла стена. Что еще можно узнать? Служил в Н-ской части, воевал на западном направлении, последние вести из города Г. О каких поисках в море неизвестности судеб миллионов погибших могла идти речь?

Первые послевоенные годы понятия «Поиск» — в его современном значении — не было вовсе. Вероятно, первым показал, что можно сделать, писатель С. С. Смирнов, начав поиск героев Брестской крепости. А потом были юбилеи Победы, встречи ветеранов, рубрика в газете «Литературная Россия» «Может быть, кто-нибудь что-нибудь знает...», на места боев вышли первые отряды «красных следопытов». Вот тогда и начались настоящие поиски...

Я не искал отца в детстве, не искал потом — в юности. Не представлял себе, что возможно будет то, что удалось за эти последние годы, которые все добавляют и добавляют строку за строкой в биографии моего отца.

Конечно, много времени потеряно. Конечно, раньше узнал бы больше. Но для серьезного поиска нужна зрелость — собственная зрелость и зрелость времени.

Начиная такой поиск, нельзя бояться: а вдруг за формулой «Пропал без вести» таится такое, что может опорочить близкого человека. Начиная поиск, нельзя страшиться неожиданностей; даже обнаружив что-то в этом роде, следует копать дальше и рассказать все людям, обращаясь к ним за помощью. Надо переступить в себе и «премудрого пескаря», и «тварь дрожащую», которые в разной степени сидят в каждом из нас.

Мне помогло то, что я получил юридическое образование. Я вел этот поиск не дилетантски, а квалифицированно, не хватался, как новичок, за первую попавшуюся версию, а проверял все, доказывая — себе и другим — несостоятельность одних предположений, вероятность других и неоспоримость третьих.

Мать моего школьного приятеля говорит мне: «Ну, найдешь ты могилу отца — что с того? Разве мне легче, если я знаю, где стоит столбик со звездой над могилой моего мужа?» Я отвечаю: «Вам известно, где погиб и похоронен ваш муж, но вы даже не представляете, что это такое: не знать этого. У вас есть куда отвезти цветы на могилу. А у нас с мамой нет. Надпись на братской могиле — это немало, но отец мой и того не имеет. Я хочу точно знать, где и как погиб мой отец».

Видимо, где-то в подсознании крепко сидела закрученная с детства пружина привязанности к отцу. Трудно объяснить — даже самому себе — почему, как и когда она раскрутилась. Не могу даже сказать, как говорил другой сын в очерке, напечатанном в газете «Известия»: «Потому что отец стал сниться по ночам». Рад был бы хоть раз увидеться с ним — хоть во сне. Но — нет. Ни услышать, ни увидеть — ни во сне, ни наяву. Может быть, оттого и ищу я, собираю по крохам — у родных, у однополчан, в архивах, в музеях — его фотографии, строки, написанные его рукой, расспрашиваю людей, что помнят о нем после того, как прощался я с ним в июне 1941-го. «Что тебе привезти, когда война закончится?» — «Привези себя». — «А если я вернусь, то что тебе привезти тогда?» — «Ну, каску немецкую». Потом в единственном полученном мамой с фронта письме он написал: «Касок немецких Колюшке я могу дать хоть дюжину, но переслать нельзя. Скажи ему, что (зачеркнуто «все в порядке») одну ему таки привезу. Или штык немецкий, что он лучше хочет».

Это он писал в августе 1941-го.

В 1967 году группа «красных следопытов» в поисках другого Николая Данилова (потом выяснилось, что с другим отчеством) получила из Министерства обороны сведения о моем отце. Следопыты нашли маму и спросили, учился ли ее муж в харьковской «Школе красных старшин им. ВУЦИК». Мама ответила, что нет. Я же, заинтересовавшись этим письмом, поехал в Харьков, нашел на Холодной горе эту школу и впервые увидел на бланке Главного управления кадров МО СССР данные о моем отце и адрес, по которому мы с мамой уехали в эвакуацию. Впервые узнал должность отца: начальник артиллерии 22-й танковой дивизии (этого и мама не знала). И тогда же, в 1967 году, я написал первый запрос об отце. Это было еще между прочими моими делами. Я очень увлекся тогда моими «досками». На обожженных древесных плоскостях, используя древесный рисунок, я стал создавать резные — чаще всего пейзажные и портретные — композиции. И с «благополучной», но отнимающей много времени должности юрисконсульта я ушел на завод, где был 6-часовой рабочий день, не только ради поисков отца, но прежде всего ради того, чтобы иметь больше времени для творчества.

Тут родилась у меня дочь — с серыми глазами моего отца. Язык не поворачивается сказать: глазами дедушки. Какой он дедушка! Я ведь сейчас старше его. И дочка не называет — дедушка. Показывает на фотографию и говорит: «Это папин папа. Он погиб на войне. В него стреляли враги».

А что я могу прибавить к ее словам, что я могу ей рассказать о своем отце?

Возникла мысль — сделать на «доске» портрет отца. Сохранились ведь его фотографии, с детства запомнились перекрещенные «пушечки» на его петлицах. Начал я искать подходящую «доску». А остальные «доски» стали мне неинтересны....

И тут вдруг оказалось, что мне совершенно необходимо знать, что же стало с моим отцом.

Моя переписка, связанная с поисками отца, стала разрастаться, и очень скоро я понял, что стою перед выбором: либо вести поиск отца серьезно и основательно, либо оставить поиск и идею сделать портрет отца и взяться за другие портреты.

Однако второго я сделать не мог. А поиск мой стал неожиданно давать несомненные результаты.

Письмо второе

Сначала я пытался выяснить, где мог пропасть без вести в сентябре 1941 начальник артиллерии 22-й танковой дивизии подполковник Н. С. Данилов. Чтобы узнать боевой путь этой дивизии, я обратился в Центральный архив Министерства обороны в Подольске и получил ответ: «Документов 22-й танковой дивизии на хранении в ЦАМО не имеется».

Я стал искать материалы о 22-й дивизии, вникая в историю первых месяцев войны. Куда только ни писал — и все тот же ответ: «данными не располагаем». Я стал постоянным посетителем читальных залов Одесской научной библиотеки им. Горького, занимался в Ленинградской Публичной библиотеке, перечитал горы воспоминаний о войне, шесть томов «Истории Великой Отечественной войны», все вышедшие тома «Истории второй мировой войны», годовые подшивки «Военно-исторического журнала», переводы мемуаров Гальдера, Гудериана, Гота, Типпельскирха и других гитлеровских военачальников, тома сводок Совинформбюро... Моим добрым лоцманом в этом военно-мемуарном море стал библиограф библиотеки Одесского ДОСА И. Е. Фельдман, ветеран-фронтовик, очень отзывчиво отнесшийся к моему поиску.

Списавшись с авторами некоторых мемуаров (например, с генералом С. М. Кривошеиным, автором «Ратной были»), с Музеем обороны Брестской

крепости, мне удалось найти двенадцать оставшихся в живых ветеранов 22-й танковой дивизии. Из книг, из переписки с этими людьми яснее становилась мне судьба дивизии. В июне 1941 года она дислоцировалась рядом с Брестом. Как и другие части 4-й армии, приняла на себя первый страшный удар танков Гудериана, героически сражалась и была разбита. В последних числах июня 1941 года 22-й танковой дивизии не существовало, и больше она в первоначальном виде не восстанавливалась. Отсюда следовал вывод: либо начальник артиллерии 22-й танковой дивизии пропал без вести не в сентябре, либо он пропал без вести уже не будучи начальником артиллерии именно этой дивизии.

Я снова написал в Архив МО и попросил прислать из личного дела отца его фотографию и послужной список. Мне прислали фото — такое, как есть у нас в семье, только заверенное и с личной подписью отца. Это предвоенный снимок — отец снимался, когда еще был майором — на фото две «шпалы». На обложке «дела» слово «майор» заклеено словом «подполковник». В личном деле послужной список, автобиография, характеристики, представление к званию «подполковника». Последняя строка в послужном списке: 22-я танковая дивизия, начальник артиллерии. И — штамп на первом анкетном листе, прямо по тексту: «Пропал без вести в сентябре 1941 г.».

В моих поисках, связанных с 22-й дивизией, приняли участие «красные следопыты» средней школы № 11 г. Бреста (переписка с ними у меня ведется до сих пор) и ветераны 22-й танковой дивизии, особенно живущие в Обнинске супруги А. М. и С. И. Бизеры. Но вот что удивительно: никто из ветеранов 22-й танковой дивизии не знал начальника артиллерии подполковника Данилова Н. С., никто не узнал его по фотографии. Складывалось такое впечатление, что мой отец в 22-й дивизии не служил.

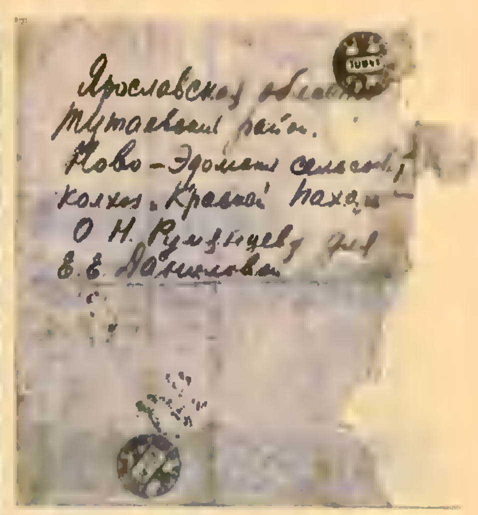
Вернемся к послужному списку отца: перед войной он был преподавателем артиллерийской стрельбы, затем тактики артиллерии Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава Красной Армии (АККУКС) в городе Пушкине под Ленинградом (бывшее Царское Село), где и мы с ним жили до июля 1941 г. (последние дни уже без него).

22 июня 1941-го помню: мне было 7 лет, был выходной день, мы с мамой и сестрой Ниной встали поздно, позавтракали. Нина собиралась идти к подруге, я сидел на подоконнике и прицеливался из игрушечного пистолета — «самовзвода» — в прохожих (понарошку, это были фашисты). Из уличного радиорепродуктора доносилась неразборчивая речь. Мама мыла посуду и вдруг попросила: «Нина, включи радио!»

Я ничего еще не понял, когда услышал звон разбитой тарелки и увидел ставшее белым лицо мамы и испуганно остановившуюся в дверях сестру.

Что было потом? Заклеивали окна полосками, вешали темные шторы, говорили об эвакуации, куда-то звонили. По радио все время передавали марши, во дворе военного городка установили зенитки. Большой подвал стал бомбоубежищем. Отец подал рапорт о направлении его на фронт, который тут же был удовлетворен, и он получил назначение (как я теперь понимаю) в 22-ю танковую дивизию, которая, к моменту его прибытия на Западный фронт, уже не существовала. Поезд отходил завтра утром, а сегодня... «Значит, мы не поедем к тебе на родину? — ты же обещал...» — это я так не хотел, чтобы он ехал на войну, а повез нас всех в Ригу или к бабушке в Кременчуг и показал из окна вагона обещанное — как земля вертится. «Поедем, когда разобьем фашистов».— «И на лодке ты обещал покатать». — «На лодке покатаю». И взяв напрокат лодку, отец сел на весла и повез нас по Царскосельскому пруду, вокруг Чесменской колонны и под мостиком.

Конверт фронтового письма.

Николай Семенович Данилов (предвоенный снимок).

Рано утром простился с нами, все старались не плакать...

Мы отправились в эвакуацию в Ярославскую область. Нас высадили из вагонов, кажется, на станции Тутаево. Там эвакуированных ждали телеги, присланные колхозами, и всех развезли по деревням, определили на долгий постой по избам колхозников. Мама была учительница, и нас повезли в деревню Николо-Эдома Тутаевского района, где учитель ушел на фронт.

Мама писала отцу каждую неделю в июле, августе, сентябре, октябре, ноябре, декабре 1941-го. Единственное фронтовое письмо отца было написано им до всех этих писем, да и неизвестно, получил ли он их. С декабря 1941-го мама начала писать запросы в Наркомат обороны. Конверт единственного фронтового письма отца мама разрывала с таким нетерпением, что почтовый штемпель едва сохранился. И все-таки можно разобрать: «СССР, полевая почта № 405 10.8.41».

В самом начале я считал, что это единственное письмо было отправлено из 22-й танковой дивизии. Но когда понял, что отец там не служил, я стал разыскивать его часть по этому номеру полевой почты. На мой новый запрос я получил ответ: «Полевая почтовая станция № 405 в июле—сентябре 1941 обслуживала 117-ю стрелковую дивизию, которая вела боевые действия в составе 21-й армии: в частично сохранившихся списках командиров управления 21-й армии подполковник Данилов Н. С. не значится».

Письмо третье

Значит, полевая почта № 405 — это 117-я стрелковая дивизия. Там, видимо, и надо искать следы моего отца.

И снова подшивка «Литературной России» («Может быть, кто-нибудь что-нибудь знает...»), снова книги о войне, новые адреса, новая переписка. От неудач, от писем с ответами «нет, не был там», «нет, не знал», «нет, не слышал», от множества вечеров за книгами, из которых ни словечка не выуживалось, порой опускались руки. Но были и успехи, хотя неуспехов было в десять раз больше.

Из книг (в частности, из книги «Краснознаменный Приволжский», Куйбышевское книжное изд-во, 1975) я узнал, что формирование 21-й армии, в составе которой и была 117-я отдельная стрелковая дивизия, закончилось в первой половине июня 1941 г. в Приволжском военном округе. Во второй половине июня эти соединения срочно отбыли в Западный особый военный округ. Начало войны застало армию в пути. Только первые эшелоны успели прибыть к месту разгрузки 21 июня. Последующие подходили до первых чисел июля на различные станции севернее Гомеля. «1 июля 21-я армия... была передана Западному фронту и получила задачу развернуться вдоль Днепра от Могилева до Речицы и упорной обороной задержать продвижение врага на восток» («По приказу Родины». М., 1971).

В мемуарах маршала А. И. Еременко («В начале войны». М., 1964 год) подробно описано, как через две недели после начала войны был отбит у фашистов город Жлобин силами 240-го и 275-го стрелковых полков 117-й стрелковой дивизии. Спустя некоторое время имевшие первый боевой опыт полки этой дивизии заняли город Рогачев.

Так Красная Армия — даже в самые первые дни войны — не только с боями оставляла города и села, но и использовала любые возможности для контрнаступлений. Известия о каждом таком успехе (Жлобин и Рогачев в

июле, упорное Смоленское сражение в августе, взятие Ельни и др.) поднимали боевой дух войск. В Жлобине и Рогачеве сейчас высятся обелиски павшим воинам 21-й армии — а это и были воины 117-й стрелковой дивизии, понесшей тогда там свои первые потери.

Маршал В. Д. Соколовский писал («Смоленское сражение». Смоленск, изд. «Рабочий путь», 1966):

«...Но не все войска фронта оборонялись и отступали. 21-я армия вела наступление на бобруйском направлении. Ее войска освободили Жлобин и Рогачев и создали угрозу выхода в тыл могилевской группировке противника... В результате активных боевых действий 21-й армии за Днепром на фронте от Пропойска (Славгорода) до низовья реки Березины оказались скованными более 4-х армейских корпусов (13 дивизий) противника, которые были лишены возможности развивать удары вырвавшихся вперед танковых и моторизованных соединений Гудериана».

21-ю армию, имевшую опыт наступательных действий, бросали на самые ответственные участки.

Из служебного дневника начальника штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Гальдера:

«16 июля 1941, 25-й день войны... Противник силой до 7 дивизий перешел в наступление из р-на Гомеля на правый фланг группы армий «Центр»...»

Одна из этих семи дивизий — 117-я стрелковая.

По схемам, опубликованным через 30 лет после окончания войны, на основании архивных фронтовых документов, видно что после взятия фашистами Гомеля 21-я армия держала оборону уже юго-восточнее. Против нее наступали 112-я пехотная немецкая дивизия и моторизованная дивизия «Райх». Синие стрелы немецких дивизий на схеме охватили 21-ю армию в середине августа, но кольцо окружения и тогда было прорвано.

Новый фронт обороны в Черниговской области — 117-я дивизия на левом фланге армии, против нее 112-я и 45-я пехотные дивизии немцев, которые стремятся ее окружить. И снова ей удается вырваться из страшных тисков. В сентябре 1941-го дивизия была переброшена под Пирятин для прикрытия штаба Юго-Западного фронта. Этот рубеж обороны 117-й дивизии стал ее последним рубежом.

Сейчас на месте тех боев — в урочище Шумейково близ хутора Дрюковщина воздвигнут монумент «Воинам Юго-Западного фронта». Это памятник и воинам 117-й стрелковой дивизии.

Письмо четвертое

Я стал писать в газеты — обращался к бывшим воинам 117-й стрелковой дивизии и их семьям, получавшим в 1941-м фронтовые письма с обратным адресом: полевая почта № 405. Написал маршалу И. Х. Баграмяну, в мемуарах которого упоминается 117-я стрелковая дивизия. Я спросил маршала: «Может быть, вы знали или встречали в 1941 Данилова Николая Семеновича, подполковника из 117-й?» Пришел ответ: «Нет, не знал, не встречал». Однако Баграмян этим не ограничился и переслал мой запрос вместе с собственным личным письмом начальнику Центрального архива МО в Подольске.

Но вернусь немного назад. Еще когда я искал следы отца в 22-й танковой дивизии, я послал запрос в Центральный Музей Вооруженных Сил СССР. И получил ответ, что никаких сведений о 22-й дивизии у них нет. Ответ подписала научный сотрудник Ушакова.

Тут я решил написать в этот Музей еще раз: поблагодарил за полученный ответ, извинился за новое беспокойство и спросил, нет ли у них данных о 117-й стрелковой дивизии. Я послал запрос, сам не очень-то веря в успех. Но мне нужна была хотя бы одна фамилия, за которую можно зацепиться.

Ответ превзошел все ожидания! Я не поверил собственным глазам, читал и перечитывал его вслух:

«Уважаемый товарищ Данилов! В справочнике Управления кадров МО СССР значится: 117-я стрелковая дивизия. 1-е формирование. Командир дивизии подполковник Данилов Николай Семенович; военный комиссар дивизии бригадный комиссар Архангельский Иван Михайлович; начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Кривошапко Григорий Иванович».

И подпись: старший научный сотрудник Ушакова.

А еще через месяц я получил из Подольска ответ, написанный мне после просьбы маршала Баграмяна:

«После тщательной проверки установлено, что ваш отец, подполковник Данилов Н. С., до 26 августа 1941 был начальником артиллерии 117-й стр. дивизии, а 27 августа 1941 был назначен командиром 117-й стр. дивизии 21-й армии. Пропал без вести 20 сентября 1941 года».

И, кроме фамилий Архангельского и Кривошапко, названа фамилия начальника штаба 117-й дивизии — капитан Обушенко Иван Федотович.

Естественно, я стал искать сведения об этих трех командирах.

Тем временем начали приходить письма от родственников тех воинов 117-й дивизии, которые пропали без вести в июле, августе и сентябре 1941-го. Так начала составляться моя картотека на личный состав этой дивизии.

Письмо пятое

Очень хочется перескочить через все долгие месяцы и годы переписок, газетных обращений, откликов на них, накопления материалов и новых запросов в Управление кадров и Центральный архив Министерства обороны.

Попадались мне разные люди — сердечные, внимательные; и такие вратари, которые готовы отбить любую просьбу, и чувствуешь себя с ними шайбой, отлетающей от одного к другому. Спрашивают очень строго: «Почему я должен заниматься вашими розысками? Что будет, если все начнут так искать? Какая цель ваших розысков: что это дает вам сегодня?»

Ни на один из этих вопросов я не мог так ответить, чтобы «вратарям» было понятно. Мог ответить только одно: хочу знать судьбу своего отца, хочу знать о нем все.

Иногда, выходя из очередного кабинета, я впрямь ощущал себя надоедливым просителем, и порой думал: может быть, я действительно не делом занимаюсь? Может быть, действительно надо перестать морочить людям голову? Но ведь не могу!

На моем пути встречалось очень много людей, которые сердечно и с участием относились к моим делам и заботам. Всех их трудно здесь перечислить, но всем им глубоко благодарен за помощь.

Получаю из Воениздата письмо: «Так как маршал Еременко умер, ваш запрос мы переслали его референту — Печоркину Витольду Казимировичу. Его адрес...»

Пишу ему и получаю ответ — подробно, на двух страницах он рассказывает о судьбе 117-й стрелковой дивизии: о ее боевых действиях до сентября 1941 года, о ее командирах, среди которых был мой отец.

Стоит заметить, что хронология поиска не совпадает с последовательностью событий осени 1941 года: иногда я узнавал сначала то, что было потом, а затем — что было вначале. Начав писать вам, я увидел, что эти два коня все время попеременно обгоняют друг друга. Видимо, будет полезно, иногда придерживая одного из них, стараться держать поводья моего рассказа на одном уровне.

Я послал обращение в Пирятинскую районную газету (там, где проходили последние боевые действия 117-й дивизии), и газета опубликовала его вместе с фото моего отца. Я обращался к жителям Пирятинского района — быть может, найдется человек, который видел в 1941 году моего отца и ему известна его судьба.

И такой человек нашелся.

Я не сказал жене, что послал запрос в Пирятинскую газету. А когда уж получил письмо от М. Я. Борща, спросил ее: «А что, если написать в Пирятинскую газету?» — «О чем?» — Я сказал, о чем. Жена пожала плечами: «Во-первых, какая вероятность, что твоего отца кто-то видел из местных жителей? Во-вторых, какая вероятность, что, если был такой человек, он живет сейчас в этом районе, а не уехал в другой? В-третьих, кто тебе сказал, что твое обращение напечатают?..»

И тогда я показал моей жене письмо из села Гурбинцы.

Письмо это написано по-украински, я привожу его в переводе на русский и с некоторыми незначительными сокращениями:

«...Вашего отца я узнал по фотографии, потому что я помогал ему переодеваться и возил в лес еду. Это было в сентябре, мне было 11 лет. Они жили, как помню, около месяца в лесу, и я, и моя мать, и еще тетка, она померла, возили им еду. Их было человек 30, и были три девушки (очевидно, из медсанбата дивизии.— Н. Д.). Я помню, что они долго не переодевались, но потом им стало невозможно передвигаться (в форме Красной Армии. — Н. Д.) и они начали переодеваться, потому что в селе началась немецкая власть и стали назначать полицаев. Мы вашего отца переодели, а он дал мне галифе, шинель, бинокль и планшет. Но обуви у нас ему не нашлось, и он ушел в хромовых сапогах...

Когда они жили в лесу, они иногда сами приезжали за продуктами, иногда я возил — горшок борща, тыкву, молока, хлеба. У них был выкопанный блиндаж, перекрытый деревом, были карабины, винтовки и гранаты, один пулемет. Помню, как однажды они разделили поровну все, что я привез, а потом ушли двумя группами — в разные стороны...

Я и жена сейчас работаем в колхозе. Дочка учится в 9-м классе, сын в армии, в мае будет демобилизовываться.

Из вещей вашего отца, к великому сожалению, ничего не сохранилось. Если бы я знал, что доля отца приведет к нашему селу его сына, то сберег бы.

Мой адрес: Полтавская область, Пирятинский район, село Гурбинцы. Борщ Михаил Якимович».

Не верить этому письму нельзя. Такого не выдумаешь. И если это правда, то значит, еще в октябре 1941 отец был жив — не убит, не ранен, не в плену. В Пирятинском районе Полтавской области.

Письмо шестое

Я стал получать много писем от родственников тех, кто воевал в составе 117-й дивизии, кто, как и мой отец, пропал без вести. Их родные получали письма — с обратным адресом полевая почта № 405 — в июле—августе, в сентябре писем не получил никто.

Прошло уже 35 и более лет, а эти люди почти все познакомились между собой, присылают мне копию каждой полученной архивной справки, фотокопии писем, довоенные снимки.

Ветераны 117-й дивизии пишут из Куйбышевской, Горьковской, Ульяновской, Саратовской, Смоленской областей, из Москвы и Ленинграда. Они вспоминают о боевых эпизодах первых месяцев войны, рассказывают о собственной судьбе и судьбе своих товарищей, называют их имена.

Тут получаю письмо из Красноярска — ветеран 21-й армии Ю. В. Рекстен спрашивает, знаком ли я с книгой бывшего командира орудия 240-го стрелкового полка 117-й дивизии Г. Е. Гвоздева «Пока бьется сердце». Нет, не знаком. Отыскиваю эту книгу.

Гвоздев находился в дивизии до сентябрьского, последнего, окружения и очень живо передает атмосферу боев.

Написал Гвоздеву, получил ответ: он лично с моим отцом никогда не сталкивался, но и в письме, и в его книге — с предисловием К. Симонова — немало написано об успешных действиях артиллерии 117-й дивизии. Кстати, самому К. Симонову я тоже писал, еще когда искал отца в 22-й танковой дивизии (мало ли где бывал военный корреспондент), но он ответил коротко, что с подполковником Даниловым ему встречаться не приходилось.

Разыскал я в Москве и последнего начальника штаба 117-й стрелковой дивизии (сейчас генерал-майор в отставке) Ивана Федотовича Обушенко. Вот строки из его писем:

«Утром, когда я прибыл в штаб дивизии, пришел документ: полковник Старостин отстранен, вступить в командование дивизией подполковнику Данилову Н. С. В трудных условиях ваш отец стал командиром 117-й дивизии. В то время на командире и его штабе была такая ответственность, что трудно себе представить...

Примерно 11—12 сентября 1941 мы отошли и расположили свои войска для обороны по окраине города Прилуки, собрали станковые зенитные пулеметы четырехствольные и расположили их за домами, указав каждому сектор обстрела. И вот гитлеровцы после 12 часов дня пошли в атаку цепями, им нужно было преодолеть метров 800 открытой местности. Наши пулеметчики, подпустив до 400 метров, обрушили на фашистов ливень огня. Около 1000 фашистских вояк были уничтожены на плацу. После попытки подтянуть новые силы фашисты опять понесли значительные потери. Я связался с командиром дивизии Даниловым, он распорядился отвести штаб. Я сообщил ему, что танки противника подошли к г. Лубны. Это была моя последняя информация командованию дивизии...

Примерно в конце ноября 1941 года я обедал в столовой Дома Красной Армии в Воронеже. В стороне сидел мужчина с ромбом на петлицах. Мне показалось, что я где-то его видел. Когда я собрался уходить, он меня окликнул по фамилии, и тут я узнал комиссара дивизии Архангельского. Я подошел к нему, и он чуть не со слезами стал рассказывать, что был вместе с Н. С. Даниловым в окружении более двух месяцев. Не могу точно сейчас вспомнить, в какой области — Харьковской, Полтавской или Курской — они собрались на окраине какого-то села. Было уже очень холодно, никто не знал, есть ли фашисты в селе и сколько их. Подполковник Данилов Н. С. ушел на разведку и до самой ночи не возвращался. На этом, как я понял, все нити оборвались. Видимо, Данилова схватили немцы или же он наткнулся на полицаев, был схвачен или смертельно ранен. Правда, был разговор, что у Данилова Н. С. где-то там жила теща и вот он хотел, дескать, пробраться к ней, но это не достоверно».

Из слов «где-то там жила теща» я понял, что речь идет о Кременчуге, где всю жизнь, с 1881 по 1964, прожила моя бабушка (мамина мама, урожденная Звенигородская), где и мы жили в 1938—1940 годах, куда вернулись из Ярославской области после эвакуации и где сейчас живут мама и сестра со своей семьей. Я написал обо всем маме, и она ответила:

«Бабушка мне рассказала, что отец вместе с комиссаром пришли ночью из окружения — Кременчуг давно был занят немцами. Постучали в окно. Оба оборванные, худые, голодные, заросшие — на отце была вышитая украинская рубашка. Оба едва держались на ногах, прошли ночами пешком 200 километров из-под Пирятина. Бабушка нагрела на примусе воду, накормила и устроила им скандал за то, что Красная Армия отступает. Ты же знаешь нашу бабушку... Потом отец ушел из Кременчуга и больше его никто не видел...»

Я не спал всю ночь после этого письма, все вспоминал — отца и Кременчуг без него. В 1944 году мы вернулись на груду развалин, шли с вокзала (вокзала тоже не было), и мама угадывала, по какой улице мы идем. И я бегал потом по улицам — а ведь еще недавно по ним ходил мой отец, но я не знал этого. И была жива бабушка, которая могла рассказать о нем, но почему-то не рассказывала. Впрочем, смутно помню какой-то ее рассказ о комиссаре, с которым кто-то пробирался, скрывался. Но я почему-то связывал этот эпизод с гражданской войной.

Неужели этот комиссар, о котором рассказала бабушка, и был Архангельский?

Ищу комиссара дивизии И. М. Архангельского. Из Управления кадров МО отвечают: до выхода на пенсию жил в Воронеже. Даю телеграмму своей бывшей однокласснице — Соне Алемасовой, которая живет теперь в Воронеже, — разыщи Ивана Михайловича Архангельского, спроси, что он знает о судьбе командира 117-й стрелковой дивизии Н. С. Данилова.

Соня написала, что нашла Архангельского довольно быстро. Он взял мой адрес и обещал мне написать. Я и сам написал ему. И получил несколько писем.

Письмо седьмое

Вот они.

«Здравствуйте, дорогой Николай Николаевич! Поздравляю вас и вашу семью с праздником Победы! Желаю вам от всего сердца самого наилучшего! Посылаю сохранившийся фотоснимок, где в числе действующих лиц ваш отец — Николай Семенович, рядом нахожусь я. А вот остальных не помню.

С уважением к Вам, Архангельский».

«Здравствуйте, уважаемый Николай Николаевич! Прочитал еще раз ваше письмецо с тысячью «почему». Желание ваше все узнать вполне понятно. Но мои возможности в этом весьма ограничены. Поэтому отвечу на самые существенные — где искать ключи к выяснению дальнейшей судьбы вашего отца с того момента, когда мы потеряли с ним связь.

С того самого «Пирятинского» окружения начался наш «рейд» по тылам противника и родной нам Украине. В нашей группе были Николай Семенович, я и присоединившийся к нам капитан из тыловых частей соседней армии.

Мы попытались выйти на соединение с отступающими от Киева частями. Нам это не удалось. Тогда было принято решение искать связь с партийным подпольем. Подкрепил наши надежды Николай Семенович, у которого, по его словам, в Кременчуге среди родных и знакомых есть коммунисты. С такими надеждами мы и пришли в один из ближайших от города населенных пунктов, а на рассвете следующего дня, провожая Н. С. на связь, остались ждать в одном из окраинных дворов. Но ни к нам, ни в соседнее село Николай Семенович не вернулся...

С уважением к Вам, Архангельский».

«Ваши вопросы обрушиваются на меня прямо-таки «цунами». Давайте действовать не так размашисто и на главном направлении. В своем последнем письме, перечисляя некоторых родственников Н. С., живших в Кременчуге, вы упомянули и дальнюю родственницу-учительницу. По этому поводу вспо-

минается такой факт. Тот дворик на окраине города, о котором я уже писал, был, можно сказать, не простой. Здесь жила родственница (учительница) Н. С. Здесь он намеревался предварительно выяснить обстановку перед тем, как идти на связь.

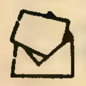
Домик родственницы оказался одним из трех выходящих во двор. Выглядел он как летнее сооружение с высокой входной лестницей. Дверь была закрыта, но не заперта. Внутри пусто. По полу были разбросаны бумаги и школьные тетради — следствие ли это заброшенности квартиры или обыска, неизвестно.

После того, не теряя рассветного времени, напомнив еще раз, что здесь близко, Н. С. отправился на связь. Ему предстояло решить эту задачу до подъема города ото сна. Но время шло. Стало светло. Ожил двор. Из одного дома вышли немецкие солдаты. Надо было отступать.

Всего Вам наилучшего! С уважением к Вам, И. Архангельский».

Через несколько дней после третьего письма я был в Воронеже. Встретился с Архангельским. Но с чем приехал, с тем и уехал. Ничего нового он мне сообщить не сумел.

Завтра лечу в Куйбышев

Письмо восьмое

Сегодня я вернулся домой. Видел своими глазами в Куйбышеве, в Музее истории войск Приволжского военного округа, подпись отца: боевое распоряжение подполковника Данилова командиру 820-го стрелкового полка, отданное в сжимавшемся кольце сентябрьского окружения. Над этим документом в музее висит знамя 820-го стрелкового полка. Выяснить историю экспонатов, к сожалению, не удалось.

Тем временем началась демонстрация фильма «Великая Отечественная». И я в первой серии «22 июня 1941» увидел отца. Конечно, я хотел бы увидеть его в 13-й серии — «Освобождение Украины». Но я увидел его еще живого в 1941-м: почти в конце фильма кадр — на первом плане полковник, по лицу видно, что смуглый и темноволосый, за ним знамя и — один, два, три, четыре командира, почему-то с винтовками (похороны?). Во втором справа узнаю моего отца. Я узнал его сразу — его выражение лица, хотя и очень помолодевшего из-за сглаженности второго плана, и глядящего на меня — как из-за черты.

Когда я был у Архангельского, он показал мне два фронтовых снимка, почти одинаковых, где он — рядом с моим отцом. Я спросил: «А кто вас фотографировал тогда?» Он ответил, что не помнит точно, но были у них в дивизии и корреспонденты фронтовых газет, и кинооператоры. И вот — не один год — я искал эти кадры во всех демонстрировавшихся кинохрониках, во всех лентах о первых месяцах войны. И не было ни одной, где бы кто-то не казался мне похожим на моего отца. Это я к тому, что если бы мне хотелось ошибиться, я давно бы это сделал. Но нет, смотрел, отдавая себе отчет, — похож, но не он. А тут: он. Выйдя из кинотеатра, купил билет на следующий сеанс; завтра пошел снова, и каждый раз убеждался: конечно, он. Пошел к директору кинотеатра «Украина» В. Я. Баранкевичу, все ему рассказал, он дал указание старейшему киномеханику Одессы Д. В. Ярмоклинскому, и четвертый раз я смотрел фильмы из будки киномехаников, держа в руках бумажные лоскутки для закладки в колесо перемотки ленты. Дальше дело техники — на монтажном столике я рассматриваю кадры столько, сколько хочу, а потом делаю несколько экспозиций на негативную пленку. Разошлю теперь всем, кто еще жив из знавших отца, в том числе и бывшей комсомолке-подпольщице из Кременчуга, видевшей отца живым в сентябре 1943, в последние дни оккупации Кременчуга, — Вере Иосифовне Дудник (тогда Вера Перепелица). Пошлю и однополчанам отца по 117-й стрелковой дивизии.

Вместо послесловия

Здесь пока следует поставить точку. Поиск Н. Н. Данилова продолжается. Получены свидетельства людей, встречавшихся с его отцом в оккупированном Кременчуге, имеются факты о его деятельности по спасению советских военнопленных из лагерей. Есть предположение, что это он под именем «подполковника Петрова» или в его подпольной группе действовал в 42-м и 43-м годах в районе Кременчуга...

Но все эти данные нуждаются в самой тщательной проверке и перепроверке. Кстати, подробности истории того кадра из фильма «Великая Отечественная», в котором Н. Данилов узнал своего отца, также предстоит ему еще выяснять. В дальнейшем, может быть, мы вернемся к продолжению поиска Н. Н. Данилова.

В одном из своих писем Николай Николаевич писал: «Читал, наверное, все, что опубликовано о войне в газетах и журналах». Признаюсь, я подумал, что это преувеличение. Но со временем убедился, что на самом деле нет, пожалуй, ни одной публикации о Великой Отечественной войне, которая не была бы тщательно изучена Н. Н. Даниловым. Малейшая надежда узнать что-то об отце заставляет его читать, писать, ехать. Только за последний год он побывал в Москве, Риге, Куйбышеве, Кременчуге (в который раз), под Киевом... И, заметьте, за редким исключением на командировочные, а обычно на свои вполне скромные отпускные.

Труд его еще не закончен, но даже сейчас можно сказать о плодотворности его результатов. Некоторые страницы героической истории начала Отечественной войны стали яснее и полнее благодаря усилиям Н. Н. Данилова. Многим людям помог он узнать, где, при каких обстоятельствах погибли их близкие.

Но больше всего дал поиск самому Н. Н. Данилову. Он добавил ему широты и глубины в понимании места человека на земле, укрепил его связи с родной землей, с людьми, которые на этой земле живут, позволил ему не только умом, но и сердцем понять, что такое подлинное бессмертие.

Я жду новых писем от Н. Н. Данилова.

Л. АРКАДЬЕВ

Сады — наша память

Ю. ХОЛОПОВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Всякий раз, попадая в народную киностудию, расположенную в небольшом районном центре Балта Одесской области, не могу удержаться от восхищения. Отличный просмотровый зал, за стеклянной перегородкой — проекционная и комната звукозаписи. Дипломы и грамоты свидетельствуют о больших творческих удачах этого коллектива.

Кажется, совсем недавно кинолюбителю Игорю Дудковскому из подсобных помещений Дома культуры выделили шесть квадратных метров и старенькую кинокамеру. Сегодня студия занимает уже четыре комнаты, в ее техническом арсенале три магнитофона, новая кинокамера, другое оборудование. Районный комитет партии, промышленные предприятия и колхозы ценят работу киностудии «Балта» за пропаганду передового опыта, за интересные сюжеты, рассказывающие о трудовых успехах тружеников района, о том, как они живут, как отдыхают.

В августе киностудии исполнится 10 лет, а ее организатору — И. Д. Дудковскому — 50. В кинолюбительство Игорь Дмитриевич пришел из районной газеты, где работал фотокорреспондентом. Фильмы начал делать вместе с группой энтузиастов еще до того, как появилось помещение, в примитивных условиях. Районный центр от Одессы далековато, поэтому за советами ездить не приходилось. Читали, что могли, постигая премудрости кино. На каждую удачу пришлось несчетное число проб и ошибок. Уходили те, кто любил лишь себя в кино. Но зато сложился коллектив из 15 единомышленников: авторов текстов, дикторов, специалистов по монтажу и обработке пленки. Про успехи студии стали писать газеты в Одессе, Киеве, Москве.

Сейчас в активе студии интересные ленты, рассказывающие о чествовании передовиков и героев, о новых советских обрядах, праздниках календарного цикла, фестивалях труда и искусства.

Вот фильм «Андрей», посвященный колхозу имени В. И. Ленина, молодежи, работающей в нем. Он отмечен дипломом первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества.

С трудных послевоенных лет прослеживается жизнь механизатора. В фильме показаны радость и красота работы в поле: вспаханные пласты чернозема, первая борозда и нива героя.

Каждому зрителю дано почувствовать, что колхоз — это семья, воспитавшая и поставившая на ноги многих таких вот безвестных хлопцев. И хотя рассказ в фильме о конкретном человеке, образ Андрея, по сути дела, собирательный. В наших глазах это человек, отдающий силы не ради тщеславного желания опередить и получить награду. Его задача выше: он в первой шеренге хлеборобов в битве за урожай, и его беззаветный труд мы рассматриваем как подвиг.

«Кто сказал, что земля умерла...» — этими словами начинается «Песня о хлебе», сильная, проникновенная лента. В ключевом моменте из-за колосьев возникает монумент павшим, как бы говоря: жертвы, понесенные нами, не напрасны, жизнь продолжается. На экране свадьбы, счастливые семьи, добротно налаженное бытие. Люди варят сталь, собирают машины, а все проистекает от живительной силы хлеба.

В этих фильмах почти нет разговорного текста. Они построены на смене коротких впечатляющих сцен. И длятся шесть — восемь минут. Стоит ли говорить, каким емким, насыщенным должен быть сценарий. Основную нагрузку несет зрительный ряд, а фонограмма практически сводится к музыкальному сопровождению. Применительно к техническим возможностям любительской студии и выработан этот оригинальный язык повествования. Можно смело сказать, что лаконичный стиль — находка создателей.

Воспитательное значение фильмов огромно, но нужно учесть, что показывают их только во время больших праздников, по знаменательным датам. Пока еще нет возможности пустить эти ленты в прокат. Каждая существует только в одном экземпляре и сравнительно быстро изнашивается. Фильмы десятилетней давности начинают выцветать. Нужны копии, а пока этот вопрос не решен, оригиналы не могут быть использованы в полной мере.

Как рождаются фильмы? В основном снимается репортажно какое-то событие. Потом оно осмысливается по отношению к идее, с точки зрения художественности и публицистики. Авторы стараются найти оригинальный подход к теме, заставить людей по-иному взглянуть на обыденное. Например, основой сценария фильма «Память» послужила заметка в районной газете. В ней рассказывалось о том, как садовод—ветеран войны и колхозного труда решил посадить сад-памятник. Не просто сад, а именно 214 деревьев, по числу воинов, не вернувшихся в село.

После просмотра в других колхозах тоже стали растить сады. В колхозе «Песчаный» разбили колоссальный зеленый массив.

Важны и такие фильмы, как «Иван Купала», «Новогодние колядки», они служат основой для проведения методической работы с организаторами праздников в селах.

Недавно в районном комитете партии собралась сценарная группа, работники культуры. Шел разговор о создании такого фильма, который должен мобилизовать тружеников на решение насущных задач, стоящих перед районом. Так родилась идея ленты о лучших людях образцового хозяйства «Правда». Решено также снять киносюжет о пропагандисте, самоотверженном человеке, о его нелегких обязанностях, делах, заботах. По крупицам собирается материал об отважной землячке, разведчице Тамаре Васильевой.

Фильмы, сделанные на местной киностудии, любят. Об этом говорят и письма, которые получают авторы.

А в прошлом году, в день 34-й годовщины Победы и 35-летия освобождения Балты, ее жители принимали дорогих гостей из 53-й армии, освобождавшей город, во главе с председателем совета ветеранов генерал-майором в отставке Д. Г. Макаренко и бывшим командиром 78-го гвардейского стрелкового полка прославленной 25-й Чапаевской дивизии Героем Советского Союза генерал-лейтенантом А. Н. Потеминым. С волнением смотрели ветераны фильмы: «Седые солдаты», «Огонь от Вечного огня», «Память», «Ей было 14». В них они увидели воплощение тех дум, помыслов, с которыми, еще будучи молодыми солдатами, связывали освобождение родной земли. Мысли своих товарищей хорошо выразил почетный гражданин города Алексей Николаевич Потемнин: «Милые отныне мои земляки! Ваши фильмы настолько прекрасны, они несут в себе такой великий заряд дум, эмоций, переживаний, что невольно возникают слезы на глазах, слезы благодарности, радости и печали... За память о погибших вам поклон, за прославление подвигов — благодарность, за ваше умение видеть прекрасное в душах людей — великое спасибо!»

г. Балта
Одесской области

ДОВОД, КОТОРЫЙ УБЕЖДАЕТ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

С вашим журналом я познакомился давно, многое мне в нем нравится, кое-что — не очень, а возможно, не все понимаю, не со всеми объяснениями согласен. Но одно несомненно, что журнал ваш нужный, разговор в нем идет по правильной линии, то есть нацелен на самосознание, на «душевный» ум человека. Приходилось мне при случае вступать в разговоры о душе, о боге, о религии, должен признаться, спорщики попадались подкованные, читающие. Читают ведь теперь защитники религиозных идей не только «Науку и религию», но и всякую литературу, которую забрасывают нам из-за рубежа. Эти издания дают пищу для споров, в которых под видом религии, веры в бога оправдывается и защищается тот государственный строй, где церковь крепко закабалила души. Вот так я понимаю религиозную пропаганду, направленную из-за рубежа. Как ни крути, а тайная, замаскированная основа ее — это хула на социалистический «безбожный» строй. Дескать, лишь верующий человек может быть добрым, милосердным, сострадательным.

Но у меня есть аргумент, какой не удалось разбить ни одному такому вот спорщику-христианину. Я — солдат, старый вояка, прошедший через всю войну от Подмосковья до Берлина.

Видел я смерть лицом к лицу, заваливало меня в окопе артиллерийским обстрелом, ранен в плечо, в грудь, был контужен, провел в госпиталях в общей сложности около пяти месяцев. Починят, и, как Василий Теркин, я опять воюю... Встречались мне и в окопах, и в госпиталях верующие бойцы. Ну, не сказать, чтобы они слишком надеялись на бога, однако переписанную на листочке молитву за пазухой носили. И никого из них та молитва не спасала. Почему же милосердный бог не услышал их? Почему же допустил такое пролитие крови, такие битвы и разрушения, каких не знала еще история человеческой цивилизации?

Эти вопросы сами рвутся из уст при спорах, и никто не может на них толком ответить. Обычно говорят, мол, кого господь любит, того и наказывает. Или — человечество погрязло в грехах и нуждалось в очищении. Но детей, невинных малюток, за что же бог губил? Они же еще нагрешить не успели! Статистики, конечно, подсчитали, сколько ребятишек погибло во время войны, но, если бы эта цифра была даже значительно меньше, такая жестокость не прощает бога. Если бы он был.

«С нами бог!» — написано было на пряжках фашистских солдат, которые всеуничтожающей чумой прошли по нашей земле — убивали, грабили, угоняли людей в неволю... Та надпись давно уже стала символом жестокости, освященной именем бога, те слова упоминались на страницах газет, книг и журналов множество раз. Но и я тоже хочу их напомнить.

В. СТЕПАНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

г. Электросталь
Московской области

Р. ПОВИЛЕЙКО,
Ю. СУЛЕЙМАНОВ

ПАВЛОВСКИЙ НАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ

Авторы мемориала Людмила Александровна и Сергей Васильевич Астраханцевы.

Парк в Павловске — районном центре Алтайского края — был открыт 9 мая 1975 года — в день 30-летия Победы. С тех пор прошло пять лет. Длинная и широкая центральная аллея вымощена квадратными бетонными плитами; по бокам — бюсты Героев Советского Союза, металлические плиты с именами погибших; справа и слева ровными рядами стоят молодые ели и березы — их столько, сколько погибло павловчан. А дальше аллея переходит в широкую площадку с фигурой Скорбящей матери у Вечного огня.

История создания этого мемориала заслуживает того, чтобы о ней рассказать.

Станислав Иванович Пахомов, секретарь Павловского РК КПСС.

— Для мемориала мы выбрали место около пруда за плотиной. Но когда подсчитали, сколько понадобится машин, людей, денег, — серьезно задумались. Решили обратиться за помощью к партийной организации, к населению. Рабочие и колхозники предложили отчислять пять процентов своей месячной зарплаты. Хозяйства выделили технику, шоферы бесплатно вывезли чернозем для будущего парка. Копать ямы, сажать деревья люди выходили в выходные дни. Мы рассчитывали, что понадобится пять воскресников, — предстояло вынуть около 10 тысяч кубометров земли, но уложились в три дня — все работали очень хорошо. Райкомовцы выходили вместе со всеми — трамбовали песок, носили и укладывали бетонные плиты.

Если бы все расходы по созданию мемориала легли на плечи государства, это обошлось бы по самым скромным подсчетам в 400 тысяч рублей. Однако широкое участие населения сократило эти расходы до 60 тысяч. И в этом тоже проявился истинно народный характер стройки.

Николай Леонтьевич Гуляев, председатель Павловского райисполкома.

— В 1973 году были мы на сессии краевого Совета. Вспомнили там, что осталось два года до 30-й годовщины Победы. И задумались, конечно, как ее отметить. Дата круглая, значительная. Сошлись во мнении: каждому погибшему — память.

Бывал я на Волковом и Пискаревском кладбищах в Ленинграде, на Ольшанском в Праге, в берлинском Трептов-парке. В Одессу съездил, в Севастополь и Волгоград. Потом собрали мы партийных и советских работников, педагогов-краеведов, местных наших художников — Алексея Ивановича Жневского, Георгия Тимофеевича Клюева, Леонида Степановича Рыбальченко, супругов Астраханцевых. Сказали им: «Вот наш Павловск — его вы знаете. Давайте ваши проекты». Ну, вроде объявили конкурс.

Повезло нам с земснарядом. Пришел он для чистки демидовского пруда, который лет 200 не чистили. Вот и возникла идея — пустить песок в огромный овраг по речке Касмале в центре Павловска, здесь и построить мемориал. Дело пошло. Но затем новые заботы возникли — какие деревья сажать и как? Елей памятных посадили 700; рядом — отлитые в чугуне фамилии погибших. Потом школьные следопыты узнали имена еще 60 человек, отдавших жизнь за Родину, — отлили две новые плиты. У входа в мемориал решили дать текст письма

погибшего павловчанина. Многие нам принесли такие письма. Все очень хорошие, но в конце концов выбрали одно.

Василий Степанович Голоперов, редактор Павловской газеты «Новая жизнь».

— Здесь был глубокий тыл, но сотни семей лишились отцов, братьев, сыновей. На страницах нашей газеты регулярно рассказывается о пионерских сборах: «Орден в твоем доме», «Поклонись солдату». До сих пор мы печатаем письма из редакционной почты под рубрикой «Однополчанин, отзовись!». В маленьком селе Чернопятове посажены ели по числу погибших односельчан. Сначала в селе Лебяжьем, а потом и во всех крупных населенных пунктах района разбиты мемориальные парки.

Когда задумали воздвигнуть мемориал в Павловске, прошли собрания по всему району. Все люди жили этой стройкой.

Стефан Михайлович и Полина Адамовна Артеменко, старейшие педагоги.

— Еще несколько лет назад наш Павловск центра, по сути, не имел, тут был глубокий овраг. Когда начали намывать песок сюда, не верили, что получится. Всей школой ходили смотреть. Елки привезли глубокой осенью. Боялись за них — думали, померзнут, но перезимовали. Так у нас появился центр. Теперь в мемориальном парке проводят торжественные сборы, принимают в пионеры и комсомол, провели Всесоюзный слет ученических бригад — его показывали по телевидению. Молодожены сюда приносят цветы. Даже не верится, что собственными руками все это сделали.

Людмила Александровна Астраханцева, художница.

— Родилась я в Павловске, здесь окончила 10 классов, ходила в изокружок. В 1968 году поступила в Иркутское училище. Вышла замуж. Обзавелись мы с мужем в Павловске хатенкой, соорудили муфельную печку. Я сделала многофигурную композицию «Свадьба». Блюда делала, рисовала на старые русские мотивы. Все это можно увидеть в нашей районной художественной галерее. Ну, а потом стала лепить для мемориала бюсты наших героев, а главное, начала работать над центральным памятником. Сделала более 10 вариантов: и воин с гранатой, и пушка, и танк. Затем подумали: все это было бы к месту, если бы по нашим краям прошла война. А тут был глубокий тыл. И мы решили: пусть на памятнике будет женщина-мать, которая ждет и, может быть, не дождется своего мужа, сыновей...

Последний месяц работали, не разгибаясь, а последнюю неделю вообще почти не спали, все боялись — то не так, другое не так, проверяли и перепроверяли. Стела высотой 21 метр, а на 16-метровой высоте — орден Победы. Перед самым открытием пришлось его докрашивать, а Сергей — муж мой — на пожарной лестнице на весу все доделывал. Я уж и смотреть боялась. Начали люди собираться с флагами, пионеры в буденовках, оркестры духовые, баянисты, хор, солдаты, гости со всего края. Ну, а когда траурная музыка прозвучала, люди заплакали.

Нас искали, а мы встали подальше — стыдно было: не все успели. Стенд — фон за стелой — не сделали. Боковой горельеф «Щит Родины» выполнили, а вот в свободные простенки колокола не успели поместить — не отлили. Потом нас спрашивали, почему имена свои нигде не поставили как авторы-исполнители? Честно говоря, не до того было. А потом: нужно ли? Все равно вокруг знают, что это наша работа...

Александр Федорович Сираш, секретарь Павловского РК ВЛКСМ.

— Здесь, в мемориальном центре, все наши торжества проходят: День пионерии 19 мая, День защиты детей, летом — слеты стройотрядов и школьных бригад и, конечно, День Победы. На традиционном митинге, которым начинается празднование Дня Победы, вся площадь заполнена народом, на набережной пруда за пределами мемориала места не хватает. Мы провожаем в этот день наших юношей в армию. Девушки вручают им цветы и каждому призывнику дают алый мешочек с нашей павловской землей. А потом к вечеру, ближе к ночи, начинается факельное шествие. Здесь уж весь Павловск собирается. Идут деды и внуки.

Когда зажигают факелы у плотины, а их обычно комсомольцы и пионеры заготавливают 600—700, впечатление такое, что разливается горящая река. Колонны начинают двигаться вдоль набережной к мемориалу — все это отражается в воде, вливается в аллею, заполняет площадь у Скорбящей матери. Все факелы поднимаются вверх, выходят медленным шагом девушки в белом и кладут гирлянды хвои, увитые красными лентами, к памятному огню. И наступает минута молчания, такая, что сердце начинает болеть.

Мы решили выдвинуть молодых художников Астраханцевых на премию Ленинского комсомола.

Из письма-завещания лейтенанта Григория Алексеевича Тарасенко, написанного в декабре 1943 года и высеченного на пилоне мемориала.

«Мой дорогой сын Гарик! Когда ты будешь читать это письмо, пройдет много лет, отгремит война и на освобожденной земле снова зацветет счастливая и радостная жизнь. Ты, наверное, как сквозь сон, припоминаешь последнее прощание в марте 1942 года в чужой хате в станице Кайсатской. Ты долго ждал меня и не дождался. Я, как и сотни тысяч других отцов, погиб в борьбе с заклятыми врагами — немецкими фашистами. Но я умираю глубоко уверенный, что ты, мой любимый сыночек, будешь жить в свободной, цветущей стране — стране социализма. Будешь учиться в советской школе, и ты, мой любимый сыночек, не покраснеешь за меня, а сможешь гордо сказать: мой отец погиб за будущее счастье, верный присяге и Отечеству. Пройдут годы, десятилетия, могилы врагов зарастут бурьяном, а нам, защитникам, свободная Родина поставит памятник Победы. Ты шагай вперед, борись за лучшую жизнь, а если твоему любимому Отечеству станет угрожать враг, будь достоин меня, своего отца. Не пожалей жизни за свою Родину. Целую тебя, мой любимый сыночек, на всю жизнь крепко, крепко. Твой отец Г. А. Тарасенко».

Духовный мир человека

БРАК ПО НАУЧНОМУ РАСЧЕТУ

Д. АКИВИС

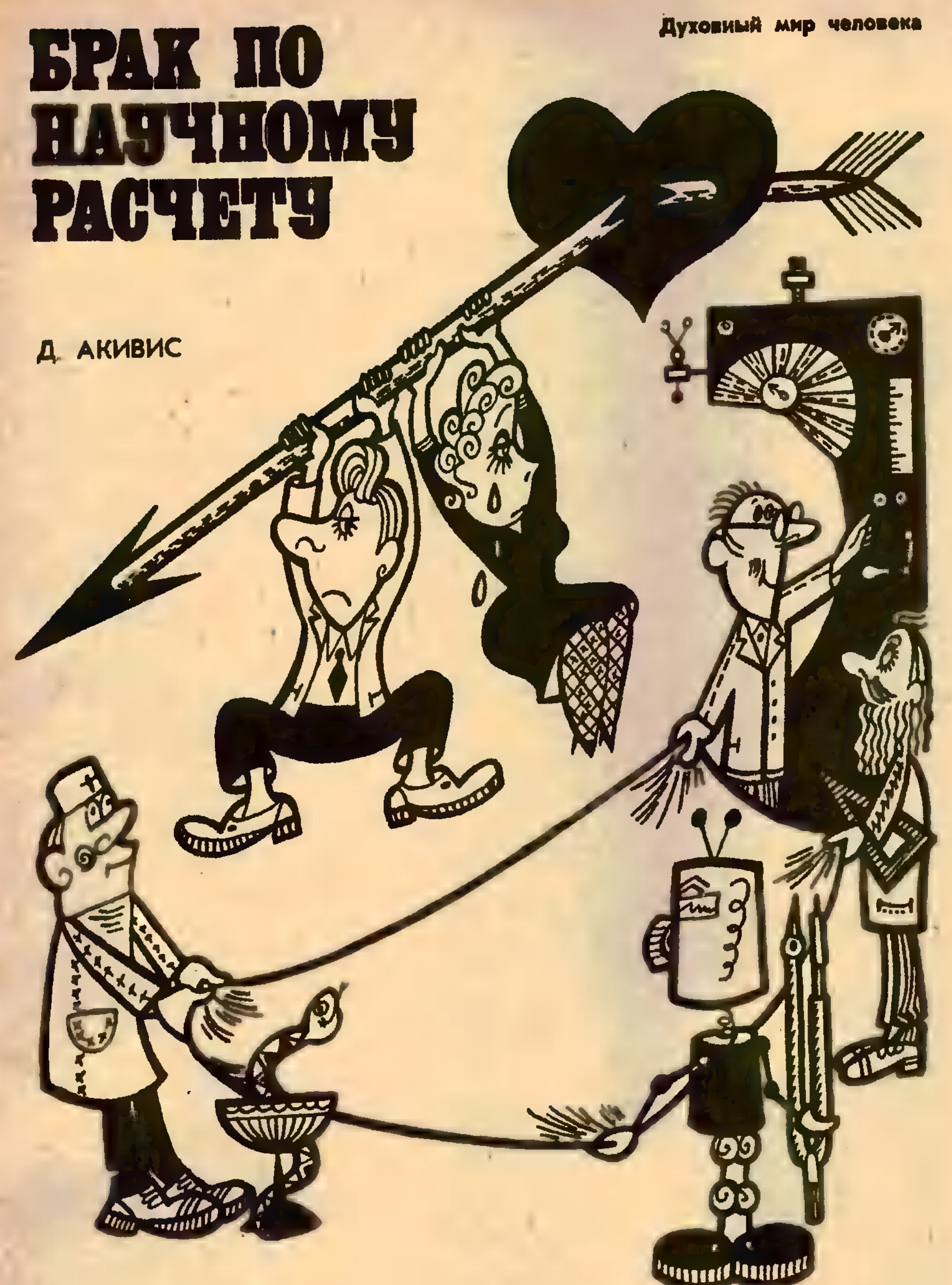

Рисунок В. Шарковой.

Статья Ю. Рюрикова «Браки совершаются на земле» в № 9 за прошлый год вызвала много читательских откликов. В письмах высказываются пожелания продолжить разговор о браке, о семейной жизни, о причинах, приводящих к разводу. Вопросы эти затрагивают многих людей, в том числе и верующих. Религиозная точка зрения на проблемы брака и развода изложена, в частности, в журнале «Братский вестник» (1978, № 6): «Христианский брак — это пожизненное соединение одного мужчины с одной женщиной... Если же кто-либо расторгает брак с целью вновь вступить в брак, то этим он открывает дверь для разрушения и нового брака. Церковь, где разрешают вновь вступать в брак, открывает дверь для разводов, которую позднее невозможно будет закрыть».

Даже многие из тех читателей, кто верит в бога, сознают, что подобная позиция не жизненна, не конструктивна, и проявляют интерес к земным путям укрепления семьи.

Ниже мы публикуем статью Д. Акивис, рассказывающую о том, как люди ищут и находят реальные пути обретения семейного счастья.

Николай Яковлевич Соловьев, кандидат философских наук, доцент Вильнюсского университета — весьма авторитетный исследователь проблем семьи — сказал мне, протянув небольшую рукопись:

— То, что здесь предлагается, сейчас самое важное. Если мы хотим укрепить семью, помочь ей, следует идти вот этим путем.

Признаться, после таких слов я приготовилась узнать о каком-нибудь значительном открытии, не уступающем открытию лазера. И с некоторым разочарованием прочла деловой, суховатый заголовок рукописи: «Формирование интересов и духовных потребностей слушателей народных университетов семейно-бытовой культуры».

Тут, наверное, есть доля преувеличения, подумала я. Конечно, очень полезно для каждого ходить на занятия народного университета, слушать, просвещаться. Но считать это самым важным...

И тут вдруг вспомнила Ирину.

У этой женщины была удивительно яркая внешность. Трудно было поверить, что ее привели в редакцию семейные беды. Но так, увы, и было.

Поженились они очень рано. Она только-только стала студенткой, он учился на IV курсе. Родители жениха жили в маленьком городке, получали пенсию. Зато отцу и матери Ирины до старости было далеко — оба работали, занимали видное положение. В комнату, которую до сих пор называли «детской», поставили новый гарнитур, Андрей перенес из общежития свой чемоданчик, и началась семейная жизнь.

Ирина выросла избалованной девушкой — ей никогда не приходилось считаться с желаниями других людей. А Андрей вовсе не собирался ей ни в чем уступать. К тому же молодая жена оказалась болезненно ревнивой... В бывшей детской атмосфера часто насыщалась электричеством. Впрочем, молодые супруги легко ссорились и так же легко мирились. А вот за стеной их ссоры вызывали совершенно другую реакцию. «Да как он смеет! — говорила Ирина мама Ириному папе. — После всего, что мы для него сделали!»

Достаточно один раз начать подсчитывать собственные добрые дела, чтоб мысль о них стала неотвязной. И когда дочь впервые поделилась с матерью какой-то своей пустячной обидой, у той ответ уже был наготове:

— Он никогда тебя не любил! Он просто использовал тебя и нас, чтобы устроиться...

Ирина кончила институт. Андрей защитил диссертацию. Родилась дочь. «Старики», как называли они все еще полных сил и энергии Ириных родителей, построили себе маленькую кооперативную квартиру. С точки зрения удобств и материальных возможностей молодой семье жилось все лучше. А отношения делались все сложней.

И все-таки удивительно, какой сильной и крепкой была их любовь! Она не желала погибать. После ссор и скандалов, после недельного «я не желаю с тобой разговаривать» вновь возвращались доверие и нежность. Но странно: с годами духовная зависимость Ирины от родителей все возрастала. Она гораздо меньше прислушивалась к собственному внутреннему голосу, чем в 18 лет, когда вопреки всем предостережениям вышла замуж за Андрея. Все чаще и чаще ездила она к «старикам» за советом и сочувствием.

И вот теперь история подходила к развязке. Уже был назначен суд. И тогда — тоже по совету матери — Ирина обратилась за помощью в редакцию. Не в поисках примирения — об этом уже давно никто не думал, — а чтобы помешать мужу «преподнести последний сюрприз».

Настал день суда. В зале было много людей. Как это ни жестоко по отношению к участникам, судебная процедура иногда бывает похожа на спектакль. Первым говорил Андрей. Он сказал буквально несколько фраз — ни слова более того, что было необходимо. После него речь Ирины, полная упреков и обвинений, показалась и злобной,

и агрессивной. Не сомневаясь в том, что Андрей попытается обидеть ее при разделе имущества, она напечатала в нескольких экземплярах опись вещей, которые решила ни за что не уступать, и теперь стала зачитывать: пианино, холодильник, шкаф кухонный, шкаф бельевой...

Когда судья спросила Андрея, как он относится к этим претензиям, тот пожал плечами и сказал, что, поскольку в квартире остается его ребенок, он ни на жилплощадь, ни на имущество не претендует, забирает только свои носильные вещи и книги по специальности.

По залу пронесся вздох. Ко мне обернулся незнакомый человек:

— Столько лет прожила с человеком и не разобралась, с кем живет!

Суд окончился. Мы с Ириной медленно шли к ближайшей станции метро. Она молчала...

С тех пор прошло немало времени, но у меня не изгладилось, даже, пожалуй, сильнее стало ощущение совершившейся на моих глазах грубой, жестокой ошибки. Приходят на память грустные стихи Веры Инбер — «Любовь была вот именно по гроб. Но вздор, пустяк... и все пошло иначе. Так иногда в космической задаче допущена ошибка. Мелочь. Дробь. И навсегда осталось нераскрытым движенье двух сердец по двум орбитам».

Как же избежать подобных ошибок?

По книгам, написанным много лет назад, по рассказам старых людей мы стараемся представить себе, какой была семейная жизнь раньше. Мы невольно сравниваем ее с тем, как живем теперь мы сами, — это естественно. Однако при этом как-то забывается, что такое сравнение надо делать аккуратно и осмотрительно. Чем больше человек огорчен своим сегодняшним положением, тем охотнее он идеализирует прошлое: тогда, мол, и семьи были крепче, и мужья вернее, и жены добродетельнее, и дети послушнее... Непонятно только, откуда взялись в русской литературе Кабановы или Каренины.

Но если все-таки, дав себе слово соблюдать достаточную осторожность, попробуем провести такое сравнение, мы прежде всего увидим, что никогда раньше личное счастье не играло такой роли в человеческой жизни, как сейчас, никогда люди не были так чувствительны и так требовательны ко всем тонким, эфемерным факторам, из которых слагается эмоциональное благополучие. Бывали раньше конфликты между супругами? Конечно, бывали. Но для того, чтобы люди восприняли свои отношения именно как конфликтные, нужны были чрезвычайные обстоятельства. Кровная обида! Измена! А теперь, оказывается, конфликты порой вспыхивают из-за разных точек зрения на прочитанную книжку или новый кинофильм.

Относиться к этим переменам можно по-разному. Можно осуждать их как род легкомыслия. А можно радоваться — люди наконец-то поняли, как прекрасен брак, основанный на глубоком духовном единстве; сегодняшний семейный союз, основанный на гармонии взглядов, вкусов, темпераментов, более совершенен, чем брак, который держался только на терпении и чувстве долга.

Всегда были семьи более благополучные и менее благополучные, супруги, которым завидовали, и супруги, которых жалели. Но и счастье одних и несчастье других казалось ниспосланным богом или судьбой. Судьба крутит барабан житейской лотереи: повезло — радуйся, не повезло — терпи. Судьба (кто ж еще?) делает двоих людей мужем и женою. Судьба посылает им всевозможные испытания, в том числе и испытание на совместимость характеров. Необразованные люди представляли себе это примитивно, например в виде черта, который сидит на печной трубе и сыплет на землю плевелы. Культурная публика находила более изящные поэтические и философские ассоциации. Но и в том, и в другом случае с человека как бы снималась ответственность за то, как он живет: человек предполагает, а бог располагает.

Сегодня господствующим становится другое убеждение: человек должен с т р о и т ь свою жизнь, в частности — личную, семейную. И он должен знать, как это делается. На нем, и больше ни на ком, лежит ответственность за правильный выбор спутника жизни, за тон и стиль взаимоотношений. Семейное благополучие мы начинаем воспринимать не как подарок свыше, а как личную заслугу супругов, а если в семье не все ладится, ищем — кто допустил ошибки и в чем, как исправить, как помочь. Это громадная, хоть, может быть, не сразу бросающаяся в глаза, перемена в нашем сознании.

Но вернусь к Ирине, к ее семейному конфликту. Она не была готова к замужеству, к совместной семейной жизни с человеком другого характера, других вкусов, другого жизненного опыта. Как неумелые хозяйки зовут на помощь маму, чтобы испечь пироги или искупать младенца, так и Ирина звала мать, чтобы та решила за нее сложные вопросы ее семейной жизни.

Именно вспомнив судьбу Ирины, я согласилась с Николаем Яковлевичем Соловьевым, поняла, почему он такое значение придает народным университетам семейно-бытовой культуры, почему горячо и настойчиво их пропагандирует.

Литовские ученые основательно разработали программу таких университетов. В течение двух лет человек должен узнать о семье и семейной жизни то, что знает об этом современная наука, продумать вместе с другими такими же слушателями возможные ситуации, встречающиеся в семейной практике. Программа предусматривает также изучение социально-биологических проблем семейной жизни, хозяйственно-экономических, нравственно-психологических аспектов семейных отношений. В разных местах Литвы университеты занимаются с учетом местных условий. В Утенском районе, например, слушатели собираются в правлении колхоза или у когонибудь дома. В Рокишкском районе предпочитают более торжественную обстановку — в районном Доме культуры. Обстановка различная, но цель одна: помочь мужьям и женам, женихам и невестам правильно строить семейные отношения, а в случае осложнений — умело и тактично разрешать противоречия, не доводя их до острых конфликтов.

— У юношей, — рассказывает Н. Я. Соловьев, — мы стараемся пробудить, воспитать такие чувства, как мужское достоинство, интеллигентность, бережное отношение к жене и детям, волю и веру в себя, трезвость. Девушке, молодой женщине мы стараемся объяснить, как важно понимать мужа, жить его интересами, быть ему верным другом, проявлять материнскую заботу не только о детях, но и о нем, стремиться к всестороннему совершенствованию...

Интерес к работе университетов семейно-бытовой культуры очень велик, причем не только к принципиальным проблемам, но и к второстепенным. Например, чрезвычайно популярна тема «Как научиться культурно принимать гостей, как сервировать праздничный стол». Неизменно вызывает оживленные дискуссии тема «Семейно-бытовые традиции».

Чрезвычайно большое значение в Литве придают пропаганде и внедрению в жизнь новых традиций и обрядов. Свадьба, рождение детей, их совершеннолетие — эти главные события, вехи в семейной жизни должны быть не менее — нет, значительно более торжественны, волнующи, чем церковные обряды венчания, крещения, конфирмации. Они должны запоминаться на всю жизнь, их света и тепла должно хватить на весь долгий, порою нелегкий путь, ожидающий человека...

Внедрение в жизнь новых традиций и обрядов также последовательно и настойчиво, день за днем, шаг за шагом приучает людей сознательно относиться к своим поступкам, регулировать свое поведение.

В семейной жизни велика роль умного, дельного совета. Однако кто только не выступает в роли наших советчиков — родственники и друзья, соседи и сослуживцы, зачастую даже малознакомые люди. Сколько советов было дано и с благодарностью выслушано на скамейках в парке или в поезде, в беседах случайно столкнувшихся людей, не знающих даже, как зовут друг друга! А на худой конец — если нет под рукой собеседника — в ход идет цветок ромашки: любит — не любит...

Не станем над этим смеяться. Здесь секрет слабости, но одновременно и силы человеческой души: в умении разделять друг с другом груз сомнений, забот, огорчений. И, наверное, ни одна церковь, ни одно религиозное течение не могли бы влиять на паству, если бы веками не эксплуатировали эту особенность психики человека. Что бы ни случилось — ты не один. Твой духовник, духовный отец, духовный наставник умело выспросит тебя обо всем, подскажет, а то и навяжет решение — как часто сам человек не хочет брать на себя ответственность за выбор. Недаром в православии исповеди всегда уделяется такое внимание. «Дело исповеди так трудно, — говорится, например, в «Напоминании священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния» (М., 1871), — что без особой благодати божьей никакие силы человеческие недостаточны для спасительного совершения оной». Однако в практике священнослужители всегда надеялись не на бога, а на извечную потребность души человеческой — высказаться и тем облегчить себя. В «Беседе перед исповедью» (Казань, 1910) говорит-

ся: «Стыдись грешить, а сознаваться в грехе не стыдись. Чем тебе тягостнее и стыднее на исповеди, тем легче будет после исповеди».

Все мы — замкнутые и откровенные, доверчивые и настороженные — прибегаем к взаимной помощи в трудную минуту. И для душевного нашего состояния польза от полученных советов огромна и несомненна. Пусть даже ничего путного не услышу о мучающих меня затруднениях, но я говорю с человеком, которому мои дела небезразличны, который сочувствует мне. Даже просто возможность выговориться, излиться, облегчить душу — и то немало значит.

Что же делать человеку, запутавшемуся в семейных проблемах? Ведь практически следовать доморощенным советам не всегда безопасно. При самом искреннем желании помочь советчик не всегда бывает способен выйти за пределы своего личного опыта, своих взглядов на жизнь — а ведь это все так индивидуально, так субъективно. «Да я бы на твоем месте...» — любят поучать друг дружку задушевные подруги. Но в жизни каждый действует и принимает решения только на своем и больше ни на чьем месте.

Еще полтора десятилетия назад это был бы чисто риторический вопрос. Теперь на него есть практический ответ. Если у вас болят зубы, вы обращаетесь к зубному врачу. Если у вас неблагополучно в семье, вы тоже обращаетесь к соответствующему специалисту... В Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Каунасе, в некоторых других городах созданы семейные консультации. В Каунасе, например, кабинет семейных отношений (заведующий кабинетом — доктор В. Мишкенене) официально действует при городской больнице с 1975 года, до этого врачи и психологи 10 с лишним лет вели прием на общественных началах.

Люди приходят сюда встревоженные, недоумевающие, переполненные обидами. Иногда вдвоем — муж и жена. Чаще поодиночке. Маленький уютный кабинет, внимательный собеседник — врач. Время приема не лимитировано: человеку надо дать возможность высказаться, бывает, прием идет и час, и полтора, и два, и врачу давно уже ясна картина, но он не подает вида, понимая, что исповедь нельзя прерывать. Затем консультация с коллегами — в штате кабинета психоневролог, уролог, гинеколог, психолог-психотерапевт. И уже совместно принимается решение — чем можно помочь. Очень часто первопричиной конфликта является болезнь, бывает, что именно в кабинете семейных отношений человек узнает о каком-нибудь своем хроническом заболевании. Но во множестве случаев задача заключается в том, чтобы помочь двум людям обрести взаимопонимание. Тогда в роли врача и целителя выступает социальный психолог.

Один из них — Леонид Яковлевич Гозман, научный сотрудник кафедры социальной психологии МГУ. Несколько лет он вел на общественных началах прием в московской семейной консультации. Множество людей прошли перед ним со своими проблемами, со своей бедой. И многим он сумел помочь. Мне разговор с Леонидом Яковлевичем был особенно интересен. Ведь журналисту тоже часто приходится выступать в роли советчика по разным «деликатным» вопросам. Но многие, и я в том числе, делают это кустарно, руководствуясь единственно здравым смыслом, которого не всегда оказывается достаточно. Тем интереснее было мне послушать, как в таких случаях действуют профессионалы.

В семейные консультации обращается множество людей. Тут предварительная запись, очереди. Но если сопоставить этот поток с числом заявлений в суд о разводах, получится ничтожно малый процент. Конечно, когда бесповоротное слово «развод» уже сказано, обсуждать чаще всего уже нечего: семьи как таковой уже нет. Но ведь не вдруг, не в пять минут разваливаются отношения и у супругов, пока они не стали бывшими супругами, всегда есть в запасе какое-то время. Но вот обращаться за советом в официальную организацию как-то не принято. Кто-то стесняется, кто-то относится с недоверием, придерживаясь старой пословицы: двое дерутся — третий не лезь. Многие даже просто не знают, что такая помощь возможна.

Порой люди недооценивают возможности современной психологии, а некоторые их явно переоценивают. Они ожидают, что психолог чудесным и таинственным способом распутает все узлы семейной драмы и ее участники сразу начнут новую счастливую жизнь. Но так не бывает. Психолог — не божественный оракул и не гадалка с попугаем. Готовых рекомендаций у него нет. Его цель — заставить человека посмотреть объективно, как бы со стороны, на хорошо знакомую ему ситуацию, в которой он давно привык, с которой сжился, в которой он — «само собой разумеется» — сторона правая и страдающая, а второй супруг — тоже «само собой разумеется» — бессердечный эгоист. Как просто, казалось бы, — а как нелегко. Одно и то же событие выглядит совершенно по-разному, если смотреть с разных точек зрения. Такова особенность человеческой психики: когда затрагиваются наша собственная жизнь, судьба, чувства, объективность нам изменяет. Чувства туманят разум... Даже образованный специалист, вооруженный всеми премудростями психологической науки (у меня был случай убедиться в этом!), становится слеп и беспомощен, когда задеты его личные интересы.

Но в этом и заключается смысл профессиональной консультации психолога. Он говорит с человеком так, чтобы подвести его к точке, откуда поле битвы видно целиком, он заставляет выслушать противоположную точку зрения. Психолог не подсказывает вам решения, но он дает такое направление вашим мыслям, при котором это решение будет наиболее трезвым, справедливым и мудрым.

Уметь давать советы — искусство. Тут нужна особая квалификация. Совсем не просто говорить горькую правду — и не терять доверия. Нам с вами свойственно поддаваться невинному самообману, особенно если мы огорчены, взбудоражены. Мы вполне искренно просим: «Выскажите, пожалуйста, ваше мнение, мне очень важно знать, кто, по-вашему, прав?» А на самом деле нам в этот момент важно только одно: получить подтверждение собственной правоты. И если нам возражают (неумело возражают — так будет точнее), мы сразу разочаровываемся в советчике: черствый человек, нет в нем ни тонкости души, ни умения понять другого.

Но и получать советы, вернее, их практически использовать тоже надо умеючи. Человек, который решается противостоять разрушению любви, распаду семейных уз, должен в чем-то стать выше себя, поступиться своим упрямством, а может быть, и серьезнее — гордостью, самолюбием. Ведь разрешение любого конфликта связано, в конечном счете, с тем, что стороны в чем-то уступают друг другу. И тут нужны большая внутренняя, душевная работа, огромное напряжение.

После каждого выступления печати о работе семейных консультаций в редакции приходят письма: где найти такую консультацию, почему ее нет в нашем городе? Постепенно положение с этим делом улучшается — количество консультаций растет и в перспективе будет создана целая сеть, подобно сети поликлиник и диспансеров.

Нечего говорить — для выполнения этого плана предстоит преодолеть очень много трудностей. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что наступает качественно новый этап в развитии науки о семье — фамилистики. Строго говоря, это не одна наука, а целый комплекс научных дисциплин. Проблемы семьи изучают социологи и экономисты, демографы и психологи, медики и педагоги, архитекторы и юристы. Назначение фамилистики как раз и состоит в том, чтобы собрать в единый фокус все, что знают о семье ученые разных специальностей.

Как и всякая наука в период своего становления, фамилистика энергично занимается описанием предмета, приведением в систему существующей информации. Пока — как признают самые крупные авторитеты в этой области — вопросов значительно больше, чем разрешенных проблем. Но это не мешает фамилистике стремиться стать прикладной, практикующей наукой, подобно медицине, которая для того и изучает всевозможные болезни, чтобы уметь их предупреждать и лечить. Ученые настаивают: давайте как можно скорее построим систему подготовки молодых людей к браку — это поможет им избавиться от множества неприятностей. Даже в тех печальных случаях, когда спасти семью не удается, фамилистика может оказаться полезной — она поможет пережить душевную травму, разочарование, вернуть оптимизм, начать новую жизнь...

Старинную формулу «браки совершаются на небесах» сейчас мало кто воспринимает всерьез. Однако и теперь несчастный муж, страдающая жена вызывают сочувствие, соболезнование и горькие размышления о том, как жестока бывает жизнь и как бессилен человек перед натиском обстоятельств. Есть много оснований считать, что в недалеком будущем люди смогут отказаться от подобной житейской философии. И тогда человек, жалующийся на невезение или судьбу, встретит недоумевающие, а то и осуждающие взгляды — как всякий, кто допускает «брак» в важнейшем деле своей жизни.

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе — ремесло мое...

Навои

ЧЕЛОВЕК поет, сидя на ковре, поджав по-восточному ноги, аккомпанируя себе на струнном инструменте. Это хафиз — народный поэт, певец-импровизатор. Его называют еще сазандаром, потому что чаще всего он играет на сазе, но его рукам послушны и домра, и танбур, и дутар...

Саз — инструмент восточных певцов-сказителей. Под его звуки поэт Хафиз Ширази пел свои замечательные газели, и его имя приобрело у таджиков нарицательное значение — народный певец. Сейчас песни на стихи Хафиза поют сазандары не только в Средней Азии, но и на Кавказе, а также в Иране, Афганистане, Турции... Когда певец-сказитель в своем вступлении к дастану — эпическому сказанию — произносит традиционную фразу: «Этого я не могу выразить словами, дайте саз, и я спою», — вовсе не значит, что ему нужен именно саз. Ему могут дать любой музыкальный инструмент.

сазандар

В. САЯПИН

В доме Рахима-бобо Усманова на стене висят два дутара. Один — со стертой от долгого употребления лакировкой, другой — зеркально блестящий, с богатой инкрустацией — сувенирный, изготовленный на душанбинской фабрике «Армугон». Старый дутар — инструмент самого устода Рахима-бобо, на новом играет его сын, «усто хурдак» — младший мастер.

— Когда-то меня называли Рахим-сазандар, — вспоминает устод, — иногда даже Рахим-бульбуль — Рахим-соловей... Сейчас я уже не пою и редко беру в руки дутар, на праздники и свадьбы теперь приглашают моего сына».

А какой же праздник обходится без сазандаров?! Иногда на свадьбе собирается целый оркестр: дутар или рубоб, дойра, сурнай и другие инструменты. Музыканты лихо наигрывают, молодежь хором поет свадебную песню «Ер-ер», гулко рокочет дойра, созывая гостей на праздничный той.

Обычно в репертуаре сазандара — самые разнообразные песни: бытовые, шуточные, сатирические, траурные, лирические; песни, сложенные другими, и те, что сочинил сам. В этих импровизациях сазандар рассказывает обычно о том, что увидел, с кем повстречался, что ему понравилось или не понравилось в городе или кишлаке. Иногда он выражает в песне свое отношение к окружающему миру, ругает когонибудь или благодарит слушателей. Исполняет сазандар и дастаны — стихи. Бывает, он знает наизусть такие большие поэмы, как «Малика Аяр», «Алпамыш», «Равшан» или «Рустамхан». При этом он нередко не только музыкант, певец, декламатор, но и острослов, балагур, привлекающий к себе внимание шутками-прибаутками. Иной раз под звуки дутара сазандары высмеивали муллу и лавочника, бая и стражника, рассказывали притчи, веселили слушателей забавными анекдотами.

В жизни Рахима-бобо был случай, когда ему довелось посрамить своего соперника маддаха — бродячего рассказчика священных историй. Произошло это на самаркандском базаре в начале 20-х годов, когда Усманов был еще странствующим музыкантом. Собрав вокруг себя базарных зевак, дервиш-маддах в исступлении вопил о тщете жизни, о близком дне страшного суда, о том, что ждет на том свете изменивших истинной вере. Затем он хриплым голосом запел какую-то религиозную песню. Его слушали хмуро.

Расстелив на земле поясной платок, Рахим-бобо уселся поудобнее, подобрал под себя ноги, вытащил из чехла дутар.

— Сазандар! Сазандар пришел! — послышались радостные восклицания.

Толпа плотным кольцом окружила Рахима-бобо, возле проповедника мало кто остался. Настроив дутар, сазандар пропел стихи Навои:

Душа от бедствия такого пускай
подальше сторонится.
От голоса его в испуге вспорхнула
из болота птица —
Она спустилась бы обратно, но в барабан
стал бить опять,
А этим птицу избавленья надолго можно
испугать.

Толпа хохотала. Посматривая в сторону маддаха, сазандар про-

пел рубаи Омара Хайяма, как бы отвечая на его пророчества о страшном суде:

Наполнить камушками океан
Хотят святоши — глупость иль обман?
Пугают адом, соблазняют раем, —
А где гонцы из этих дальних стран?

— Молодец, сазандар! Браво, дутарчи! — неслось со всех сторон. — Пой еще, Рахим-бульбуль! Когда поют соловьи, вороны молчат!

Однако дервиш, не успевший собрать подаяние и к тому же осмеянный, пошел жаловаться. В самый разгар веселья вдруг появился базарбаши и потребовал, чтобы музыкант немедленно покинул базар.

— Ты не уплатил за место, — сказал он.

Сазандар долго и горячо объяснял базарному надзирателю, что с него никто никогда не брал плату за место на базаре, потому что он ничего не продает, а лишь играет на дутаре. Публика его поддержала. Но базарбаши был неумолим:

— Плати или убирайся! — заявил он.

Помнит Рахим-бобо, как однажды вступил в спор с муллой — одним из постоянных своих противников. Сазандары в прежние времена говорили: «Лучше встретить шакала в пустыне ночью, чем муллу на улице днем». Если встречались мулла и сазандар, всегда между ними начинался словесный поединок. Мулла при каждом удобном случае старался поддеть «слугу шайтана» и воспрепятствовать его «дьявольскому занятию».

Почему мусульманские священнослужители относились враждебно к бродячим певцам и музыкантам, понять нетрудно. Певцы и музыканты приносили им двойной вред: смущали умы верующих и уменьшали доходы мечетей. Но многоопытный сазандар, обладавший острым умом, всегда умел дать мулле достойный ответ.

Как-то после пения на базаре Рахим-бобо, усталый и голодный, направился в ближайшую чайхану, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Народ толпой последовал за ним. Завязался оживленный разговор. Сазандар по обыкновению хвастал — рассказывал о своих странствиях по белу свету.

— Много разных городов прошел я, — говорил он. — Где я только не бывал: Дамаск, Герат, Кабул, Исфахан, Шираз...

— Уважаемый сазандар! — прервал его вдруг чей-то вкрадчивый, ехидный голос. — Позвольте задать вам один вопрос.

Сазандар обернулся и увидел группу людей, сидящих неподалеку. Один из них, тщедушный, сухонький старик с козлиной бородкой, глядел на него с ядовитой усмешкой.

— Кто эти люди? — спросил Рахим-сазандар у своих собеседников.

— Служители ислама, — сказали ему. — Тот, кто спрашивает, — мулла.

— Вы, уважаемый сазандар, — продолжал мулла, — перечислили чуть ли не 40 городов, в которых когда-то побывали. Но среди них вы не назвали города самого заветного и дорогого для каждого правоверного. Я имею в виду Мекку. Неужели для вас этот священный город менее важен, чем какой-то Исфахан или Шираз?

Особой набожностью Рахим-бобо никогда не отличался и не таил этого. За кого они его принимают? Нужно показать этому святоше, что сазандар — это сазандар!

— Вы хотите спросить, почему я, обойдя полсвета, до сих пор не посетил Мекку? Скажу вам так: если поеду с дутаром, меня туда не пустят, а без дутара, сам не поеду. Когда их условие совпадет с моим желанием, обязательно побываю в священном городе.

Хотя сазандар выступает на празднествах и свадьбах, он, по существу, — базарный музыкант. Базар для него — основной источник дохода. Ведь на Востоке это не просто шумный и пестрый мир продавцов и покупателей. Люди приходят сюда провести время и развлечься, узнать новости, свои рассказать, идут, чтобы встретиться со знакомыми, посидеть в чайхане, посмотреть представление масхарабозов и, конечно, послушать сазандара. В базарный день разве усидишь дома!..

Чтобы привлечь публику, заинтересовать ее, у сазандаров много способов. Один из них — балегуи. Это среднеазиатские клакеры, специально нанятые подпевалы. Смешавшись с толпой, они высказывают свое одобрение громкими возгласами, всячески способствуют успеху выступления. Иногда даже делают мнимые пожертвования — чтобы подать пример остальным зрителям. Прием этот, вероятно, заимствован у постоянных конкурентов сазандаров — маддахов. Однажды воспользовался им и Рахим-бобо.

Прибыв в базарный день в Ходжент, он, как обычно, расположился на базарной площади. Его тотчас окружили люди, которые всегда были рады послушать певца. Настроив дутар, сазандар пропел зачин к дастану, затем вдруг прервался и удивленно воскликнул:

— Ба! Опять я вижу тебя, Анвар-ака! Ведь мы расстались с тобой в Дигмае! Как же ты оказался в Ходженте?

— Приехал послушать тебя еще раз. Если не возражаешь, буду сопровождать тебя и дальше.

— Сопровождай, если хочешь! Но ты же следуешь за мной от самого Шахристана!

— Я — базарчи, путешествовать привык.

— Люди! Посмотрите на этого чудака — ишкбоза, который всюду сопутствует мне, позабыв о семье и доме!

В этой маленькой сценке роль ишкбоза за определенную плату исполнял базарчи — мелкий разъездной торговец. Ишкбозами, или ишками, называли людей, которые, пленившись искусством музыканта, повсюду следовали за ним.

...Давно уже Рахим-бобо оставил скитальческую жизнь. Секреты своего мастерства он передал старшему сыну. Только дутар свой не отдал — у каждого музыканта должен быть свой саз. Пусть его верный спутник тоже обретает покой — висит на стене и напоминает о прошлом.

Старый сазандар достает альбом с фотографиями. На них среди участников художественной самодеятельности — его сын Тахир с дутаром и рубобом. В этом нет ничего особенного. Сам Рахим-бобо виртуозно играл на этих инструментах... Хорошо ли играет его сын? Если приглашают на свадьбы и концерты — значит, неплохо. Но будет играть еще лучше. В этом Рахим-бобо не сомневается.

г. Душанбе

Встреча
с интересным собеседником

Гость этого номера журнала — заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР за 1978 год Дмитрий

ОБЯЗАН

Из графических работ Д. Бисти:

Гомер. Иллюстрация к «Илиаде».

Гомер. Иллюстрация к «Одиссее».

«Интернационал», иллюстрация.

— ЛЮБОВЬ К КНИГЕ мне была привита отцом с детства. Сколько помню себя, помню книги в отцовском доме. В семье нашей был культ чтения. Отец — образованный человек, адвокат, окончил Московский университет, собрал богатейшую библиотеку произведений русских и западных классиков. Помню прижизненные издания Пушкина, Гоголя...

Я рос среди книг и не представлял себе дальнейшую жизнь без них и без знаний. Мне кажется, что это послужило первым надежным барьером между миром, где царит разум и свет, и миром, где все предрешено заранее и повинуется тысячелетним догматам и постулатам.

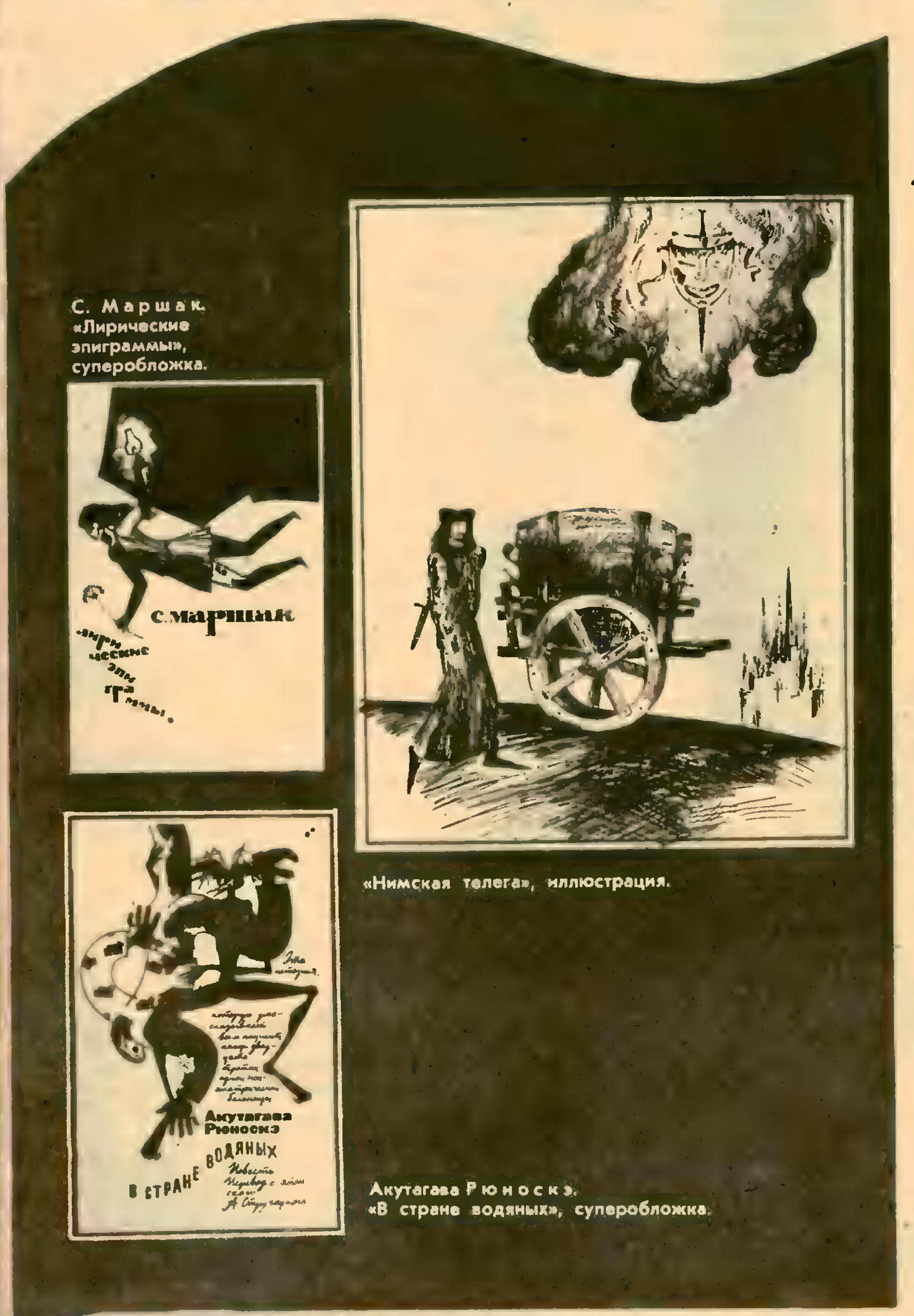
Мой дед, которого даже в далеком детстве я помню очень почтенным человеком, исправно молился, но в церковь не ходил. Я ребенком заметил это противоречие в его поведении: как же так? А он разграничивал для себя церковь и свое собственное традиционное отношение к вере. Объяснить это детально он не мог. Труден был этот вопрос для него. Но ясно мне теперь, что лицемерие и ханжество служителей культа оттолкнуло его от церкви.

Так случилось, что я рано определил себе цель жизни: стать «книжным» художником. Я рисовал, как все дети. Природа юга, Черное море (я родился и вырос в Севастополе) волновали меня, будили во мне эстетические чувства. Свою будущую профессию я четко связывал с книгой. Книга представлялась мне чуть ли не живым существом, и все, что было связано с ее появлением, меня трогало.

Незадолго до Великой Отечественной войны я один приехал в Москву. Днем учился в средней школе, вечерами посещал студию при художественном училище имени 1905 года. Не припомню, чтоб кто-нибудь из моих однокашников интересовался вопросами религии. Жили мы другими интересами. В стране кипела стройка. Победный труд и соревнование — этим были захвачены все. А мы, дети, учились, готовились

Спиридонович БИСТИ. Его рассказ записала специальный корреспондент журнала Н. Евсеева.

КНИГАМ

С. Маршак. «Лирические эпиграммы», суперобложка.

«Нимская телега», иллюстрация.

Акутагава Рюноскэ. «В стране водяных», суперобложка.

заняться любимым делом. Свободное время, а его было не так уж и много, отдавал театру. Театр так захватил меня, что одно время составил серьезную конкуренцию главной моей страсти — стать художником. Долгое время занимался в драматическом кружке.

И вот война. Тяжелое испытание для всех. Работа на предприятии по 12—14 часов. Но сейчас, в ретроспективе нашей жизни, это время вспоминается с благодарностью. Впервые тогда понял труд и научился уважать ремесло. Это важно для формирования подростка, но оказалось нужным и для моей будущей профессии художника, поскольку наше дело, как и работа скульптора, живописца, включает все этапы труда от его простейших форм до самых усложненных, до творчества, до созидания. И кто постиг эту гармонию, тот, мне кажется, никогда не изменит своему делу.

После войны, уже учась в Полиграфическом институте — учебном заведении, специально организованном для подготовки художников-оформителей, я стал выполнять заказы издательства. Первые мои работы связаны с Детгизом и Издательством художественной литературы. Мне одинаково интересно было работать как над шрифтами, над макетом книги, так и над иллюстрациями. Я всегда был твердо уверен, что книгу надо делать всю. В оформлении должна присутствовать единая мысль. Отношение к книге как к единому художественному целому в истории советского искусства формировалось еще в 20-е годы, затем было забыто. В 40-е годы и позже в оформлении книги стал преобладать станковый характер, а художники книги стали делиться на оформителей и иллюстраторов.

Поэтому мне так близок В. А. Фаворский, принципы его школы, его подход к книге как единому организму, его стремление возродить интерес к специфике древнерусских рукописей, когда принципы их оформления были почти забыты. В последние годы понимание

книги как художественного целого возродилось вновь. Глубокими корнями в древность уходит эта школа оформления. И возрождение эстетических принципов древнерусских миниатюристов безусловно радует читателя и позволяет художникам делать текст ближе, понятнее, донести до читателя всю значительность содержания.

Из современных графиков мне был ближе всех А. Д. Гончаров, которого я считаю своим учителем. Его искусство по темпераменту и экспрессивной насыщенности, гуманистической направленности созвучно моему пониманию оформления книги.

Какая литература, какие герои меня волнуют? В центре — человек, его страсти. Что может быть привлекательнее для художника? Поэтому мне одинаково интересно работать и с литературой прошлого, и литературой современной, если отмечают их остросюжетность, социальность темы, ритмика изложения, темперамент. Поэтому так влечет меня поэзия с ее предельной концентрацией мысли и чувств. Не оставляет меня равнодушным и ироническая сатира В. Курочкина, и лирические эпиграммы С. Маршака, публицистичность поэзии В. Маяковского и Э. Вевериса. Огромное наслаждение мне доставляет работа над сборниками «Жемчужины испанской поэзии» и современной поэзии Японии.

Великие памятники литературы классической — «Одиссея» и «Илиада» привлекли меня героями, которые живут и действуют на пределе своих возможностей и страстей. Извечная тема — борьба добра со злом придает современное звучание этим поэмам. Человек, человечность — темы настоящего искусства. Именно этот принцип высокой гуманности был положен в основу отбора произведений, вошедших в Библиотеку всемирной литературы. И радостно мне, что эта моя работа над оформлением такого значительного издания получила признание и высокую оценку.

Глубоко верю в жизнеутверждающую силу искусства. И здесь для меня примером всегда служило и служит древнерусское искусство. В мировой культуре найдется немного аналогов древнерусской живописи, несущей в себе заряд высочайшей духовности и нравственного звучания. Оно было призвано служить религиозным целям, но, как заметил один из философов, это искусство оказалось троянским конем в стане религии. Как только живопись стала оформляться в самостоятельную духовную силу, она вступила в единоборство с религиозной моралью.

Если древнерусское искусство формировало высокую человеческую нравственность, передавало в своих произведениях вечнотекущую жизнь, ее динамику, то религия выступала всегда как сила консервативная, догматическая. И именно поэтому ее рамки не могли сдержать людей деятельных, социально активных, творческих. Вековая традиционность, незыблемость постулатов в решении важных жизненных проблем ошибочно принимаются за их надежность. Поэтому я совершенно уверен, что религиозное мироощущение — антитворческое по самой своей сути.

Эстетическая сторона художественных произведений, использующих религиозную тематику, всегда приходит в конфликт с культовым назначением их. Взгляните на любое произведение великих мастеров средневековья — Андрея Рублева, Дионисия и других. Нет необходимости мысленно убирать религиозную символику с их картин. Перед вами явственно предстают живые люди — современники художника, с их радостями и горестями.

Древнерусское искусство магнитом притягивает к себе современных людей. Это радостное явление. Ведь внимание к истории и культуре своих предков — это проявление высоких чувств патриотизма. Увлечение может стать впоследствии и поводом для серьезного изучения и понимания древнерусского живописного искусства.

Но это увлечение, интерес к искусству старых мастеров, как мне кажется, необходимо оградить от потребительского интереса к нему, от хищнической погони за старинными иконами и другими реликвиями, являющимися народным достоянием.

«Охотники» за стариной создали даже своеобразную моду собирать религиозную символику — предметы «массовой культуры» религиозного культа, не имеющие никакого отношения к искусству. Здесь неплохо бы помнить, что всегда рядом с настоящим искусством соседствуют его суррогаты. Особенно это касается икон. К концу XIX века эта продукция пошла потоком. Иконы штамповали на железе, раскрашивали артельно. Вот в основном они и сохранились до наших дней. Среди артельных мастеров встречались и неплохие ремесленники, и даже талантливые художники. Например, наш известный живописец П. Д. Корин происходил из старинного рода палешан-иконописцев.

История сберегла нам имена талантливых древнерусских художников, но, к сожалению, сохранилось немногое из созданного ими. И сохранилось только благодаря тому, что стало предметом пристального внимания и заботы светского искусства.

В 1913 году состоялась первая выставка древнерусской живописи, и с того же времени начинается коллекционирование икон, до этого существовавшее лишь в среде богатых старообрядцев. А после выставки 1929 года за рубежом древнерусское искусство открылось всему миру во всей своей непреходящей красоте.

Настоящее возрождение и признание древнерусской живописи произошли с победой Октябрьской революции, с установлением Советской власти. И этот факт имеет глубокий смысл: общество массового атеизма собирает, бережет, восстанавливает предметы и сооружения, относящиеся к религиозному культу. Все мы видим в этих предметах памятники прекрасного искусства, творения наших далеких предков. Мы не «Иваны, не помнящие родства», мы обязательно должны учиться и учиться на лучшем и передовом, что создали до нас, мы учимся, чтобы идти дальше. Из русских художников, проявивших особый интерес к иконописи, пожалуй, глубже всего понял ее неисчерпаемые новаторские возможности К. С. Петров-Водкин. Испытали ее влияние и другие художники, и русские и западноевропейские, например Анри Матисс. И как тут не вспомнить замечательные слова П. Корина, что «без традиции нет новаторства». Что же влекло художников к этой живописи? И колористические особенности, и композиционные решения, особые способы отображения времени и пространства — все это было направлено к единой цели — подчеркнуть философскую значительность изображаемого. Произведения древних мастеров выражали общечеловеческие идеи добра, красоты и человечности. В центре их внимания всегда был человек.

Древнерусское изобразительное искусство — часть классического наследия нашей эстетической культуры. И мне кажется, необходимо шире знакомить наших современников с его богатством для лучшего понимания истории нашей Родины и высоких духовных устремлений наших предков.

Я люблю работать с молодежью. Мои дочь и сын тоже художники. С молодежью связан и преподаванием в Полиграфическом институте. Знаю и верю, жизнь, наполненная трудом, интересом к своей профессии, жаждой знаний, освобождает человека от ненужной суеты, от увлечения иллюзорными ценностями религии.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ МИНУТ В ЭФИРЕ

Р. БАТЫЦКИЙ,
редактор
редакции пропаганды
львовского радио

Каждую третью среду в 18 часов 10 минут звучит по львовскому радио атеистический журнал «Обрій» («Горизонт») — ветеран местного радиовещания: в эфире он почти 20 лет. Звучит он 28 минут. И каждый раз перед сотрудниками редакции стоит одна задача: распорядиться этим временем по-хозяйски, заполнить его содержательными материалами, познакомить слушателей с героями репортажей, зарисовок, интервью — словом, с интересными людьми.

В этом нам помогает внештатный авторский актив. Например, уже давно и активно сотрудничает с нами заместитель редактора бориславской городской газеты «Нафтовик Борислава» («Нефтяник Борислава») Р. Соловчук. Его яркие зарисовки о пропагандистах атеистических знаний, а также краткие фельетоны и юморески всегда хорошо слушаются. Интересные материалы присылают на радио и из других городов и районов области наши постоянные корреспонденты — газетчики С. Сенюк, М. Ильницкий, М. Шмуленсон и другие.

А вот корреспонденты-организаторы районного радиовещания, как это ни парадоксально, менее активны. И тут есть разные причины. Скажем, когда районный радиожурналист выбирает, какой материал готовить — на промышленную, сельскохозяйственную или атеистическую тему, он отдаст предпочтение, конечно, первым. Ведь времени на их подготовку требуется, как правило, меньше. Разумеется, среди корреспондентов-организаторов районного радиовещания есть и такие, кто существенно помогает редакции. Например, из Жидачовского района часто присылает нам «звуковые» материалы И. Фабьян. В прошлом году он организовал два интересных выступления бывших верующих: кратких, эмоциональных, убедительных. Репортаж о «золотой» свадьбе ветеранов труда Марии Васильевны и Анатолия Васильевича Понежей был одним из самых удачных у журналиста Я. Царика из Перемышлянского района.

Тема новых советских праздников и обрядов часто звучит в эфире. Как правило, это репортажи из дворцов торжественных событий, рассказы о проводах юношей в армию, вручении первого паспорта и т. п.

Большой резонанс получила передача «Люди стремились к свету», посвященная 40-летию воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной. Автор, опираясь на исторический материал, рассказал о том, как в быт населения Западной Украины постепенно проникали новые семейно-бытовые праздники и обряды.

Вообще в прошлом году в «Горизонте» систематически звучали передачи под рубрикой «К 40-летию воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной». В ней приняли участие бывшие члены Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). Так, герой радиоочерка «Поединок» Н. И. Турянский рассказал о том, как коммунисты и комсомольцы села Чайковича в условиях подполья боролись со священнослужителями, помогавшими украинским помещикам угнетать крестьянина-бедняка. Или лаконично, ярко выступил бывший член КПЗУ В. И. Коханый о похоронах коммуниста без религиозного ритуала в 1932 году и о том, как эти похороны переросли в смелую манифестацию против существовавших тогда в Польше порядков.

Мы понимаем, что без авторитетного слова ученого, лектора-атеиста, работника музея радиожурналу не обойтись. Поэтому в нынешнем году пригласили выступить в «Горизонте» преподавателей университета имени Ивана Франко, ведущих ученых других львовских вузов, занимающихся проблемами научного атеизма, работников Львовского музея истории религии и атеизма. В частности, нашим активным автором является старший преподаватель кафедры научного атеизма Львовского государственного университета С. Т. Боруцкий. Краткие теоретические беседы, с которыми он выступает, очень нужны для освещения темы.

Много помогают редакции райкомы партии, парткомы колхозов и совхозов, промышленных предприятий. Они хорошо знают положение дел на местах, часто дают полезные советы, «наводят» на интересную тему. Например, однажды я записывал выступление первого секретаря Николаевского райкома партии Р. Ковалевского. В частности, он рассказал, как в одной из школ района на протяжении двух лет дружный класс помогал своему товарищу, которого отец заставлял посещать баптистскую общину. В конце концов школьник избрал путь своих ровесников.

Оценивая тот или иной материал, радиожурналисты часто оперируют словами «кратко», «лаконично». Это одно из главных требований, предъявляемых нами к готовящимся передачам. Вообще проблем, как и в каждом творческом деле, у нас немало. Довольно часто, например, в радиожурнале звучат литературные и музыкальные странички «Горизонта». Но вот в последнее время музыкальная тема, к сожалению, стала редкой. В чем же причина?

Но сначала поясню, что собой представляли музыкальные странички «Горизонта». Как правило, это рассказы о выдающихся музыкантах, композиторах прошлого, которые писали и церковную музыку. Сопровождались эти передачи двух-, трехминутной музыкальной иллюстрацией. Например, в одной из них радиослушатели познакомились с жизнью и творчеством итальянского композитора XVI века Палестрины, с его критическим отношением к религиозной идеологии, узнали о том, в каких трудных условиях приходилось ему создавать свою

музыку. Были и странички из биографий Вивальди, Баха...

И вот на редакционных летучках нас упрекали за то, что, мол, мы в атеистическом радиожурнале «пропагандируем церковную музыку». Но мы не можем согласиться с нашими оппонентами. Музыка Баха, Бетховена, Вивальди, Палестрины, Боккерини, сопровождавшая богослужения, по природе своей была музыкой глубоко человечной. Служители культа в свое время осуждали ее как слишком «земную», потому что она возвышала разум человека.

И последнее. На наш взгляд, следует расширить, сделать более содержательной рубрику «Опыт наших друзей», привлекая к участию в ней журналистов из других областей. Тем более, что примеры такого сотрудничества уже есть. Особенно удачным был очерк журналиста ровенского радио Б. Чергейко о бывшей верующей «Возвращаюсь к вам, люди». Аналогичный материал прислал В. Фалев из Николаева. Обещали сотрудничать с нами радиожурналисты Ростова-на-Дону. Но пока что, честно говоря, с такими обменными передачами дело обстоит не так хорошо, как хотелось бы. Думается, что в этом году оно будет более успешным.

г. Львов

В. ЕВГЕНЬЕВА

ШИРОКО И РАЗНООБРАЗНО

Ежемесячник «Знания — народу», издаваемый правлением общества «Знание» РСФСР, в ряду научно-методических изданий для лекторского актива занимает видное место. Он освещает работу 23 научно-методических советов по различным отраслям знаний. Большое внимание уделяется на его страницах и вопросам атеистической пропаганды...

Например, тема комплексного подхода в организации идеологической работы нашла отражение в статье председателя научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР доктора философских наук, профессора С. Никишова «Комплексный подход к идеологической работе и проблемы атеистического воспитания». Особое внимание автор уделяет вопросам качества и эффективности сегодняшней лекционной работы по атеизму, особенно подчеркивая, что «в разработке... актуальной теоретической проблемы атеисты должны находить свой аспект, прилагать... усилия к решению общих программных задач коммунистического воспитания».

Кроме того, ежемесячник публиковал выступления доктора философских наук заведующего кафедрой Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена Н. Гордиенко «Идеологическая борьба и религия в условиях разрядки международной напряженности», председателя НМС по пропаганде научного атеизма при правлении Ленинградской организации общества «Знание» В. Букина «Особенности борьбы современной науки с религиозным мировоззрением в эпоху НТР», А. Нуруллаева из Москвы — «Советское государство и религиозные объединения в условиях развитого социалистического общества». Редакция ежемесячника считает публикацию подобных материалов важным средством пропаганды теоретических вопросов атеизма. К статьям такого рода можно отнести и выступление кандидата философских наук председателя НМС по пропаганде научного атеизма при Воронежской областной организации общества «Знание» А. Мартыненко «Современное православие и нравственность».

Известно, что современные религии не прочь представить цели и задачи своих вероучений тождественными с целями и задачами коммунизма. Поэтому не случайно, например, В. Асланянц из г. Лермонтова Ставропольского края, автор корреспонденции «Хотя церкви и нет», рассказывая о создании в городе университета научного атеизма, справедливо ставит вопрос о том, что вести атеистическую пропаганду надо независимо от того, есть в городе церковь или нет.

Большой отклик у читателей нашла статья лектора отдела пропаганды и агитации Куйбышевского обкома КПСС А. Корниловой «Чего ждут от атеиста» под постоянной рубрикой «Школа лекторского мастерства». Это публицистическое выступление выдержано в ином ключе. Автор рассматривает целый комплекс вопросов, связанных с проблемами атеистической пропаганды. «Мы должны говорить о жизни», — вот главный вывод А. Корниловой и в нем теория соединилась с практикой самого лектора.

Как будет вестись пропаганда атеистических знаний и дальше, в немалой степени зависит от подготовки лекторов-атеистов. Воспитанию кадров пропагандистов журнал придает серьезное значение. Формы подачи материала здесь также разнообразны. Это и теоретические статьи под рубриками «В помощь лектору», «Школа лекторского мастерства», рассказ о лекторе — в разделе «Слово о лекторе», широкий обмен опытом работы — раздел так и называется «Инициатива и опыт».

Интересным получился, например, очерк о лекторе-атеисте «Наш добрый наставник». Авторы его из Новгорода — ответственный секретарь правления областной организации общества «Знание» В. Богданов и председатель НМС по пропаганде научного атеизма Н. Виснап. Они рассказали о том, как стал лектором-атеистом заслуженный педагог Владимир Иванович Преображенский, сын священника.

Референт районной организации общества «Знание» из Новосибирска И. Гурина в своей зарисовке рассказывает о Викторе Сергеевиче Андрееве — тоже в прошлом учителе, который вот уже 10 лет занимается пропагандой научного атеизма.

Работает на Коломенском станкостроительном заводе Александр Михайлович Лебедев. Возглавляет там кабинет политического просвещения. О нем рассказывается в очерке В. Гацко «От веры — к неверию, от неверия — к атеизму». У Лебедева богатая трудовая биография. Был он сталеваром, мастером, потом стал конструктором. Однажды в парткоме его попросили прочесть

лекцию о пасхе. Выступление нового лектора понравилось. Да и сам Лебедев увлекся атеистической тематикой. Немало журналов, книг, газетных подшивок он перечитал, вникая в суть проблем атеизма. Помогли занятия в секции научного атеизма при городской организации общества «Знание». О методике работы А. М. Лебедева и его товарищей ежемесячник рассказывал живо и интересно.

Е. Рюмин, член НМС по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР, также ведет речь о подготовке квалифицированных кадров лекторов, но на этот раз в системе народных университетов основ научного атеизма. Статья располагает к размышлению, ибо автор не только отдает дань теории, но уделяет место и анализу практики — советует, критикует, выдвигает свои соображения. Где, чему и как учить лекторов — вот каким вопросом задается автор статьи.

«Пропаганда атеизма — дело тонкое и деликатное. Не только слова, но и дела должны убеждать слушателей в мировоззренческом и моральном превосходстве марксизма над религией», — пишет в своей корреспонденции председатель НМС по научному атеизму при правлении омской областной организации общества «Знание» Э. Такелло. Автор ведет речь об оценке профессионального мастерства омских лекторов-атеистов, отмечает, что в силу кажущейся доступности темы лекции по атеизму читают нередко люди малоподготовленные. Вот почему столь важное значение имеет переаттестация пропагандистов.

Говорить о разделе «Инициатива, опыт» можно много. Даже простое упоминание о таких публикациях, как информация референта общества «Знание» РСФСР Т. Романовой об интересном опыте работы пропагандистов атеизма в городе Кропоткине Краснодарского края корреспонденция об особенностях работы факультета атеизма при Загорском народном университете или заметка члена НМС по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР А. Лещинского, ставящего еще одну интересную проблему — включение в пропаганду атеизма нашего культурного наследия, — показывает, насколько разнообразно содержание этого раздела.

Как видим, вопросы атеистической пропаганды освещаются на страницах ежемесячника достаточно широко и разнообразно, что говорит о понимании редакцией важности и необходимости этой проблемы.

РЯДОМ С ЛЮДЬМИ

У. АРЗУЕВ, лектор Каракалпакского обкома Компартии Узбекистана, кандидат философских наук

Атеистическое воспитание тем успешнее, чем органичнее оно сочетается с другими направлениями всего комплекса коммунистического воспитания и чем разнообразнее методы его воздействия. Здесь и индивидуальная работа с верующими, и забота о том, чтобы обстановка в коллективе способствовала трудовой и общественной активности людей, а правильная организация досуга — расширению знаний, формированию научного мировоззрения.

Активное участие в решении этих задач принимает агитатор-атеист. Участие такого агитатора в атеистическом воспитании — почетное и вместе с тем трудное дело. Цель его — заинтересовать верующих, пробудить у них критическое отношение к религии, показать несостоятельность ее воззрений, убедить слушателей в истинности материалистического миропонимания.

Наш опыт показывает: именно такая постановка индивидуальной работы агитаторов с верующими дает положительные результаты. Так, в городе Муйнаке Каракалпакской АССР опытные агитаторы-атеисты П. Уматов, Е. Мамбетниязов, Ж. Халмуратов, Д. Каллибеков, К. Жуманиязов и многие другие систематически беседуют с верующими о достижениях науки, о жизни нашей страны, о международных событиях. Такая же работа проводится при средней школе имени Джамбула Муйнакского района. Там есть агитпункт, который обслуживает территорию рыбозавода и порта «Уч-сай», колхоза «Память Ленина». Руководит агитпунктом опытный педагог и пропагандист, директор школы имени Джамбула Ж. Мурзалиев.

Учитель этой школы, председатель первичной организации общества «Знание» С. Избасканов — человек, снискавший большое уважение у населения. На закрепленном за ним участке он знает не только всех жителей, но и их жизнь, запросы, интересы. Поэтому он может начать разговор сразу с того, что интересует каждого. И любая его беседа—будь она о происхождении религии, о религиозных обрядах и праздниках, о свободе совести в СССР или на другие темы — всегда привлекает слушателей.

Важной формой атеистической работы стали такие беседы и в городе Турткуле. Седьмой год здесь каждую среду проходят встречи с участием членов совета старейшин города и председателей махаллинских комитетов. Разговор по самым актуальным проблемам: о событиях внутренней и международной жизни, вопросах культуры, новых обычаях и обрядах. Подобные беседы, особенно если они построены на местном материале, весьма убедительны, действенны.

Одна из главных задач атеистической работы — привлечение людей к активному участию в общественной жизни. Конкретно-социологические исследования, проведенные в Каракалпакии, подтверждают тезис о том, что человек тем социально активнее, чем прочнее его связи с трудовым коллективом, что означает: тем дальше он от религии. Отсюда ясно, что индивидуальная работа с верующими должна включать в себя прежде всего укрепление таких связей, стимулировать производственную и общественную активность людей. М. Утемуратов и Г. Хакимбаев из совхоза «Ленинград» Ленинабадского района, О. Авезмуратов из совхоза «Хорезм» Кунградского района раньше были верующими. Большая целеустремленная работа партийных организаций по повышению их социальной активности дала свои результаты: сегодня эти люди — не только передовики труда, пользующиеся большим авторитетом среди населения, но и активные агитаторы-атеисты.

Эффективность атеистической работы агитаторов в немалой мере зависит и от участия в ней руководителей хозяйств, партийных и советских работников. В этом отношении у нас тоже есть хорошие примеры. Так, директор совхоза имени М. Горького Герой Социалистического Труда А. Худайбергенов, председатель совета старейшин Амударьинского района, большое внимание уделяет вопросам повышения культуры и быта населения, критике религиозных иллюзий в сознании и поведении людей. Много времени этому важному делу отдает и председатель правления колхоза имени XXII партсъезда того же района, заслуженный экономист Каракалпакской АССР Т. Шержанов.

Совершенствуя работу агитаторов, партийные организации Каракалпакии заботятся о более широком развертывании атеистической пропаганды, лучшем координировании усилий идеологических организаций и учреждений и — что очень важно — о привлечении к атеистической работе энтузиастов этого дела.

г. Нукус
Каракалпакской АССР

ТОЛЬКО ЛИ КРУЖОК?

М. АЛЕКСАНДРОВА

Кружок научного атеизма в библиотечном техникуме Первомайского района столицы был создан 12 лет назад преподавателем основ научного атеизма Тамарой Георгиевной Деминой. Вначале кружковцы готовили рефераты, беседы и доклады, выступали с ними в группах. Все материалы, которыми располагал кружок, умещались в обычную папку. А сейчас у ребят уже свой кабинет.

— Работу кружка, — говорит Тамара Георгиевна, — поддерживают партком, комсомольская организация, а также многие преподаватели. Прежде всего — Е. М. Зильбер, Т. А. Фомичева, Н. М. Суркова, Б. В. Матвеева и другие. На всю работу в кружке не было потрачено ни одного, если можно так сказать, государственного часа, ни одного государственного рубля. Все делается на общественных началах, в свободное время...

Искренне интересующихся атеизмом в техникуме много, только актив кружка насчитывает почти 30 человек. Неизменно популярны тематические вечера. Вечера «Музыка и религия», например, повторялись уже трижды, причем на них приглашали ребят из музыкального училища имени Гнесиных.

Хорошие отношения сложились у кружка с редакцией журнала «Наука и религия». С ее сотрудниками учащиеся встречаются ежегодно вот уже 10 лет. Самая любимая форма работы с журналом — читательские конференции.

В разговоре со мной ребята вспоминали две последние конференции. Девушке-третьекурснице кажется более удачной прошлогодняя: «Разговор тогда шел по принципу вопрос — ответ. К нашему мнению прислушивались, с нами говорили как с компетентными людьми. Это очень важно».

Другой больше по душе пришлась другая конференция, когда журналисты рассказывали о своих командировках, о том, как работают над статьями. «Не было гладких фраз, готового решения проблем, нам предлагали подумать, самим делать выводы. Да и мы, — говорила девушка, — выступали не такой лавиной, как в прошлый раз».

— Вот и прекрасно, — резюмирует Елизавета Моисеевна Зильбер. В следующий раз постараемся совместить и то и другое...

Особенно гордятся кружковцы своими литературными встречами. А их было немало. Уже состоялись встречи с писателями Б. Яранцевым, Н. Евдокимовым, Ф. Горбачевой. Кстати говоря, разговор о ее книге «Дормидонт и война» вызвал у ребят особый интерес: на уроках они нередко задавали вопросы о религии, о позиции священнослужителей и верующих в то тяжелое для страны время.

Общение с журналом помогает и в жизненных ситуациях. Несколько лет назад к Тамаре Георгиевне подошла девушка-первокурсница и сказала: «У меня верующая мама. Я комсомолка, а в доме — икона с зажженной лампадкой...»

Тамара Георгиевна посоветовала почитать журнал «Наука и религия»: «Он многое тебе подскажет». Сначала девушка пересказывала маме отдельные статьи, потом они стали выписывать журнал. А перед самым выпуском вновь пришла к преподавателю: «Знаете, Тамара Георгиевна, прихожу домой, а мама сняла икону. Сама».

За время учебы студенты привыкают работать с журналом.

— У нас есть правило, — продолжает Тамара Георгиевна, — не просто читать журнал, но и размышлять над его публикациями. Это очень важно для будущих библиотекарей. Жаль только, что мы мало знаем о дальнейшей работе наших выпускников. Кое-что, правда, до нас доходит. Вот, к примеру, недавно один из наших выпускников рассказал, что в своем учреждении он ведет атеистическую работу. Я очень рада. Ведь это то, ради чего все началось...

Прощаясь, спрашиваю, почему такое начинание называется кружком. Быть может, уместнее назвать его клубом. Обе мои собеседницы, Тамара Георгиевна и Елизавета Моисеевна, решительно протестуют: нет, клуб — это слишком громко. Конечно, размах большой, планов много, но пусть лучше остается кружок. Так уютнее...

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

● На Магнитогорском металлургическом комбинате плодотворно работает совет по атеизму. Здесь читаются лекции на атеистические темы, организуются вечера вопросов и ответов, а также проводятся семинары, обобщается опыт лучших пропагандистов.

● Регулярно проходят занятия в школе атеистов при Доме культуры в городе Саки Крымской области. Слушатели школы, а это в основном организаторы атеистической работы, знакомятся с формами и методами атеистической пропаганды в современных условиях.

● В городе Ковылкино Мордовской АССР есть детская библиотека. Ее работники уделяют большое внимание атеистическому воспитанию школьников. Здесь регулярно оформляются книжные выставки, обсуждаются прочитанные книги. Специальная группа школьников проводит чтения по теме «Рядом с неведомым».

Религия, церковь, верующий

А. ЗЕЛИНСКИЙ

Дом, в котором поселилось счастье

РОДИЛСЯ Иван Иосифович Примушко в небольшом селе Хвылевка, неподалеку от Нежина. Здесь он рос, учился в школе, вступил в 20-х годах в комсомол, принимал активное участие в строительстве колхозной жизни. Здесь женился, а позднее был призван на службу в Красную Армию. Служить довелось в столице. Вызвал туда и жену, Анну Петровну.

— Устроилась я под Москвой, — вспоминает Анна Петровна, — чтобы быть поближе к Ивану. А когда он отслужил, оба остались работать в Подмосковье. Участвовали в строительстве знаменитой «Электростали», стахановцами были. И только болезнь мужа вынудила нас вернуться домой, на Украину.

Война застала Ивана Иосифовича в родном селе.

В армию его не взяли по болезни. Пришлось пережить тяжкие дни фашистской оккупации.

— Через наше село, — рассказывает он, — ездили и ходили на базар в Нежин жители разных сел. Часто останавливались на ночлег. Среди них были двое, мужчина и женщина из села Леонидовки тогда Лосиновского, а ныне Нежинского района.

Внешне они ничем не отличались от других селян, разве что обращались друг к другу «брат», «сестра» и часто Христа вспоминали. Постепенно мы сблизились. Они много говорили о вере, доказывали, что только баптистам открыта истина, только они спасутся, когда грянет суд божий. Описывали, как дружно и красиво живут члены их общины, уговаривали меня принять крещение...

Болезнь, долгие месяцы оккупации надломили душевные и физические силы Ивана Иосифовича. Ему стало казаться, что незачем уже жить, не к чему стремиться, нечего ждать — впереди одни лишь страдания. А по словам баптистов, выходило, что именно эти страдания и есть подлинный смысл земного существования и что еще за тысячи лет были они предсказаны.

Летом 1942 года Примушко принял водное крещение.

Вскоре в Нежине умерла сестра Анны Петровны. Муж ее погиб на фронте, и трое малолетних детей остались сиротами.

— У нас с Иваном своих детей не было, — вспоминает Анна Петровна, — и я сразу, не раздумывая, взяла на себя заботу о племянниках. Не скажу, что так же легко и просто пришел к решению об их усыновлении муж. Его можно понять: время было трудное, голодное. Но уж когда решился, то стал для детей настоящим отцом...

Несколько лет спустя приняла водное крещение и Анна Петровна.

— Жили мы с Иваном Иосифовичем всегда дружно, — говорит она. — Вместе посещали общину... вместе потом и ушли из нее.

Иван Иосифович согласно кивает головой и добавляет:

— В общине мы приобрели кажущееся успокоение. Было ощущение хоть какого-то подобия коллектива, какой-то общности. Я был подавлен гитлеровским «новым порядком», болезнью и связанными с нею страданиями. Однако не потерял способности думать, сравнивать, критически оценивать слова и дела людей. Я всегда осуждал тех единоверцев, которые бездумно, на веру принимали абсолютно все. Размышляя над своей судьбой, я часто ловил себя на мысли, что потерял нечто большее, чем приобрел. В общине появляется ощущение общности с ней как с коллективом, но зато исчезает чувство причастности к делу всего народа. И, когда миновала пора фашистской оккупации, потребность быть вместе не только с общиной, а именно со всем советским народом, с его болью и радостью, проблемами и заботами все больше и больше росла в моей душе.

Находясь в общине, прилежно посещая все молитвенные собрания и продолжая трудиться в рабочем коллективе, Примушко не мог не замечать противоречий между идеалами и делами некоторых верующих, особенно проповедников, противоречий между словом божьим и повседневной действительностью.

— Читая и перечитывая Библию, — вспоминает Иван Иосифович, — я все больше стал сомневаться в святости Моисея, Авраама, Соломона, Давида и многих других библейских персонажей, которым верующие поклоняются, ибо видел в их словах и деяниях лицемерие, безнравственность.

Верующие, поучали наши проповедники, должны именно в жизни библейских героев видеть образцы морального поведения. А я нашел на страницах Библии немало примеров далеко не святых деяний тех, кому нас призывали поклоняться. Вот хотя бы такое... По Библии, праведник Авраам, женатый на Сарре, одновременно имел сына от служанки своей Агари. Оберегая свою жизнь, он выдал свою жену за сестру.

Или взять царя Давида. Он имел несколько жен и наложниц. Но не остановился перед убийством своего подчиненного Урии Хеттеянина, чтобы забрать себе еще его жену, красавицу Вирсавию.

Меня все больше стали одолевать сомнения: разве можно эти и многие другие поступки библейских «героев» принимать за образец?

А еще больше убедила меня в неправоте религии сама жизнь. Советская Армия разгромила фашистов. Сколько было радости! Какое счастье вновь приступить к мирному труду! А в общине ничего не изменилось. Как и раньше, баптисты призывали только молиться да полагаться лишь на волю божью. Запрещали верующим посещать кино, театр, участвовать в общественной жизни, угрожая карой божьей. Детям не разрешали вступать в пионеры. Часами молились, славили смерть, которую баптисты считают чуть ли не самой большой земной радостью. У нас с Анной Петровной трое усыновленных детей. Баптисты укоряли нас, что мы не воспитываем их в слове божьем. А я думал: ну что дети поймут, если даже многие взрослые верующие не могут толком объяснить, что и чему в этом «слове». Пусть уж вырастут и сами во всем разберутся.

Вот так, исподволь, вызревало во мне решение порвать с общиной. А первым толчком к этому, как сейчас вспоминается, было трагическое событие осени 1943 года. Примерно за неделю до освобождения советскими войсками Нежина разнесся слух, что гитлеровцы расстреляли на его окраине, почти возле моего родного села, группу подпольщиков. Когда фашистов выгнали, вся страна узнала, что в Нежине активно действовала подпольная комсомольская организация, руководимая коммунистом Яковом Батюком. Это его вместе с сестрой Женей и другими членами организации расстреляли фашисты накануне своего бегства. И когда состоялось перезахоронение останков героев на городском кладбище, то провожали их и стар и млад. Вскоре стали известны и новые подробности об их делах.

Меня поразило, что Яков Петрович Батюк, оказывается, тоже был инвалидом, с детства слепым. И вот этот человек в такой обстановке, когда немало и здоровых, зрячих растерялись, не искал какого-то убежища, чтобы пересидеть «лиху годину», а нашел свое место в борьбе с фашистами. Тут было над чем задуматься...

По натуре Примушко человек чувствительный. И даже сейчас, когда иногда бывает у памятника Герою Советского Союза Я. П. Батюку, не скрывает слез. Это слезы человека, не только скорбящего у памятника героя, но и преклоняющегося перед силой его духа.

В начале 60-х годов супруги Примушко порвали с баптизмом.

— Наша жизнь сразу изменилась, — говорит глава семьи. — Я работал

электриком — сначала на городской электростанции, затем — на масложиркомбинате. Конечно, были в рабочем коллективе и любители выпить, и сквернословы. Ссылаясь на такие факты, религиозные проповедники утверждают, что мир погряз в грехе и разврате, что в нем-де не с кого брать пример, и призывают верующих быть «светочем» в этом мире. Но я-то знал, насколько лицемерны некоторые из проповедников, знал, какие склоки возникали порой внутри общины, особенно среди ее верхушки.

В рабочем же коллективе жизнь идет совсем не так, как это рисуют проповедники. Здесь все вместе решают общие задачи, вместе борются с трудностями и недостатками. А выпивохам и сквернословам сильно достается от самих рабочих на собраниях, в заводском комитете, в стенной газете. Я и сам не раз критиковал на собраниях поведение некоторых. И чувствовал, что ко мне относятся уважительно. Когда началось движение за коммунистический труд, бригада, которую я возглавлял, первой на комбинате поддержала этот почин...

Но Примушко думал не только о себе. Он хорошо знал, что в нежинской общине ЕХБ есть немало сомневающихся в вере. Как помочь им взять свою судьбу в собственные руки? Раздумывая над этим, Иван Иосифович пришел к заключению, что тут может быть полезен пример его собственной жизни, опыт его решительного разрыва с религией.

И хотя непривычно и непросто было ему изложить на бумаге все, что пережито и передумано, он пришел однажды в редакцию и положил на стол свою исповедь. Так в нежинской газете появилось письмо Ивана Примушко — бывшего члена общины ЕХБ.

Письмо вызвало большой резонанс. Руководители общины изо всех сил пытались опорочить этого человека. Но репутация Ивана Иосифовича и его жены в глазах рядовых верующих была безупречной. Их разрыв с баптизмом и его публичное осуждение оказали влияние на многих верующих. Для некоторых из них пример бывшего единоверца послужил толчком к решительному шагу. Вскоре общину покинули Петренко и ее дочь Полина Вьюнник. Молодая женщина попала в сложную жизненную ситуацию из-за болезни и разрыва с мужем. Атеистическая общественность приняла большое участие в судьбе Полины. Ей помогли найти посильную работу. Ее сын окончил техникум, тоже работает. Оба живут полнокровной жизнью.

Директор масложиркомбината старый большевик Марьян Эдуардович Островский, секретарь парторганизации Павел Петрович Любаков и другие коммунисты часто беседовали с Иваном Иосифовичем, вовлекли в политкружок, помогли ему освоить политическую грамоту.

Вскоре Иван Иосифович подал заявление в партию.

— С большим волнением шел я на партийное собрание, — рассказывал он. — Ведь почти 20 лет провел в общине баптистов, как-то отнесутся к этому товарищи? Но коммунисты, у которых я долгое время был на виду, решили: достоин. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Однажды Ивана Иосифовича спросили:

— Вот вы говорили, что, когда поверили в бога, что-то приобрели, а что-то и потеряли. А когда отказались от своих иллюзий, что тогда вы приобрели, а что потеряли?

Вопрос не застал его врасплох: об этом в свое время было немало передумано.

— Что приобрел? Прежде всего радость возвращения к настоящей жизни — с высокой целью, общим трудом, радостями и огорчениями рабочего коллектива. Кроме того, огромное моральное удовлетворение от сознания, что мой горький жизненный опыт помог кое-кому из тех, кто, подобно мне, заблуждался. Ну, а что потерял? — Он на секунду задумался и убежденно сказал: — Ничего не потерял! И очень прискорбно, что и сейчас иногда баптистская община пополняется новыми членами. Я хочу им сказать: тропинка, на которую вы встали, приведет вас не в «новый Иерусалим», а в мучительный тупик. Религия высушит вас духовно, сделает беспомощными перед жизненными трудностями, вы не будете знать настоящей радости. Подумайте об этом и не теряйте годы своей жизни так, как потерял их когда-то я.

...Я часто посещаю Примушко. И каждый свой приезд в Нежин прихожу на тихую, всю в зелени садов улицу Гастелло. Здесь в добротном, просторном доме с аккуратным, ухоженным двориком живет вместе с женой Анной Петровной, дочерью Клавдией, зятем и внуками ветеран труда коммунист Иван Иосифович Примушко. Старикам в доме отведена отдельная — просторная, светлая комната. А когда приезжают со своими семьями старшая дочь Галина, учительница, и сын Владимир — он врач-стоматолог, дом напоминает гудящий улей.

В этом доме поселилась радость, поселилось счастье.

Московские экскурсии

ХРАМ ФЛОРА И ЛАВРА

Стоит такой храм по соседству с Павелецким вокзалом и в обширном списке московских православных церквей обозначен именами Флора и Лавра — святых, в честь которых он и был воздвигнут. Давайте сопоставим их жития и необычное, колоритное празднество, с этими святыми связанное, ежегодно, в середине августа шумевшее у стен «их» церкви.

Флор и Лавр — заурядные и, по всей вероятности, мифические персонажи раннехристианского пантеона. Родные братья, каменщики по профессии. Как и положено, просвещали язычников «словом божьим» и обращали их в «веру истинную». Как и положено, подкрепляли свою проповедь, с одной стороны, благотворительностью (раздавали беднякам и нищим бóльшую часть заработка), а с другой — сотворением «чудес». Однажды поручили им воздвигнуть языческий храм, а они построили христианскую церковь, за что им пришлось поплатиться жизнью.

А теперь — перенесемся в дореволюционную Москву и посмотрим, что творилось на площади перед «Флором и Лавром» каждый год, в один из августовских дней. Эта картина запечатлена в книге воспоминаний Н. Д. Телешова «Записки писателя»:

«Большая площадь перед церковью заполнялась сотнями лошадей. Тут и гладкие купеческие рысаки, и тяжеловозы-першероны, и изнеможденные непосильной кладью ломовые, и извозчичьи клячи с вытертой шерстью и облезлыми хвостами, и красивые верховые кони из манежей и цирка.

Большинство парадно украшены тряпичными цветами в гривах, яркими лентами, вплетенными в хвосты. Их держат под уздцы нарядные конюхи и кучера в ожидании молебна, который совершался торжественно на площади по окончании праздничной обедни. После молебна священник кропил водой толпу и коней, высоко поднимая руку с волосяным венчиком, с которого брызгали капли воды на головы собравшихся. В ответ на хоровые гимны с площади неслись громкое ржание, стук нетерпеливых копыт о камни мостовой и многочисленные добродушные возгласы:

— Тпрруу!.. Тпрруу!..

...После чего конская «демократия» угонялась на обычную работу, а на площади происходил парад «аристократии» — гладких рысаков в упряжке, и гарцевание верховых коней.

В заключение участники праздника разбредались... по трактирам — скромно говоря — «чай пить».

«Лошадиный праздник» в Москве, на Зацепе, ничем, в сущности, не отличался от таких же праздников в иных городах и городках, в бесчисленных селах тогдашней России; разве что там конской «аристократии» было поменьше, а конской «демократии» — побольше. Что же общего между упомянутыми христианскими «мучениками» и «лошадиным праздником»? Типичный пример того, как христианство ассимилировало элементы древнейших языческих верований: к христианским праведникам перешли функции языческих богов-покровителей. Почему при этом благочестивые каменщики стали «лошадиными патронами» — на такой вопрос никто ответить не сможет. Более того. Не сомневаюсь в том, что участники «лошадиных праздников», за редчайшим исключением, вообще понятия не имели о том, кто такие Флор и Лавр и за какие, собственно говоря, «подвиги» сопричислили их к лику святых.

А. ШАМАРО

НЕХИТРЫЕ ТАЙНЫ СВЯТЫХ МОГИЛ

А. ФАТУЛЛА ОГЛЫ

⊙ Поклонение святым местам — одно из распространенных проявлений религиозности современных мусульман. Конечно, сегодня в нашей стране паломничество происходит совсем не в тех масштабах, как, скажем, три-четыре десятилетия назад, но все же и не в столь ничтожных, чтобы можно было не обращать на это внимания. В большинстве случаев святые места связаны с суевериями, идущими от пережитков первобытной магии, от веры в исцеляющую силу всевозможных «святых» могил, камней, деревьев и т. п. В Азербайджане, например, таких мест несколько десятков. Не все они одинаково популярны: многие привлекают совсем незначительное число паломников, но иные продолжают оставаться центрами активной религиозной пропаганды и источниками распространения суеверий. Явление это не однозначное, в нем, вероятно, должны разбираться и историки, и религиоведы, и этнографы, и медики. Однако некоторые выводы из размышлений о паломничестве напрашиваются сами собой.

Как ни странно это может показаться на первый взгляд, популярность святых мест среди верующих свидетельствует о снижении степени общей религиозности, позволяет говорить об известной ее поверхностности. Многие паломники — это люди, которые, хотя и верят в существование Аллаха, не знают вероучения, не ходят систематически в мечеть, возможно, даже не совершают намаза. Для них посещение святых мест — практически единственный способ выразить свою религиозность, обозначить принадлежность к мусульманской вере. Они совершают паломничество, как правило, либо в дни религиозных праздников, либо в случае, когда личная, семейная жизнь складывается неудачно, возникают неурядицы на службе или пошатнулось здоровье. Тогда они идут на поклон к святым вымаливать через них милость Аллаха. Редкий паломник умеет молиться так, как положено по исламу, немногие могут прочесть даже специальную молитву — зияратнаме. Тем не менее святые места продолжают пробуждать и поддерживать религиозные чувства, нередко активизируют религиозность у людей, которые до посещения такого места были пассивны в отношении к исламу.

Самая характерная черта паломничества к святым местам — преобладание женщин. В наших краях женщины традиционно с давних пор удовлетворяли свои религиозные потребности в основном так. Традиция эта жива и сегодня. С верующими женщинами приходят их дети и, конечно же, с малолетства свыкаются со сверхъестественными представлениями. Таким образом, паломничество к святым местам продолжает оставаться одним из основных источников воспроизводства религиозности в последующих поколениях. Легенды, которыми окружены «святые» могилы, камни, деревья, горы, при всей их примитивности весьма занимают детские умы.

Святые места — также удобное поле деятельности для всевозможных шарлатанов. Самозванные хранители «святых» могил ловко и сознательно обманывают паломников, пользуются их невежеством и наивной верой. Мне приходилось наблюдать, как такие спекулянты на религии, зная, что паломники не знакомы с вероучением, заставляют их совершать смехотворные ритуалы, не имеющие не только никакого смысла, но и никакого отношения к исламу.

Немало святых мест в Азербайджане возникло сравнительно недавно — на заброшенных кладбищах, где много старых надгробных камней и мавзолеев. Их-то предприимчивые дельцы и выдают за обиталища духов святых и, грубо нарушая советское законодательство о культах, строят возле них без разрешения местных советских органов помещения для совершения молитв, организуют коллективные моления.

Так возникло, например, вблизи селения Нюгяди Казмалары Кубинского района святое место Солтан халач пири. Лет 20 назад здесь появилась некая Тават Вейсал кызы Сеидова, которая объявила, что в одной из могил заброшенного кладбища похоронен святой Солтан, дух которого вылечивает от всех болезней, в том числе и от бесплодия. Ее сообщники организовали рекламу, и скоро могила Солтана стала популярной. Доходы Сеидовой росли. Возле могилы было построено помещение для паломников, а недалеко соорудили и домик для смотрительницы. Здесь продавали «святую» воду и «святую» землю, изуверскими способами «лечили» болезни, принуждая жаждущих исцеления выполнять унизительные ритуалы. Появились и фанатики, активно пропагандирующие выдумку о сверхъестественном покровительстве, которое можно получить от святого Солтана. Иные благочестивые мусульмане стали хоронить возле Солтан халач пири умерших родственников. Так старое кладбище стало очагом распространения диких суеверий, разжигания религиозных чувств, здесь процветала антисанитария.

Продолжалось это беззаконие довольно долго — из-за удивительного равнодушия и беспечности местных должностных лиц и полного бездействия организаторов атеистической работы. Получалось, что Тават Сеидова в обход властей самовольно открыла давно бездействующее кладбище и тут наживались, нагло обманывая людей, явные тунеядцы. Административные органы Кубинского района, хотя и с опозданием, все-таки взялись за дело. Нарушавшие законодательство понесли наказание, атеисты стали вести разъяснительную работу с паломниками о нелепой выдумке.

Сейчас паломничество сюда практически прекратилось, однако история возникновения этого святого места заставляет нас задуматься над многими вопросами нашей атеистической пропаганды и работы по соблюдению законодательства о религиозных культах.

Можно назвать не одну причину того, что подобные «святые» могилы и прочие объекты поклонения могут какое-то время процветать и привлекать верующих людей. Есть в связи с этим и разные пути противодействия этому явлению. Наш опыт показывает, что самые необходимые и эффективные из них — это постоянный контроль за соблюдением законодательства о культах и рассказ об истинной истории каждого святого места. Сочетание этих мер всегда ведет к резкому снижению, а потом и к полному прекращению паломничества.

Узнать правду о святых местах нетрудно. Стоит лишь немного заглянуть в историю, иногда далекую, а часто и совсем недавнюю, выяснить и сопоставить некоторые факты — и в прах рассыпаются легенды, привлекающие паломников. Пропагандисты должны хорошо знать такие факты и строить свою работу не на общих рассуждениях (мол, верить в святых и в чудодейственную силу их могил, камней, деревьев и т. п. бессмысленно), а на конкретном материале. К сожалению, это очевидное положение не всегда принимается во внимание. Слишком мало публикаций, посвященных исследованию и раскрытию истинной истории святых мест, немного и лекторов-атеистов, выступающих с разоблачением этих «святынь».

Вот, к примеру, одна из поучительных историй. На кладбище селения Машхан в Азербайджане есть «святая» могила Сеид Ахмед пири, привлекающая немало паломников. Не быть бы ей никогда «святой», если бы не внушительный надгробный камень с высеченными на нем арабскими надписями. Известно, что арабские буквы, да еще написанные искусными мастерами, для мусульманина имеют магический смысл — ведь этими же буквами написан Коран! В конце прошлого века нашлись предприимчивые люди, которые объявили, что похороненный здесь Ахмед — святой, ему покровительствовал пророк Мухаммед как одному из своих потомков, об этом якобы говорит надпись на камне, где к тому же есть и изречения из Корана. Рядом с могилой построили здание для молитв и отдыха паломников, и все шло обычным в этих случаях путем: сюда приходили люди, надеявшиеся на «помощь Ахмеда» в своих делах, оставляя в благодарность деньги, вещи.

Место это сохраняло славу до наших дней. Потоки паломников то иссякали, то усиливались, в зависимости от активности смотрителей. Каковы задачи пропагандистов атеизма, которые призваны вести здесь работу? Прежде всего им надо было узнать содержание надписи на камне. А она сообщала лишь о том, что здесь покоится богатый феодал Султан Ахмед, который умер молодым в 1598 году. Все остальное — и покровительство Мухаммеда, и обозначенная якобы на камне принадлежность к его роду, и изречения из Корана, специально по этому поводу высеченные на камне,— выдумано для привлечения паломников, которым это и надо разъяснять.

За каждым святым местом кроется какая-нибудь мистификация, легенда, сочиненная со знанием местных особенностей и психологии не слишком образованных верующих людей, а нередко и ловкий обман.

На окраине Баку, в поселке Бузовны, есть мавзолей, а в нем — камень с углублением, напоминающим след мужской ноги. Легенда говорит, что этот след оставлен здесь четвертым арабским халифом — имамом Али, двоюродным братом пророка Мухаммеда. Место так и называется — «Али-аяги» — след Али. Этого имама особенно почитают верующие шиитского направления ислама, которые преобладают в Азербайджане. К этому мавзолею ходят с просьбами к Али, оставляют здесь подношения имаму — вещи, деньги и другие подарки. Когда паломникам кто-нибудь разъясняет, что имам Али, живший более чем 1300 лет назад, никогда не отлучался за пределы Аравии и в Азербайджане не был, они отвечают, что такому святому, как Али, ничего не стоило в течение ночи побывать где угодно, оставить след и вернуться в Аравию. Это обычная логика верующего — его не всегда убеждают факты.

Но есть свидетельство подлинного происхождения углубления на камне, сделанного на много веков позже того времени, когда жил на земле имам Али. Об этом рассказали очевидцы старому актеру Гусейнкули Сарабскому, и он сообщает об этом в своей книге «Старый Баку» (Баку, 1958, на азерб. яз.).

В прошлом веке приехал в эти края один шиит из Ирана и поселился отшельником у моря. Однажды, отдыхая на берегу после купания, он со скуки выцарапал в нетвердом куске скалы след человеческой ноги. И вскоре стал рассказывать всем, что видел во сне имама Али, проходившего мимо этого места, а проснувшись, обнаружил на камне его след. Люди поверили ему, построили над этим «следом» Али мавзолей и стали ему поклоняться. Сменяя друг друга, пристраивались к этому месту ловкие муджавиры — смотрители, собирали приличную дань с наивных людей, приходивших сюда со своими бедами и с надеждой на помощь...

Эти сведения о святом месте Али-аяги несомненно пригодились бы атеистам. Однако, как выяснилось на проведенной недавно в Азербайджане научно-практической конференции, посвященной атеистической работе, большинство пропагандистов ни этими сведениями, ни другими материалами по святым местам (например, о могиле Сеид Ахмед пири) не располагают. А без них невозможна эффективная воспитательная работа.

Подавляющее большинство так называемых святых мест в Азербайджане посещается редко или вовсе не посещается. Но внимания требуют и эти места, ибо они тоже могут стать очагами распространения различных суеверий среди населения. Известны, например, случаи, когда при попустительстве представителей местных советских органов и равнодушии атеистов даже памятники культуры народа ловкие тунеядцы превращают в места паломничества. Так произошло с архитектурным памятником XIV века — мавзолеем в городе Барда, с памятником архитектуры — храмом Асафкеф на

территории Бабекского района, с Канзасарским храмом, построенным в XIII веке, в селении Ванклу Мардакертского района, с восьмигранным и прямоугольным мавзолеями (XVI в.) в селении Агбиль Кубинского района. Эти факты говорят о том, что нельзя ослаблять внимания к тем местам, которые считаются святыми в среде верующих, даже если паломничества к ним в данный момент нет.

До 1973 года в местечке Бабаратма Шекинского района активно действовало святое место Бабаратма пири. Поводом для привлечения сюда паломников послужило множество обломков надгробных камней с арабскими буквами. Предприимчивые мусульмане, вдохновляемые фанатиком Аллахяром Джабаровым, устроили из них узкий лаз и объявили, что женщины, желающие стать матерями, должны через него протиснуться. После этого паломникам давали выпить «лекарство»: «святую» землю, разведенную в стакане воды из арыка. Самозванные муллы за немалые деньги читали молитвы, занимались принудительным сбором средств в пользу святого места, вели активную религиозную пропаганду.

Представителям Шекинского райисполкома и членам его комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах пришлось немало потрудиться, чтобы разоблачить шарлатанов. Это пример, когда ловкие люди, спекулирующие на религиозных чувствах, пользуются упущениями в атеистической пропаганде и особенно ослаблением работы советских органов по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Они не только восстанавливают старые, но и строят новые так называемые святые места, создают и распространяют нелепые легенды.

Паломничество к незаконно действующим святым местам не может прекратиться само собой. Здесь требуется целый комплекс работы среди населения. Необходимы не только атеистическая пропаганда, но и просто просветительская деятельность, медицинская пропаганда, а в ряде случаев и улучшение медицинского обслуживания. Особое внимание надо обращать при этом на работу среди женщин, которые, как уже говорилось, составляют большинство посетителей святых мест и приводят с собой детей, внушая им религиозные представления, приучая молиться.

Сейчас, благодаря эффективным мерам, принятым республиканскими и местными советскими органами Азербайджана, многие самозванные смотрители и муллы прекратили свою деятельность, усилены контроль за соблюдением законодательства о культах и охрана памятников культуры. Однако случаи эти могут повториться.

Усиление атеистической работы среди населения и контроля за соблюдением законодательства о культах в сочетании с другими средствами коммунистического воспитания способствуют тому, что в Азербайджане перестали функционировать многие очаги суеверия, антисанитарии, невежества, именуемые святыми местами.

г. Баку

СФИНКС БОЛЕН

● «Время боится сфинкса», — гласит арабская поговорка. Однако египетские ученые в результате тщательного изучения состояния древнейшего скульптурного памятника поставили под сомнение эту мудрость. Четыре с половиной тысячи лет не прошли бесследно для гигантской статуи льва с головой человека. До сих пор главным врагом сфинкса считался песок пустыни. Пески не раз засыпали каменного колосса по шею. Фараон Тутмос IV в XV веке до нашей эры организовал первые работы по спасению сфинкса, освободив его из песчаного плена и построив вокруг него стену. При Птолемеях в III веке до нашей эры сфинкс снова очутился под песком, и его опять откопали. Последние «раскопки» сфинкса были произведены в 1925—1926 годах. С тех пор очистка территории вокруг этого изваяния проводится довольно регулярно.

Однако более опасным врагом для гигантского каменного льва оказались ветер и влага, которые за тысячелетия окончательно подорвали «здоровье» 57-метрового исполина. Ученые, исследуя районы, прилегающие к сфинксу, нашли под ним пустоты и большие скопления грунтовых вод. Скульптура постепенно впитывает влагу, в результате чего на ее поверхности образуются соляные кристаллы, разъедающие камень.

Кроме того, ученые обнаружили, что шея сфинкса подвергается постоянной эрозии и выветриванию. Специалисты пришли к выводу, что если не остановить этот процесс, то довольно скоро голова сфинкса рухнет под собственной тяжестью.

Предложено несколько методов «лечения» 45-векового «пациента». Некоторые специалисты считают необходимым обнести изваяние специальными стенами, которые создадут преграду разрушительным ветрам. Однако в этом случае нарушится цельность ансамбля пирамид и сфинкса. Другие же говорят, что спасти гиганта можно лишь с помощью серии инъекций специальных химических растворов, которые должны будут укрепить его каменное тело. Еще один метод «лечения» сводится к «пластической операции» скульптуры. Дело в том, что еще в средние века мамлюки упражнялись в стрельбе из пушек по статуе, и сфинкс был изуродован и лишился бороды. Специалисты намереваются восстановить лицо сфинкса и его бороду, с помощью которой можно будет укрепить голову.

Ученые и историки Египта обращаются ко всем специалистам-реставраторам из других стран с призывом помочь предотвратить гибель ценного памятника древности, который вместе с пирамидами стал символом древнего Египта и его богатейшей культуры.

ПРОТИВ ВАНДАЛИЗМА ОККУПАНТОВ

● Мусульманские и христианские деятели Иордании выступили с резким осуждением участившихся актов вандализма в отношении святынь и храмов в оккупированном Израилем Восточном Иерусалиме. Комитет по спасению мусульманских святынь Иерусалима, объединяющий религиозных деятелей нескольких стран, опубликовал заявление, в котором призывает верующих мира выступить в защиту историко-религиозных памятников ислама и христианства.

Епископ римско-католической церкви Аммана Нииме ас-Самман обвинил израильские власти в том, что они фактически поощряют нападения сионистских молодчиков на мусульманские и христианские святыни на оккупированных арабских землях.

Тревогу за судьбу исторических памятников и мусульманских святынь в Иерусалиме выразил также в распространенном здесь меморандуме мэр восточного Иерусалима Рухи аль-Хатыб, которого израильские власти насильственно депортировали с Западного берега Иордана, обвинив в «симпатиях и содействии Организации освобождения Палестины».

В меморандуме сообщается о разрушении в Восточном Иерусалиме старинных арабских зданий под предлогом проведения раскопок, в то время как эти раскопки запрещены специальными решениями ЮНЕСКО. Однако Израиль игнорирует эти решения и продолжает разрушать памятники, принадлежащие мировой культуре.

С. МЕДВЕДКО

«Божественные» насекомые: правда и вымысел

БАТТЕРФЛЯЙ И ДРУГИЕ...

Изображение бабочки в египетской пирамиде.

Л. ПЕКАРЬ

● Бабочки во все времена и во всех странах привлекали людей своей красотой и изяществом. Еще пять тысяч лет назад их изображали на стенах внутренних помещений египетских пирамид. Египтяне считали, что погребенному понадобится и после смерти все, что он любил в жизни. Поэтому сегодня среди древних рисунков на саркофагах энтомолог безошибочно узнает бабочку, до сих пор распространенную в Египте: Данаис хризиппус.

Золотые пластинки с изображениями бабочек обнаружил Генрих Шлиман при раскопках Микен, легендарного города в Малой Азии. У древних греков принято было отождествлять бабочку с душой, очевидно, от них (если не от более древних народов) берет начало легенда о том, что первому человеку боги дали душу-бабочку. Греки и римляне обозначали бабочку и душу одинаково: psyche, anima.

Ряд произведений античного искусства представляет бабочку не просто как душу, но как душу любящую. У древних римлян был обычай в качестве любовных подарков дарить камни с изображением бабочки, именем дарящего и нередко с надписью amo — люблю. Из античного искусства мотив мучения души человеческой в образе бабочки — ей факелом поджигают крылья — перешел в христианскую иконографию. Так, аббат Аубер дает описание одного эстампа XVI века из библиотеки Ришелье с изображением адского шабаша, где грешные души в виде бабочек служат для забавы чертям.

В Англии ночные бабочки, прилетающие на свет, называются soul — душа: когда-то тут считали, что души умерших летают по ночам, отыскивая свет. Белые ночные мотыльки известны в Германии под названием geist — дух, душа. Подобное поверье в разных вариантах существовало во многих странах — России, Франции, Польше, Болгарии, Италии. В Ирландии белая бабочка олицетворяла душу безгрешного или прощенного покойника, которая находится на пути в рай; пятна на крыльях означали, что душа присуждена к чистилищу и должна оставаться еще некоторое время на земле. Количество пятен определяло число тяжких грехов.

А вот какую легенду рассказывают о бабочках на Чукотке. Великан Сана вылепил из снега первого чукчу и первую чукчанку, научил их добывать огонь, шить одежду. Злой дух Чапак убил и сожрал Сана. Когда он разгрыз череп, все добрые мысли Сана разлетелись бабочками. Поэтому, поймав бабочку, ее растирали на лбу, приговаривая: «Дай, Сана, света» (то есть ума).

Стилизованное изображение бабочки на древнем сосуде (Северная Америка).

Афина вкладывает душу-бабочку в тело первого человека.

Рисунки Ю. Пахомова.

Особым почитанием были окружены бабочки у народов Америки до завоевания ее испанцами. Стены и потолки ацтекских храмов покрывали тысячи бабочек, искусно выдавленных из золотой фольги. До сих пор в странах Латинской Америки любят украшать подносы, веера и другие вещи крыльями переливчатых зелено-голубых морфид. Считается, что они приносят счастье. Как это часто бывает, завоеватели усвоили поверья завоеванных...

В Сербии и сейчас суеверные люди считают некоторые виды бабочек «вещими», «перевоплощением колдуна, пьющего кровь», и им во избежание беды следует поджечь крылья. В Якутии верили, что бабочки уносят души людей, в Германии существовал прямо противоположный вариант: бабочки, мол, приносят души людям. Там даже говорят: «Когда я еще летал с бабочками» — вместо того, чтобы сказать: «Когда я еще не родился». В Японии этих насекомых почитают и специально разводят некоторые их виды.

Поверья, связанные с бабочками, самые неожиданные. Душа, колдунья — это как-то можно обосновать: существо легкое, красивое, непонятное, даже таинственное... Но вот почему в Англии бабочка называется butterfly? В английском языке fly — муха, а butter — масло. Масляная муха? Может быть, чешуйки, пыльца, если их раздавить пальцами, грубо схватив бабочку за

крыло, создают ощущение чего-то маслянистого? Однако не только английский язык, но и немецкий дают тут повод для недоумения. Среди немецких народных названий бабочек есть «лижущий масло», «сосущий сливки», «околдовывающий молоко» и даже «вор молока». Не обошлось без «масляной мухи» и «масляной птички». Откуда возникли такие названия?

Издавна бытует у некоторых народов представление, что бабочки выводятся на человеческом теле или внутри его. Возникло оно от незнания их стадий превращения и развития — их метаморфоза. В самом деле, теленок рождается от коровы, цыпленок вылупляется из яйца, но никто не видел, чтобы порхающие мотыльки появлялись прямо из яичек или рождали детенышей. Полный метаморфоз у насекомых, проходящих стадию бабочек, длится от нескольких месяцев до двух лет. Проследить за ним сложно даже в специально поставленном эксперименте — гусеницы уползают окукливаться в потаенные уголки или вообще под землю, а из кокона сплошь и рядом вылетает не бабочка, а сожравший ее хищник — наездник. Поди разберись, кто хозяин кокона, а кто его паразит!

Взрослые бабочки часто начинают летать ранней весной, едва сойдет снег, когда других насекомых еще не видно. Если люди заселили лес гномами, дриадами, ведьмами, лешими, а реки, озера — русалками, водяными, то почему же невесть откуда возникшему существу с крыльями не быть чьей-то душой?

«Молочный вор» и «масляная муха» — такие названия бабочек появились у тех народов, главной хозяйственной деятельностью которых было скотоводство. Ведь и до сих пор суеверный человек верит, что корову можно сглазить, навести на нее порчу. А кому это под силу? Конечно, колдунье, знахарке, ведьме!

В энтомологической литературе описан случай, когда в Америке, в штате Онтарио, появление редкостной голубой бабочки связали с уменьшением удоев на одной из ферм. В конце концов бабочку поймали и убили, дела на ферме наладились, что в свою очередь укрепило авторитет старинного суеверия, хотя никакой внутренней связи между этими событиями не было. Причина снижения удоев молока оказалась довольно простой, но установить ее удалось далеко не сразу. Дело в том, что бабочки назойливо летят на самые разнообразные запахи: эфирных масел, эпоксидных смол, цветов, а также коровьего навоза и сливочного масла. Некоторые их виды даже питаются коровьим навозом, размачивая его, если он засох, специально выделяемой для этого жидкостью. Если такая бабочка вьется вокруг коровы, значит, на вымени или шкуре животного навоз, значит, неряшлива хозяйка, которая не заметит и болезни животного...

Задают бабочки и множество чисто научных загадок. Начинаются они прямо с внешнего вида, например с крыльев. По современным аэродинамическим формулам, шмель не должен летать: крохотные тоненькие крылышки, по подсчетам, не могут поднять в воздух его массивное тело. Однако шмель летает, причем его крылышки даже лучше других, недаром же у многих насекомых крылья именно такого типа: тонкие, легкие, прозрачные, овальной формы.

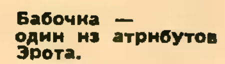
Казалось бы, природой «отобран» тут лучший вариант. И вдруг, на одной из ступеней эволюции, между двумя типами мух, мухами скорпионовыми и просто мухами, у которых именно такие легкие, прозрачные, овальные крылья, — бабочки, огромный отряд (150 тысяч видов) совсем непохожих существ. То есть они похожи, конечно, — по стадиям развития, по способу питания и строению туловища, но крылья и полет совсем разные. У всех насекомых полет вибрирующий. Крылышки частосчасто подрагивают в воздухе, и от этого подрагивания идет жужжание, гудение. У бабочек же полет машущий.

Чаще у насекомых площадь крыла меньше площади туловища. У бабочек же и ручейников — наоборот. А форма! Словно художник с богатой фантазией вырезал эти зубчики, хвосты, бахрому. А рисунок! Он передается в точности из поколения в поколение. Если у капустницы найдете черное пятнышко чуть-чуть не там, где у других, знайте: это не капустница, а репница, совсем другой вид бабочки.

Но главное — чешуйки, та самая пыльца, которая так легко облетает в полете и при малейшем прикосновении повреждается. Посмотришь под микроскопом и удивишься: как сложно они устроены. Множество ребрышек, растущих из одного черенка, они напоминают перья. Но каждое ребро имеет тоже сложную структуру. У насекомых вообще много волосков (они называются хеты), щетинок и чешуек. Назначение их известно пока не всегда. Но чешуйки на крыльях бабочек, да еще так много — на каждом крыле их семь-восемь разных типов, общим числом до миллиона, — особенность этого отряда. Недаром его так и назвали чешуекрылые.

Китайская богиня Луны с бабочкой на груди.

На протяжении века многие ученые ставили такой опыт. Самок бабочек сажали в коробку, а самцов метили, отвозили на несколько километров и выпускали. И большинство самцов возвращалось с больших расстояний — с четырех, восьми, даже с 11 километров. Каков механизм этой «биологической радиосвязи» — пока неизвестно. Считается, что самцов привлекает запах, но молекулы аттрактанта — пахучего вещества самок — в самых лучших случаях можно обнаружить не дальше чем в трех километрах. Опыты продолжаются.

Бабочка — один из атрибутов Эрота.

Неизвестного о бабочках еще много. Почему, например, они летят на свет? Какая надобность заставляет многие их виды совершать дальние перелеты, причем всегда одним и тем же путем и за очень короткое время? Так, от берегов Скандинавии до Каспийского моря стая находится в пути всего 11 дней! Механизм «навигации» их, увы, тоже неизвестен.

Да, неясного в природе бабочек еще немало. Но наука постепенно снимает с них покровы таинственности, мистики, сверхъестественности. Сегодня — они для нас уже не «души», не порождение «потусторонних сил», а одно из проявлений длительной эволюции живой природы.

г. Киев

ОРИЕНТИР В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ

А. УРСУЛ,
доктор
философских наук,

Ю. ШКОЛЕНКО,
кандидат
философских наук

ИНОГДА считается, что мировоззрение не столь динамично, как жизнь и наука, а, напротив, в своей относительной неподвижности служит ориентиром, подобно маяку, в «житейском море», а теперь — и в «море» бурно растущей науки.

Безусловно, мировоззрение всегда служит ориентиром и для научных изысканий, и для жизненных правил. Но оно само подвергается воздействию внешнего мира и нашей деятельности в нем.

Каково современное мировоззрение и какова его роль? Эти вопросы все больше интересуют и философов и специалистов в различных областях науки и практики. Развивающееся мировоззрение не перестает быть ориентиром и маяком, тем более необходимым, ибо жизнь, наука, техника, производство неимоверно усложнились со времен, когда возникло само мировоззрение (как известно, одна из древнейших форм миропонимания — религия — зародилась в сознании первобытного человека).

Основная тема конгресса была сформулирована так: «Философия и мировоззренческие проблемы современной науки». Однако на пленарном заседании, уже в первый день работы конгресса, западногерманский философ Г. Люббе выступил с утверждением, что современная наука якобы все меньше и меньше связывает себя с мировоззрением, лишает себя, по его выражению, «мировоззреническо-исповедального характера». В качестве примера он привел публикацию фотоснимка обратной стороны Луны, переданного на Землю советской автоматической станцией «Луна-3» в 1959 году. «Простой человек, — заявил Люббе, — узнает из этой информации только то, что Луна сзади выглядит примерно так же, как спереди». Иными словами, согласно Люббе, любое современное научное открытие, любые открываемые нами закономерности окружающего нас мира уже не в состоянии поколебать сложившегося мировоззрения.

Однако история развития мировоззрения опровергает тезис Люббе. Против него даже приведенный им пример. За сто с лишним лет до получения снимка обратной стороны Луны основатель философии позитивизма Огюст Конт утверждал, что мы никогда не узнаем, каков рельеф невидимой стороны нашего естественного спутника: непреодолимые пределы человеческого познания находятся рядом с нами! Таково было мировоззрение Конта. Так что снимок, сделанный «Луной-3», — это также и факт, опровергающий мировоззрение позитивизма. Да и вся работа конгресса явилась прямым опровержением тезиса Люббе о независимости науки и мировоззрения.

О работе XVI Всемирного философского конгресса, проходившего в Дюссельдорфе (ФРГ) в 1978 году, напечатано уже немало публикаций, в которых дан содержательный анализ деятельности его секций и семинаров. В этой статье мы рассмотрим только одну проблему из тех, которые обсуждались на конгрессе, — роль и место мировоззрения в системе наших взглядов на мир, на науку и воздействие на него человеческой практики.

Широкий и именно мировоззренческий диспут развернулся по теме «Идея Вселенной». Среди астрономов и космологов прочно утвердилась гипотеза о возникновении Метагалактики, которая ныне пространственно расширяется, из первичного «галактического яйца» в результате «большого взрыва» этого сверхплотного образования, в котором, по-видимому, действовали еще не известные нам физические законы. Такая гипотеза, как и вообще взгляд на Вселенную как на систему не стационарную, а развивающуюся, побуждает некоторых зарубежных философов выдвигать в новых, наукообразных вариантах старые креационистские идеи — идеи сотворения материального мира неким нематериальным началом или существом.

Показателен в этом отношении доклад представительницы Мексики философа А. Перес Родондо де Нуньес, озаглавленный «Активность и воспроизведение во Вселенной». Она утверждала, что если материализм и может объяснить конкретные случаи эволюции во Вселенной и воспроизведения, развития тех или иных объектов, то развитие Вселенной в целом якобы требует некоего «перводвигателя», находящегося вне Вселенной и вообще вне материального мира. Перефразируя название темы, она предлагает формулу: сама Вселенная есть идея. Эта идея принадлежит «высшему существу», управляющему в конечном счете всеми видами эволюции по изначальному, ему одному известному плану. От этого довольно абстрактного понятия «высшего существа» де Нуньес затем легко переходит к традиционному антропоморфному богу. Заключительный тезис ее доклада гласит: «Бог воспроизводит в человеческих существах структуру собственной сущности».

Советские и зарубежные философы-марксисты показали в ходе дискуссии несостоятельность подобной креационистской логики, ведущей прямую линию от факта развития, движения Вселенной к «доказательству» существования высшего внематериального начала. Начальный момент расширения Вселенной не может рассматриваться как момент «сотворения» материального мира потому, что ни космология, ни наука вообще не абсолютизируют самого этого «начального момента». Он весьма условен и означает всего-навсего предел, до которого мы можем мысленно восходить в прошлое, объясняя природу мироздания известными нам законами физики, нашими представлениями о свойствах времени и пространства. Это не значит, что «по ту сторону» этого условного предела не действовали никакие закономерности материального мира, не было ни пространства, ни времени. Мы пока не знаем тогдашних состояний и форм движущейся материи, но и тогда она развивалась на основе самодвижения, ибо движение есть неотъемлемое свойство материи. Таким образом, наука, предполагая «начало» нынешней Вселенной, никоим образом не отождествляет его с началом материального мира и поэтому идеалистически и теологически мыслящие философы искажают позиции науки, опираясь на не существующий в науке тезис о «начале» мира.

В совместном докладе советских ученых — астрофизика и астронома В. А. Амбарцумяна и философа В. В. Казютинского — был изложен и обоснован интересный космологический принцип, который, возможно, даст полезные подходы к раскрытию тайны состояния материальной Вселенной периода «галактического яйца». Согласно этому принципу, материальный мир представляет собой не одну Вселенную (Метагалактику), а бесконечное множество вселенных — локальных областей материального мира. В таком случае нашу Вселенную можно рассматривать как группу, скопление галактик. У этого скопления, разумеется, было начало, но ему предшествовали и сосуществуют с ним другие материальные системы. Тем самым тезис о «сотворении всего сущего» еще более теряет под собой почву.

Другой темой, обсуждавшейся на конгрессе и также вызывающей противоборство мировоззрений, была проблема «Сознание, мозг и внешний мир». Здесь основой диспута послужило выступление известного швейцарского нейрофизиолога Дж. Экклза. В своем докладе о механизмах функционирования нервных клеток Экклз опирался на философскую концепцию неопозитивиста К. Поппера о существовании трех «миров» — физического, психического и мира идеальных сущностей (вроде мира идей Платона). Стыки между этими «мирами», по Экклзу, не поддаются человеческому познанию; переход от неживого к жизни, а затем к сознанию и самосознанию в результате деятельности 15 миллиардов нервных клеток — это «религиозная тайна». Экклз проводил мысль о «дуалистическом взаимодействии» мозга и духа, которые якобы «равноправны» и независимы друг от друга.

Против концепции Экклза выступил канадский философ М. Бунге. Надо сказать, что в современной буржуазной философии происходит знаменательное явление — возрождение материализма (получающего названия «научного», «естественнонаучного», «реалистического», «эмерджентного» и др.) и его борьбы против идеалистических школ. В частности, Бунге считает себя представителем «эмерджентного» (от англ. emergent — возникновение, внезапное появление) материализма, так как этот материализм признает возникновение качественных новообразований в результате саморазвития материального мира без вмешательства «внематериальных» сил. Однако сам Бунге недооценивает роль диалектики в философии и четко не отделяет сознание от физиологических процессов мозга, ставя на место диалектики методы математики и математической логики. Тем не менее канадский ученый убедительно показал, что все сложные материальные системы отличаются качествами и свойствами, которые отсутствуют у элементов этих систем, если эти элементы брать отдельно. Сам мозг человека состоит из двух полушарий, каждое со своими функциями (например, речевая функция в левом и функция пространственного восприятия в правом), но лишь вместе они составляют то, что мы, собственно, и называем человеческим мозгом. Что же касается сознания, то оно является функциональным состоянием человеческого мозга как целостной системы.

Но содержание сознания формируется в процессе трудовой деятельности, что признал и сам Экклз, так как не существует «безмозглой практики» людей, а все, что они делают, люди так или иначе сначала конструируют в своем мозгу; но тогда следует признать, что не существует и «беспрактического» человеческого мозга как некоего выразителя деятельности нематериального духа. Этот вывод, как ответ Экклзу, прозвучал в выступлениях советских ученых Б. Ф. Ломова и И. С. Нарского.

Поскольку на секциях, непосредственно связанных с конкретными естественнонаучными дисциплинами, идеалистическо-теологические точки зрения не имели успеха, их сторонники сосредоточили свои усилия на секции «Научная и другие типы рациональности». Здесь, как им казалось, легче размежеваться с наукой и ее материалистическими выводами и одновременно поставить в один ряд с наукой такие «типы рациональности», как религия и мифотворчество. В этих целях они пытались прежде всего принизить роль и значение науки для человека. Й. Штальмах (ФРГ) назвал свой доклад — «Наука не мыслит»; наука выглядит у него как набор правил для исчисления формального анализа того, что существует, но не для проникновения в существо бытия. Ф. Хаммер (Австрия) усматривал в доверии к чувствам то общее, что, по его мнению, объединяет религию с наукой и философией. Т. Ольшевский (США) утверждал общность между мифом и научной теорией: тот и другая, считает он, находятся в одинаковом отношении контраста к фактам. Э. Риверсо (Италия) проводил тезис о том, что человеку необходим синтез мифа и науки — для ответов на вопросы, на которые сама наука ответить не может.

Характерная особенность всех этих выступлений — вольное или невольное соразмерение «других типов рациональности» именно с наукой. Лишний раз подтверждается, что, несмотря на все попытки принизить науку, искусственно сузить поле ее деятельности и ее возможности, наука в наше время приобрела непререкаемый авторитет и стала даже неким эталоном, с которым сопоставляется религиозное и мифологизированное мировоззрение.

Могут ли, однако, претендовать религия и миф на рациональность в наше время? Конечно, не могут, хотя и наука далеко не исчерпывает всего мира рациональности. Жизнь человека связана не только с наукой, но и с производительным трудом, моралью, искусством, семьей, гражданской деятельностью.

Каждая из этих областей имеет, разумеется, свою специфическую рациональность, а все они, вместе взятые, делают полной человеческую жизнь. Но для обеспечения такой полноты человеку вряд ли нужны иллюзорные и фантастические формы восприятия действительности. Они возникли как таковые, то есть как иллюзорные и фантастические, когда у человека еще не было знаний и средств, чтобы составить себе представление о мире, более или менее адекватное действительному миру, и чтобы активно действовать в нем в соответствии с таким адекватным представлением. Правда, в древности некоторые мифы — скажем, об огне, который Прометей дал людям, о полете Икара к Солнцу — выражали собой величайшие для своего времени достижения (овладение огнем) и не менее великие мечты о грядущем могуществе людей (полеты в Космос).

«Всякая мифология, — замечал К. Маркс, — преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы»[1]. Теперь эту функцию древних мифов, то есть функцию предвосхищения ступеней могущества человека, с успехом выполняют научный прогноз, а также фантастика, опять-таки опирающаяся на науку. И не случайно, что бытующие ныне мифы (например, об инопланетянах и их летающих тарелках) либо далеки от науки, либо превратно толкуют её данные и, во всяком случае, совершенно утратили «человекоцентризм», веру в силу человека, свойственную мифам античности. Вот почему в наше время миф и религиозное мировоззрение, построенное на мифе, можно причислить лишь к иррациональным моментам нашей жизни.

Это не означает, конечно, что все аспекты отношения верующих к проблемам современности лишены рациональности. Что это не так — показывает, в частности, диалог между марксистами и христианами, состоявшийся в рамках конгресса в Дюссельдорфе.

Диалог был организован «Американским обществом по изучению диалектического материализма» (председатель — Дж. Соммервил) и «Международным обществом святого Павла» (председатель — Э. Келнер, ФРГ). Во встрече приняли участие академик П. Н. Федосеев и другие советские делегаты и философы-марксисты из США и ФРГ. Диалог выявил и точки соприкосновения, и принципиальные расхождения между марксистами и идеологами христианства.

Э. Келнер выступил с докладом «Этос христианского гуманизма». Доклад содержал интересные и некоторые позитивные для успешного диалога моменты, хотя и не был свободен от внутренних противоречий и свидетельств непонимания сущности марксизма, к представителям которого, собственно, и был обращен доклад.

На основе признания ценности (этоса) христианского гуманизма — ценности любви, братства, освобождения от угнетения — Келнер предложил создать «новую метафизику», в которой соединялись бы наука, этика, религия, политика, теология, философия. Такая всеобъемлющая «новая метафизика» сразу же начала распадаться уже в самом докладе Келнера. С одной стороны, он призывал христиан к борьбе против эксплуатации и угнетения, а с другой — подчеркивал, что христианин не должен считать врагом ни одного человека и, главное, не должен связывать себя с конкретными политическими убеждениями и социальными взглядами.

Участие церкви в агрессивных войнах прошлого (вспомним хотя бы «крестовые походы») Келнер считает «предысторией» христианства, подлинная история которого, по его мнению, только начинается. Этим тезисом Келнер хотел подчеркнуть, что христианство должно иметь будущность, что марксистам следует отказаться от идеи постепенного отмирания религиозных верований и от ориентации на торжество атеизма. (В скобках заметим, что общее ослабление религиозного сознания через все его эволюции и трансформации есть объективный исторический процесс, а не «идея» марксистов; исследуя этот процесс и его тенденции, марксисты, конечно, ориентируются на торжество атеизма.)

Безусловно, позитивным моментом в докладе Келнера было то, что он твердо осудил «раздувание ненависти к социализму и коммунизму» и разделение мира на «мир бога» и «мир дьявола», к которому («миру дьявола») причисляют социалистов и коммунистов. Сославшись на участие христиан в национально-освободительной борьбе в Латинской Америке и Африке, в борьбе трудящихся против господства и произвола монополий в промышленно развитых капиталистических странах, Келнер констатировал и приветствовал тот факт, что марксизм становится для многих христиан «теоретическим и практическим инструментом анализа социальных структур, а также стратегией социальных перемен».

Это действительно так: в частности, к идеям социализма приобщаются немало верующих в странах Западной Европы, которые организованы в движение «Христиане за социализм». Однако сам Келнер показал весьма поверхностные и искаженные знания о марксизме. Он заявил, что Маркс не считал «реальностью» духовную жизнь и рассматривал ее как «энергию», производную от борьбы различных «сил», или как простую «надстройку» над экономическим

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 47.

базисом. На деле же Маркс считал духовную жизнь, мировоззрение, идеи одной из движущих сил прогресса. Достаточно вспомнить его знаменитый 11-й тезис о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[2]. Кстати сказать, против этого тезиса неоднократно выступали буржуазные философы на конгрессе, признавая истинной лишь первую часть Марксовой формулы. «Дело философов в том, чтобы понять и сформулировать те изменения, которые происходят», — заявлял, например, Г. Люббе, который, как уже говорилось, отрицал связь мировоззрения с наукой.

Философы, выражающие идеологию и интересы современной буржуазии, не желающей изменения «своего мира», прекрасно понимают, какую роль отводил Маркс идеям, мировоззрению, духовной жизни. Что же касается «надстройки», то она совершенно не похожа на надстройку в строительно-архитектурном смысле, как, видимо, полагает Келнер; марксистское понимание идеологической надстройки означает признание ее активности по отношению к базису: надстройка способна изменять базис и действительно изменяет его. Когда один из участников диалога, советский философ профессор Ю. А. Замошкин, обратил внимание на примитивизм интерпретации марксизма, содержащейся в докладе, профессор Келнер высказал готовность более подробно ознакомиться с теоретическими концепциями Маркса.

В. Циммерли (Швейцария) в докладе «По ту сторону марксизма и христианства» говорил об угрозе, нависшей над человечеством в результате потери контроля над развитием производительных сил, науки и техники, что приводит к деградации природной среды и созданию все новых и новых средств массового уничтожения. По мнению Циммерли, человечеству нужна «футуристическая этика», ориентированная на будущее, которая была бы свободна от всякой идеологии. Подобная точка зрения высказывалась и в одной из секций конгресса, которая называлась «Овладение научно-техническим прогрессом». Советские и другие философы-марксисты, выступившие на этой секции, убедительно показали, что научно-технический прогресс может развертываться без античеловеческих последствий и издержек лишь в том случае, если одновременно совершается социальный прогресс, формирование общества, свободного от внутренних конфликтов и непримиримых противоречий, а такое общество невозможно создать, не имея соответствующих идейных установок, идеологии.

Да и на самой встрече христиан и марксистов точка зрения Циммерли встретила принципиальные возражения, например, со стороны профессора И. Манчини (Италия). Он призвал христиан преодолеть разрыв между верой и идеологией, четко определить и сформулировать свои идеологические программы. Правда, Манчини не уточнил, о какой именно идеологии, приемлемой для христианства, может идти речь, хотя его доклад назывался «Идеология как посредствующее звено между христианством и марксизмом».

Некоторую ясность в этот вопрос попытался внести У. Бермбах (ФРГ). Он считает, что основой для единства действий марксистов и христиан может служить одинаковое отношение к ценности человека и одинаковые идеалы гуманизма. Но он тут же пытался внушить, что подлинный гуманизм якобы свойствен лишь христианству, а марксизм, стремясь к благу человека, уповает лишь на развитие науки и техники, которое часто вредит человеку. Опять мы наблюдаем здесь извращение марксизма и попытку установить с ним такое «единство», в котором марксизм занимал бы подчиненное положение «ученика», которому еще предстоит обучиться гуманизму и познать истинную ценность человека.

Фактически же учение о человеке составляет весьма существенную часть теоретического наследия Маркса и Энгельса, разрабатываемую ныне марксистами. Они подвергали и подвергают критическому анализу распространенный среди буржуазных философов принцип «технологического детерминизма», согласно которому все проблемы общества и человека можно разрешить с помощью техники и «технизированной» науки, пренебрегая законами общественного развития. Из «технологического детерминизма» и в теории и в практике следуют антигуманные и волюнтаристские установки на превращение человека в придаток технических систем, на «машинизацию» самой личности. С другой стороны, высокий гуманизм марксизма заключается в его действенности и реальности, в том, что философия марксизма впервые в истории философии поставила задачу — не только объяснять, но и изменять мир человека так, чтобы человек не был отчужден от него и, следовательно, от себя самого, ибо сущность человека, по определению Маркса, «не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[3].

Несколько выступлений были посвящены вопросу об отношении христианства к современному революционному процессу в мире. Г. Хойес-Васкес (Колумбия) говорил о реальности и дальнейших возможностях совместной борьбы марксистов и христиан против наиболее реакционных и проимпериалистических режимов в странах Латинской Америки. Известный католический теолог Дж. Джирарди, взгляды которого существенно отличаются от официальных ватиканских доктрин, в докладе «Христианство и марксизм как революционный потенциал» призывал христианскую церковь «освоить проблему классовой борьбы и тем самым преодолеть ту пропасть, которая веками отделяла ее от массы рабочих». По его мнению, «единство между христианством и марксизмом... могло бы оказать влияние на будущее всего человечества, увеличивая тем самым его революционный потенциал».

В докладе Дж. Джирарди содержалось немало констатаций, отражающих реальную действительность. В странах капитала и в странах, зависимых от капитала, верующие трудящиеся ведут борьбу совместно с трудящимися, далекими от религии, за улучшение условий жизни, за национальную независимость. И дело здесь, конечно, не в самой религии, не в ее революционном характере, как полагает Джирарди. Дело в том, что верующие труженики отстаивают свои интересы именно как труженики, как народ. Поэтому неправомерен и, мы бы сказали, излишен тезис Джирарди о том, что верующие должны не только освоить марксизм, но и сами «внести творческий вклад во внутреннюю диалектику.... марксизма». Мы далеки от мысли, что они не могут вносить такого вклада, это противоречило бы действительным событиям в мире, но они вносят его, повторим это, не как верующие, а как борющиеся трудящиеся, выразителем интересов и идейным вдохновителем которых остается марксизм-ленинизм — подлинно научное и подлинно революционное учение нашего времени.

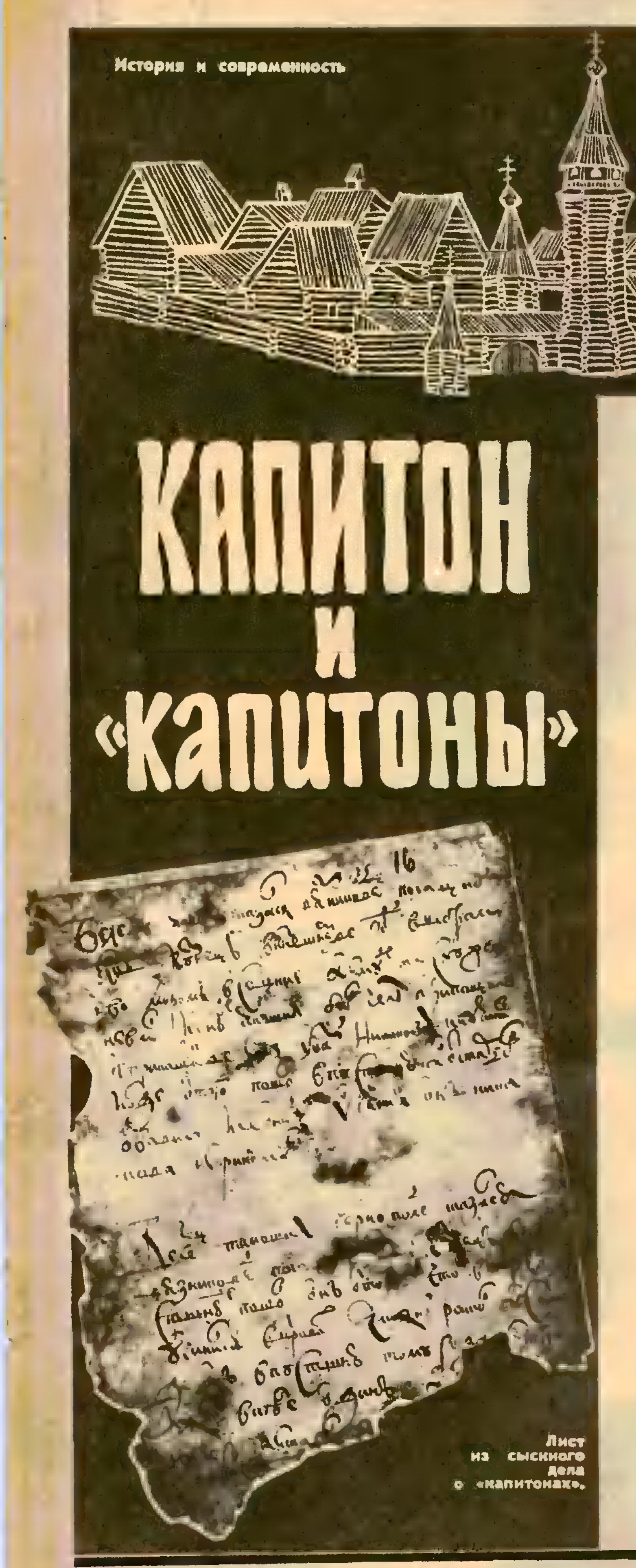
Выступивший на встрече академик П. Н. Федосеев подчеркнул универсальный, международный характер марксизма-ленинизма, подтвержденный и подтверждаемый всемирной революционной практикой. Он призвал христиан и других верующих к откровенному диалогу и сотрудничеству с марксистами в борьбе за мир, разрядку международной напряженности, социальный прогресс. Между тем одним из примеров неоткровенности со стороны западных идеологов христианства были заведомо неверные и тенденциозные утверждения о преследовании верующих в СССР и «запрете на профессии» по отношению к ним. Пишущие эти строки лично убедились в том, насколько остро идет борьба против «запрета на профессии» по отношению к коммунистам и представителям других прогрессивных сил в ФРГ. На следующий день после выступления на открытии конгресса президента ФРГ В. Шееля, когда тот восхвалял демократию и свободы в ФРГ, перед зданием конгресса состоялась впечатляющая демонстрация немецких трудящихся, которые распространяли среди участников конгресса копии подлинных документов, излагавших истории с безуспешными поисками работы, постоянными отказами, относящимися к конкретным лицам, которых в ФРГ — десятки тысяч.

В целом диалог марксистов и христиан на философском конгрессе в Дюссельдорфе оказался плодотворной и интересной встречей, собравшей большую аудиторию. Она позволила марксистам — участникам конгресса — разъяснить свое отношение к взаимодействию с христианами и другими верующими, свое понимание актуальных проблем современного мира, разъяснить гуманную сущность, ориентированность на человека всей системы диалектико-материалистической философии.

Эта система взглядов на мир — философия научного понимания действительности и активного отношения к ней, философия социального оптимизма, философия «антропоцентризма» в лучшем смысле этого старого и теперь переосмысленного понятия, когда человек становится не «центром мироздания», а центром наших забот и нашей практики, иными словами, философия марксизма-ленинизма — находит все больше внимательных и часто благожелательных слушателей.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.
[3] Там же, стр. 3.

КАПИТОН И «КАПИТОНЫ»

Лист из сыскного дела о «капитонах».

В. РУМЯНЦЕВА,
кандидат исторических наук

ДО КОНЦА XVII века в сыскных документах Приказа тайных дел раскольники именуются не только мятежниками, развратниками, лжепустынниками, но и «капитонами». Откуда это название?

Задолго до реформы патриарха Никона крестьянский проповедник Капитон распространял свое учение среди жителей северо-восточных и центральных уездов России. «Капитонская вера» получила довольно широкое распространение в народе. Сам выходец из крестьян, Капитон обращал свою проповедь к этому самому нищему и угнетенному сословию, в числе наиболее рьяных его последователей были беглые крепостные. Какие же черты этой религиозной проповеди (а Капитон стоял у истоков раскольнического движения) привлекли к ней внимание трудового люда?

Полностью реконструировать это учение довольно сложно, однако наиболее характерные его черты нашли свое отражение в исторических документах.

По свидетельству тобольского митрополита Игнатия, Капитон требовал от своих учеников строжайшего аскетизма, не разрешая даже в христианские праздники «сыра и масла и рыбы вкушати... разве точию от семен и ягодичия и прочих растущих от земли». В ужесточении постничества идеологи официальной церкви и даже умеренные старообрядцы усматривали злостное отступление от православия. Но именно эта проповедь и привлекала внимание простых людей, вселяла доверие к учителю — «и мнози юнейшии последоваша ему».

Возмущение угнетенных масс несправедливым общественным устройством порой принимало форму отрицания всякого «земного» порядка как «плотского». Отсюда тот аскетизм, который, по словам Ф. Энгельса, в «неистово-фанатической форме»[1] обнаруживается почти во всех народных движениях, имеющих религиозную окраску. Отталкивание от церковной феодальной традиции, переосмысление христианского учения выражались у людей труда главным образом через поведение в быту и в обществе. Их воззрения и поведение были слитны.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 378.

Библейские и евангельские персонажи и идеи истолковывались крестьянскими проповедниками, в том числе Капитоном, в соответствии с теми этическими нормами, которые были выработаны трудовой практикой. Эти плебейские воззрения переплетались в сознании со стихийными материалистическими представлениями, хотя «обобщенное» восприятие мира оставалось по-прежнему религиозным.

Проповедуя аскетизм, Капитон обличал пьянство и чревоугодие духовенства, призывал не принимать благословения от священника, «мало себе в пищи попустивша» (то есть чревоугодника) или «упившася до веселия». «И тако мало по малу,— пишет митрополит Игнатий,—творяше его диавол отступити от церкве». Постепенно Капитон приходит к полному отрицанию священства и таинств. Это была наиболее радикальная черта его учения, и против нее решительно ополчился идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. «Не прелагай пределы яже положиша отцы и держи преданное неизменно. Креститися подобает, яко прияхом, веровати ж яко крестихомся. А то воззвони во уши твои, сопостат, священство упраздняешь да и таинство люторски и кальвински».

В самом деле, не испытывал ли Капитон влияния реформационных идей, которые проникали в Россию через юго-западные русские земли и Польшу? Решительно отрицать такое предположение нет оснований. В Ярославском и Вологодском уездах в то время, когда там действовал Капитон, «испомещались» правительством «новокрещенные иноземцы» — такие, например, как Федот Давларов, помещик Вологодского уезда, владелец деревни Мишутиной, где жили капитонствующие крестьяне. Выговский писатель Симеон Денисов в числе последователей Капитона называет крещеного лютеранина Вавилу, который прошел курс наук в Парижской академии. В какой-то степени на «капитонскую веру» влияла и новгородская ересь «жидовствующих».

С позиций плебейско-крестьянских этических представлений Капитон критиковал официальное иконописание. Он отвергал иконы, на которых богоматерь изображена в виде царицы, «в ризах позлащенных одеянна и приукрашенна». Крестьянского проповедника возмущало, что евангельские персонажи украшались царскими регалиями. Игнатий по этому поводу напишет: «Начат яко невежда... похуляти иконописца, глаголя... на... богородице багряницы царския не бысть никогда же и того ради не поклоняшеся окаянный Капитон образу тому святому». Не признавал Капитон изображений богоматери без младенца на руках. Он отрицал все новописанные иконы, а поклонялся только тем, которые были «ветхаго письма и стараго и зачаделаго, аки бы издревле писаны». Последователей его представители официальной церкви называли иконоборцами.

Капитон отвергал также символику «обагренных яиц», означающую воскресение Христа. На пасху, учил он, «вместо яиц в премену христианския любве имети».

Исторические свидетельства позволяют представить жизненный путь Капитона. Происходил он из родовой вотчины Романовых — дворцового села Даниловского (теперь город Данилов) Костромского уезда. «Сей убо чернец постригся... близ дома своего, яко бяше убог сый и не имяше чим в мире питатися»[2]. В пустыни на Ветлуге, где «спасались» 30 человек братии, он прославился аскетической строгостью жизни и «преизобильным» пророческим даром. По сообщению Симеона Денисова, Капитон стал известен царю Михаилу Федоровичу как «муж чуднаго жития».

Постнические «подвиги» на Ветлуге описаны в «Житии» Корнилия, одного из основателей Выговского староверческого общежительства: «Место же идеже жительствуем пусто весьма и неутешно и нужныя потребы к препитанию не обычным образом получаем, землю сами мотыками копающе насеваем и нивы пожав, на рамех своих приносим и своими руками мелюще едва с нуждею пищу преобретаем. И одежды худы зело имеем и обущи от коры древяныя и другия всякия потребы скудныя и необычныя». Еще более аскетический образ жизни ведет наставник: «Сам же отец Капитон удручаше себе зельнейшим постом, чрез день, иногда чрез два хлеб сух и сурово зелие точию мало вкушаше, к сему и вериги тяжки на теле ношаше». О суровом аскетизме Капитона свидетельствуют и другие источники. Так, староверческий писатель Евфросин, хотя и с насмешкой, но подтверждает «высость жития» его, то есть строгий и воздержанный образ жизни.

В ранний ветлужский период Капитон еще не расходился с учением церкви. Аскетическая практика в его пустыни, по-видимому, соответствовала тому христианскому аскетизму, который лицемерно проповедовала церковь — крупнейший феодальный собственник в стране.

В официальных документах 30-х годов XVII века Капитон упоминается как лицо вполне благонадежное. В 1630 году он становится устроителем Спасской Княгининской пустыни в Вологодском уезде. Порядки в ней были заведены по образцу других монастырей. В 1634 году он получает грамоту царя Михаила Федоровича с разрешением основать Троицкий монастырь на Колесниковской дворцовой пустоши около села Даниловского. «Во 142 году июня в 3 день по нашему указу и по грамоте за приписью диака нашего Герасима Мартемьянова чарочник Поздей Рудаков в Костромском уезде в нашем дворцовом селе Даниловском отказал пашенных две пустоши под новое строенье под монастырь старцу Капитону — пустошь Колесниково да пустошь починок Маремьянин со всеми угодьи».

Следует иметь в виду, что в середине XVII века экономическое развитие монастырей как феодальных вотчинников и их тесная связь с миром (ростовщичество, торговля) привели к упадку монастырской дисциплины. Жалобы на распущенную жизнь монахов постоянно поступают царю. От имени патриарха Иосифа во все обители были разосланы грамоты с целью поднять монастырскую дисциплину — благочиние. Поведение Капитона являлось поначалу как бы реакцией на монастырские порядки. Образцом для него служили средневековые русские пустынножители, в частности Сергий Радонежский — его житие было найдено в 1665 году стрель-

[2] «Православный собеседник». Казань, 1855, стр. 97.

цами у вязниковских лжепустынников, среди которых Капитон провел последние годы жизни. Однако в Колесникове взгляды Капитона и его практическая деятельность коренным образом меняются. Жизнь в этой обители резко отличалась от других. Здесь Капитон поддерживает тесные контакты с окрестным населением, он видит бедственное положение крестьян. Чтобы как-то помочь им, он безвозмездно предоставляет в их пользование монастырские земли, которые чернецы не могли обработать «своими руками». У Капитона появляется много последователей из местных крестьян.

«Капитонская вера» привлекала их тем, что она соответствовала их этическим воззрениям; проповедник обличает церковные порядки, власть имущих. Это также находит отклик в душах крестьян. Капитон основывает две пустыни — женскую и мужскую — у деревни Морозова. «А троицкие земли Колесникова за ту десятину отдал тот старец Капитон тем морозовским крестьянам Ивану Трофимову с соседьми при той земле вчетверо. И те твои государевы крестьяня... тою землею... владеют без твово государева указу»,—доносят царю.

Капитон отступил от учения официальной церкви, отвергнув посредничество иерархии в духовных делах. В начале 40-х годов XVII века, когда новая братия Троицкого монастыря занялась перестройкой и обновлением храмов, оказалось, что из трех престолов, поставленных еще при Капитоне, два так и не были освящены.

Все эти действия Капитона привели к тому, что в 1639 году на него последовал извет патриарху Иоасафу от бывшего архимандрита рязанского Преображенского монастыря Герасима, жительствовавшего в соседнем с Колесниковым Преображенском монастыре. Капитону ставилось в вину распространение среди мирских людей неправославного учения и нетрадиционность монастырской практики. Ярославский воевода П. Секирин и настоятель Преображенского монастыря получили царские грамоты от 22 августа с приказом схватить Капитона и доставить его в ярославский Спасский монастырь, где «отдать под крепкий начал старцу духовному и искусну, который бы грамоте был горазд и хмельнова питья не пил, чтоб ево в вере и во иноческих правилах поразсмотрел и в чувство привел бы и к церкви божией к пению ему велели ходить и с братиею вместе всегда, и божественным иконам поклоняться... по заповеди святых апостол и святых отец, и жить по монастырскому чину и церковному правилу был бы навычен гораздо и никого сторонних людей к нему не пускали, и беседовать с ним мирским людям ни о чем не велели».

Из текста грамоты видно, какие отступления от общепринятых церковных правил допускал крестьянский проповедник. Примечательно, что в грамоте нет обычных в таких случаях указаний — «чернил и бумаги ему не давать»,— стало быть, Капитон «учил» среди людей, не сведущих в грамоте, и мог воздействовать на них только беседой и личным примером.

Капитону удалось скрыться. Вслед за ним Троицкий монастырь покинули преданные ему чернецы, не желавшие по указу властей отказываться от «Капитонова ученья и уставства». Опасаясь, что после его ухода из монастыря у крестьян отберут земли и они снова попадут в зависимость, Капитон увез с собой выписи на владение землей, сделанные в приказе Большого дворца с «отводных и межевых книг». Это был необычный поступок, нарушавший феодальный правопорядок, и, пожалуй, единственный в монастырской практике того времени.

Капитон скрывается в костромских, вологодских, ярославских и кинешемских пределах и продолжает распространять среди крестьян свое учение. На него поступает новый донос. Грамота царя Алексея Михайловича от 31 октября 1651 года указывает костромскому воеводе Ю. М. Аксакову взять на реке Шаче «в келлиях старца Капитона, старцев и мирских людей, робят, которые в тех келлиях живут, а быть им до нашего указу в Ипатьевском и Богоявленском монастырях под началом». И на этот раз властям не удалось поймать Капитона. Примерно в конце 50-х годов он переселяется в вязниковские пределы. Власти точно не знали, где скрывается крестьянский проповедник. Посылая стрелецкие команды для поимки раскольников в различные уезды страны, царское правительство наказывает расспрашивать пойманных «про учителя их Капитона... знают ли и где он ныне живет и у Капитона бывали ль и учение у него примали ль. Да буде скажут, что старец тот Капитон умер и их велеть роспросить, сколь давно и в которых местех умер».

Сыскные документы Приказа тайных дел вносят ясность относительно последних лет жизни Капитона, времени и места его гибели. Он был схвачен стрельцами в 1662 году в лесах за рекой Клязьмой, прикован цепью в своей келье и вскоре умер.

Имя Капитона и его этическая проповедь пользовались большой популярностью в крестьянском мире. Перед Крестьянской войной под предводительством Степана Разина в Нижегородском уезде ходили слухи, что Капитон жив и продолжает проповедовать. Даже складывались легенды о том, что старец «чудесным образом» спасся от преследователей и «учительствует» в Сибири.

Все последователи Капитона проповедовали суровый аскетизм. В Вологодском уезде в начале 60-х годов XVII века распространял это вероучение беглый крепостной Алексей Еремеев. Стрельцам не удалось его схватить. Из расспросов пойманных крестьян, уличенных в приверженности к капитонству, узнаем, что Еремеев «учил» их не ходить в церковь, «мяса-де и молока и яиц есть не велел, а велел он молитца в дому».

В проповеди исключительного аскетизма идеологи самого низшего эксплуатируемого класса в феодальном обществе видели возможность противопоставлять себя официальной церкви. Только на основе аскетизма, более сурового, чем допускала церковь, Капитон и его ученики могли распространять свое учение среди задавленного нищетой и бесправием крестьянства, подавая окружающим высокий личный пример. Целью Капитона был протест против феодализированной церкви, стремление реформировать ее в соответствии с этическими нормами, выработанными трудовой практикой масс.

В. АЛЬТШУЛЕР,
В. ВОЛКОВ

РЕЦЕНЗИЯ, НАПИСАННАЯ ПРОКУРОРОМ

«Буря, которую вызвали во всех... странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила **партийность** философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой...»[1] — писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Геккель, крупный биолог, горячий сторонник учения Дарвина, убежденный атеист (по его инициативе в Германии был создан «Союз монистов», ставивший целью массовое отречение граждан от церкви), написал книгу в 1899 году при необычных обстоятельствах.

14 августа 1872 года знаменитый физиолог Э. Дюбуа-Реймон в речи, произнесенной на съезде немецких естествоиспытателей, провозгласил, что существуют проблемы, которые наука никогда не сможет решить. Через несколько лет он уточнил, что имеет в виду семь «мировых загадок». Вот они: отношение между материей (в то время под «материей» понимали обычно «вещество») и силой (то есть энергией); происхождение движения; происхождение жизни; целесообразность в природе (Дюбуа-Реймон не признавал учение Дарвина о естественном отборе); происхождение ощущения и сознания; происхождение мышления и речи и свобода воли.

И вот накануне нового, XX века Геккель поднял перчатку, брошенную агностиком Дюбуа-Реймоном, — попытался дать ответ на его семь «мировых загадок». Но дать научный ответ на поставленные вопросы значило отвергнуть существующие объяснения, которые подразумевал Дюбуа-Реймон: все земные события прямо зависят от воли бога. В силу одного лишь этого книга Геккеля уже считалась безбожной. В подобных случаях одни ученые делали вид, что никоим образом не затрагивают основ богословия. Другие отдавали богу богово, то есть соглашались, что в священном писании изложена истина в конечной инстанции, а наука располагает возможностью постигать беспредельную мудрость творца. Третьи пытались истолковать библейские сказания как символическое повествование.

Геккель избрал самый рискованный путь. Он превратил свою книгу в антирелигиозный памфлет на манер французских просветителей XVIII столетия. Труд его предстает не только как популярная книга о достижениях «века чудес» (так назвал XIX столетие английский ученый А. Уоллес, одновременно с Дарвином пришедший к идее о естественном отборе), но и как трактат воинствующего безбожника.

Нам не нужно затруднять себя анализом его содержания. Это уже сделано. В отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранится документ, озаглавленный так: «Обвинительный акт об инженер-механике Александре Наумове Гранат, 47 лет, и кандидате прав Идель-Игнатии Гранат, 47 лет, обвиняемых в богохулении». Ниже впервые публикуются отрывки из этого примечательного документа. Но прежде следует пояснить, какое отношение к книге Геккеля имели братья Гранат, известные как создатели одной из крупнейших русских универсальных энциклопедий (последнее, 7-е издание, выпуск которого закончился в 1948 г., состояло из 58 томов)[2]. Две статьи для нее написал В. И. Ленин (по цензурным условиям издателям удалось напечатать только одну, да и то в сокращенном виде — «Маркс»), в работе над энциклопедией принимал участие К. А. Тимирязев.

Братья Гранат издавали и книги, правда в небольшом количестве. В 1907 году они отважились выпустить в свет знаменитую книгу Геккеля о мировых загадках, в связи с чем и последовало обвинение их в «богохулении». Приводим текст этого примечательного документа с сокращениями[3].

«4 декабря 1908 года, за № 3544, Московский комитет по делам печати просил прокурора Московского окружного суда о возбуждении уголовного преследования против инженер-механика Александра Наумова Гранат и кандидата прав Иделя-Игнатия Наумова Гранат за издание ими книги под заглавием «Эрнст Геккель и мировые загадки» с послесловием «Исповедь чистого разума».

Из содержания указанной книги видно, что автор ее, оценивая и критикуя, с точки зрения монистической философии, различные теистические учения, останавливается в главе I на оценке христианского понятия о боге и говорит: «Древнейшая наивная мифология есть чистейший гомотеизм, сообщает своим божествам человеческий образ, облекает их в плоть и кровь. Еще менее доступна здравому смыслу новейшая мистическая теософия, поклоняющаяся богу в лице «Невидимого» — в сущности газообразного существа и заставляющая его тем не менее мыслить, говорить и поступать по-человечески; она вводит таким образом парадоксальное понятие «газообразного позвоночного» (стр. 20).

Касаясь далее, в главе XV догмата христианской веры о трех ипостасях, автор заявляет: «Учение о «троичности бога», о триедином божестве, еще и ныне составляющее «три главных члена» в символе веры христианских народов, как известно, заканчивается утверждением, что единый бог христианства на деле состоит собственно из трех лиц, различных сущностью: 1) бог-Отец есть «Всемогущий творец неба и земли» (этот несостоятельный миф давно уже разрушен научной космогонией, астрономией и геологией); 2) Иисус Христос есть «природный сын бога-Отца (и вместе с тем третьего лица Св. Духа), рожденный путем непорочного зачатия девы Марии; 3) Св. Дух, мистическое существо, над непостижимыми отношениями которого к «Сыну» и к Отцу миллионы христианских богословов тщетно ломают себе голову вот уже 1900 лет... Христианский монотеизм разделил участь своего Отца, мозаизма, и остался истинным Единобожием частью лишь теоретически, в принципе, а на деле переходил в самые разнообразные формы политеизма... Три лица, различные индивидуумы (притом личности человекоподобные)...» (стр. 273, 279).

В главе XVII, упоминая об Иисусе Христе, автор говорит: «Сам Христос благородный, весь проникнутый любовью к человечеству, пророк и мечтатель, стоял гораздо ниже уровня классического культурного образования, он знаком был только с еврейскими преданиями, он не оставил после себя ни одной собственной строчки, равным образом он не имел ни малейшего представления о высоком состоянии знакомства с миром, до которого возвысились греческая философия и естествознание уже за полтысячелетия до него» (стр. 30).

Говоря же о богородице, автор удостоверяет: «Притом в наиболее распрост-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 370.
[2] До революции эта энциклопедия выпускалась издательством «Бр. А. и И. Гранат и К°», после революции — Русским библиографическим институтом Гранат.
[3] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Фонд 369, картон 380, ед. хр. 28.

раненных сектах христианства важную роль играет в качестве четвертого божества еще дева Мария, непорочная матерь Христова; широкие католические круги приписывают ей даже больше значения и влияния, чем трем мужским лицам небесного правительства. Культ мадонны приобрел здесь такую силу, что его можно противопоставить в качестве женского монотеизма обыкновенной мужской форме единобожия...

Но, кроме того, уже издавна воображение верующих христиан к этому верховному небесному правительству присоседживает многочисленную компанию «святых» всевозможного рода, а музыкальные ангелы заботятся о том, чтобы в вечной жизни блаженные не лишены были концертов. Римские папы — величайшие из шарлатанов, когда-либо эксплуатировавших религию, постоянно стараются новыми причисленными к лику святых увеличивать число этих антропоморфных небесных телохранителей. Это удивительное райское общество получило самый обильный и интересный прирост 13 июля 1870 года, когда Ватиканский Совет объявил пап, яко наместников Христа, непогрешимыми и тем самым возвел их в ранг богов» (стр. 279).

В указанной выше XVII главе, рассуждая о непорочном зачатии девы Марии, автор допускает следующие выражения: «Однако ему придает величайшую важность не только римская иерархия, но и часть православных протестантов. Так называемая «клятва о непорочности», т. е. клятвенное удостоверение веры в непорочное зачатие Марии, поныне составляет священную обязанность многих миллионов христиан. Многие верующие соединяют с ней двойное представление, они утверждают, что и мать Девы Марии, подобно ей, зачала от «Святого Духа»... Сравнительная и критическая теология новейшего времени доказала, что и этот миф, подобно большинству других легенд христианской мифологии, никоим образом не является оригинальным, но заимствован из более древних религий, особенно буддизма. Такие саги были широко распространены за несколько столетий до рождества Христова в Индии, Персии, Малой Азии и Греции...

В одном из апокрифических писаний имеются исторические данные, вполне простым и естественным образом объясняющие «мировую загадку» о сверхъестественном зачатии и рождении Христа. Летописец откровенно сообщает такую вещь, заключающую в себе решение загадки: «Иосиф Пандэрка, римский капитан колаборийского легиона, стоявшего в Иудее, соблазнил Мариам из Вифлеема, еврейскую девушку, и был отцом Иисуса». Другие рассказы того же автора о Мариам делают довольно сомнительной репутацию «Пречистой царицы небесной...» (стр. 219, 320, 321, 322).

Говоря наконец о святых евангелиях, автор позволяет себе следующий рассказ: «О четырех канонических евангелиях мы теперь знаем, что они были извлечены в 325 году на Никейском соборе 318 собравшимися на собор епископами из кучки противоречивых и подложных рукописей первых трех столетий. В более обширном списке фигурировало 40, а в самом кратком — 4 евангелия. Так как яростно спорившие и поносившие друг друга епископы не могли прийти к согласию, то решено было предоставить решение вопроса божьему чуду: все книги сложили перед алтарем и молились, чтобы не настоящие, человеком написанные книги остались лежать под ним, а настоящие, самим богом дарованные, вспрыгнули на алтарь господень. И это случилось в действительности. Три синоптических евангелия (Матфей, Марк, Лука, написанные не ими, но по ним, в начале второго столетия) и совершенно отличное от них четвертое (вероятно, написанное по Иоанну, в середине второго столетия), все четыре вспрыгнули на стол и сделались подлинными источниками христианского вероучения. Если современный «неверующий» человек сочтет невероятным делом такую «скачку книг», то мы ему напомним, что еще и в настоящее время сотни миллионов верующих христиан не менее твердо убеждены в своем бессмертии, «воскресении после смерти» и троичности бога, все эти догматы, не в большей и не в меньшей степени противоречащие чистому разуму, как и чудесный прыжок евангельских рукописей» (стр. 307).

На основании изложенного, инженер-механик Александр Наумов Гранат, 47 лет, и кандидат прав Идель-Игнатий Наумов Гранат, 47 лет, обвиняются в том, что в городе Москве, в начале 1907 года, отпечатав в типографии Кушнерова, издали и распространили в количестве 3000 экземпляров книгу под (названием) заглавием: «Эрнст Геккель. Мировые загадки с послесловием «Исповедь чистого разума», заведомо для них содержащую хулу на славимого в единосущной троице бога, на пречистую владычицу нашу богородицу и присно-деву Марию, на бесплотные силы небесные и на святых угодников божиих и поношение Священного писания, веры христианской и основных ее догматов...

Вследствие этого и на основании 201 ст. У. У. С., означенные братья Гранат подлежат суду Московского окружного суда с участием присяжных заседателей.

Составлен 20 апреля 1910 года в Москве».

Суд над братьями Гранат состоялся. Но он принял во внимание, что их перевод книги Геккеля был сделан с немецкого оригинала, свободно продававшегося в книжных магазинах столицы и других городов России, и ограничился решением о сожжении всего тиража перевода. Это решение, впрочем, оказалось запоздавшим: весь тираж к этому времени уже раскупили.

В 1902 году в Москве уже существовал перевод этой книги Геккеля, сделанный А. Котляром под редакцией М. М. Филиппова. Характерно, что в предисловии к ней М. М. Филиппов писал: «Предлагаемый перевод «Мировых загадок» Геккеля не содержит некоторых глав подлинника, в которых автор разрешает вопрос чисто богословского характера. Научная часть книги едва ли значительно пострадала от подобной урезки, но все же следует пожалеть, что время для обсуждения вообще всех взглядов Геккеля еще не настало». Тогда были полностью изъяты главы XVII («Наука и христианство») и XVIII («Наша монистическая мораль»), а из других выпустили все упоминания о религии. Но и это не спасло издателей: тираж был уничтожен.

История книги повторилась подобным же образом и в 1906 году. На этот раз «Мировые загадки» Геккеля в переводе Ф. Капелюша пополнились приложением — статьей А. Ланге «Эрнст Геккель как человек и ученый». Выпустило книгу издательство «Мысль» (Лейпциг — Санкт-Петербург). Революционная ситуация в стране, казалось бы, благоприятствовала тому, что книга могла появиться в свет без сокращений, но этого не случилось.

И только в 1922 году весь тираж книги дошел до читателей. На ее титульном листе значилось: Эрнст Геккель. Мировые загадки. С послесловием «Исповедь чистого разума». Перевод с полного немецкого издания С. Г. Займовского, 2-е издание. Изд. «Русского библиографического института бр. А. и И. Гранат и К°».

В 1937 году «Мировые загадки» переиздало Государственное антирелигиозное издательство в переводе того же С. Г. Займовского. В отличие от прежних работ, книга была снабжена обширным научным аппаратом, что позволило читателю полнее оценить значение публицистического подвига ее автора.

Многие наши читатели хотят побольше знать о том, как развивались науки на средневековом Востоке, спрашивают, верны ли утверждения некоторых западных авторов о том, что в общественной мысли восточных народов во все времена господствовала религия, что ислам был всесилен, подчиняя себе все умы. Разумеется, подобные утверждения не соответствуют истине. Мы не раз рассказывали в журнале о том, какой мощный поток свободомыслия характеризовал развитие наук и философии на мусульманском Востоке в IX—XI веках. Не случайно позднейшие исследователи называли этот период в истории Востока революцией умов (см., например, статью об Абу Рейхане аль-Бируни в № 10 за 1973 г.; очерк А. Сагадеева «Жизнерадостное свободомыслие Востока» в № 2 за 1978 г., статью Б. Алиевой «Революция умов и ее фальсификаторы» в № 10 за 1979 г. и др.). Сегодня мы предлагаем рассказ о средневековом союзе «чистых братьев», возникшем в г. Басре в X веке, о его просветительской деятельности. Эта публикация послужит, в частности, и ответом на письма студентов и преподавателей Белорусского университета, от имени которых нам написал Е. Ф. Черномор, учителя из Баку М. Каримова, пропагандиста А. Телембаева из Фрунзе и других наших читателей, которые спрашивают, когда действовали «чистые братья» и какое наследие оставили последующим поколениям.

А. САГАДЕЕВ,
кандидат философских наук

"ЧИСТЫЕ БРАТЬЯ" — ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ X века

В средневековой истории стран Ближнего и Среднего Востока X век занимает особое место. В то время явно обозначился распад Арабского халифата. В разных концах этого огромного государства не прекращались ожесточенные политические столкновения, нарастали социальные конфликты, возникали и ширились разнообразные сектантские и еретические движения. При всем разнообразии их объединяла направленность против господствовавшего тогда режима династии Аббасидов и служившего ее опорой официального суннитского духовенства.

Наиболее влиятельной силой антиаббасидской оппозиции были представители крайней фракции шиизма — исмаилиты[1], а также примыкавшие к ним религиозно-политические и философские течения.

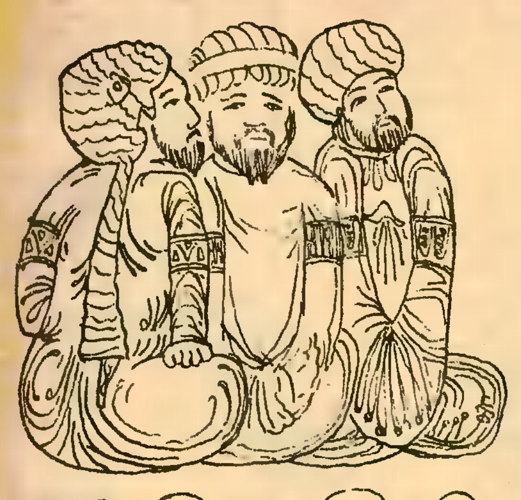
Исмаилиты и их «попутчики» выражали настроения различных социальных групп — от феодально-сепаратистских устремлений династии Фатимидов в Египте до протеста широких масс крестьянства и городской бедноты против феодального гнета во всем халифате. В очевидной связи с исмаилитским движением развивала свою деятельность и тайная организация «чистых братьев и верных друзей», выражавшая интересы торгово-ремесленнических, «бюргерских» слоев населения, страдавших от политической неустойчивости, бесконечных распрей и разложения гражданско-юридической и прочей администрации. Союз имел разветвленную сеть проповедников и миссионеров, а также местные отделения, которые подчинялись суровой дисциплине. Его деятельность носила конспиративный характер, поэтому ни современники его, ни позднейшие авторы не могли точно перечислить всех его руководителей. Доподлинно было известно только созданное в этой организации фундаментальное сочинение «Послания чистых братьев и верных друзей», текст которого сохранился до наших дней.

Относительно происхождения этой организации и авторства «Посланий» обычно утверждается следующее: союз «чистых братьев» возник примерно в середине X века в Басре — богатом торговом городе на берегу Персидского залива; со временем его деятельность развернулась также в Багдаде и других городах халифата; активными деятелями организации и авторами «Посланий» были Абу-Сулейман Мухаммед ибн Машар аль-Максиди, Абу-ль-Хасан Али ибн Харун аз-Занджани, Абу-Ахмед ан-Нахраджури, аль-Ауфи, Зейд ибн-Рифаа.

Эти данные восходят к сочинению Абу-Хайяна ат-Тавхиди (ок. 932—1023), представляющему собой сборник рассказов о собраниях при дворе визиря одного из буидских правителей. Однако детальное сопоставление содержащихся в этом сочинении данных с содержанием другой работы ат-Тавхиди, а также со сведениями, имеющимися в трудах его современника Абд-аль-Джаббара аль-Хамадани (ок. 936—1025) и известного философа Абу-Сулеймана ас-Сиджистани аль-Мантики (ок. 912—985), у которого учился сам Абу-Хайян, привело одного современного исследователя к таким выводам: «Как для Абу-Хайяна, так и для Абд-аль-Джаббара лидер басорской группы аз-Занджани выступал в качестве «сахиб аль-мазхаб» (руководителя «секты». — А. С.). Однако, в отличие от Абу-Хайяна, Абд-аль-Джаббар ничего не говорит об авторстве «Посланий». В обоих сообщениях Зейд ибн-Рифаа ставится в связь с аз-Занджани и не упоминается как автор «Посланий». В «Рисалят ас-садана» Абу-Хайяна «Послания чистых братьев» не упоминаются, а Зейд ибн-Рифаа упоминается. В «Аль-имта» (другом сочинении ат-Тавхиди. — А. С.) Зейд представлен не как автор, а как сотоварищ авторов «Посланий». Далее, если Абу-Сулейман аль-Максиди выступает в качестве единственного автора «Посланий» у Абу-Сулеймана аль-Мантики, то он всего лишь один из авторов у Абу-Хайяна, а у Абд-аль-Джаббара вообще обходится молчанием. В «Аль-имта» Абу-Хайян выступает как человек, который ввел в «Послания» своего наставника Абу-Сулеймана аль-Мантики, между тем как последний в своей собственной работе предстает как лицо, уже знакомое с «Посланиями»

Рисунки выполнены по мотивам иллюстраций к средневековым сочинениям.

[1] Исмаилиты — самая крупная из шиитских сект, возникшая в VIII в. и сильно отличающаяся в своем учении от ортодоксального ислама. Для них характерны иносказательное толкование Корана, вера в переселение душ, в «мировую душу», которая получает земное воплощение в душах имамов. Исмаилиты обожествляют имама Али (четвертого халифа в Арабском халифате) и верят в пришествие седьмого имама — сына Исмаила, прямого потомка Али. В теориях исмаилитских богословов большое место занимает число семь, которому придается священный характер, и вообще числовая символика

Рисунки С. Черпышева.

и знавшее их число и их автора»[2]. Тот же исследователь указывает на почерпнутое у одного раннего фатимидского миссионера текстуальное свидетельство, относящее составление «Посланий чистых братьев и верных друзей» к периоду, предшествовавшему основанию Фатимидского халифата в Египте (910 г.).

Последнее положение согласуется с выводом другого исследователя, полагающего, что «Послания» представляют официальную доктрину Фатимидов до восшествия на халифский престол в 910 г. первого представителя этой династии. Эту точку зрения ученый обосновывает имеющимися, по его мнению, в «Посланиях» намеками на дату прихода к власти династии Фатимидов. Сами же «Послания» он считает написанными в разное время, а об их предполагаемых авторах пишет: «Лица, которых ат-Тавхиди и Абд-аль-Джаббар называют авторами «Посланий», могли быть людьми, приложившими к ним последнюю руку, либо даже только теми, кто соединил и связал их друг с другом. Но они могли быть и просто пропагандистами, которым можно было приписать авторство этих трактатов для прикрытия особо важных лиц или, что даже вероятнее, для маскировки исмаилитского происхождения трактатов»[3].

Таковы новейшие результаты исследований, касающихся этого тайного союза и авторства «Посланий».

С исмаилитами «чистых братьев» сближают ненависть к аббасидскому режиму; враждебность к официальной теологии, опирающейся на внешний, буквальный смысл божественного закона; стремление найти по ту сторону аллегорически толкуемых священных текстов универсальную истину.

Аббасидский халифат был для «чистых братьев» «государством зла». Одну из его особенностей они видели в существовании имущественного неравенства и возникающих из этого конфликтов. «В этом мире, — писали «чистые братья», — злые люди — враги добрых, а бедные люди — враги богатых. Бедные люди желают для богатых многих бед и злосчастий. Когда бедный люд находит возможность добраться до имущества богатых, он захватывает и разграбляет его»[4]. Причину этого они видели в том, что государством управляют продажные чиновники, законоведы и судьи, в том, что каждый халиф, приходя к власти, первым делом убивал того, кто имел заслуги перед его отцом или предшественником, а затем отправлял на тот свет всех соперников из числа ближних и дальних родственников.

Выход из этого засилья зла «чистые братья» усматривали не в политических или общественных преобразованиях, в частности, не в установлении своеобразного имущественного равенства, за которое выступала, например, исмаилитская секта карматов. Панацеей от социальных бедствий они считали просвещение, приобщение людей к научным знаниям и к опирающимся на эти знания нормам нравственности, среди которых главные — бескорыстие и любовь к ближнему. Политическая борьба, к которой обычно прибегали исмаилиты, в их программу не входила.

«Послания чистых братьев и верных друзей» включают в себя 52 трактата («послания»). Среди них есть предназначенные для новичков, не искушенных в знаниях, и для тех, кто в большей или меньшей степени был знаком с философией и естественными науками. Авторы стремились дать своим читателям энциклопедические сведения о накопившихся к X веку научных знаниях. Это приводило к любопытным результатам. Оказывалось, что учение Мухаммеда ничем не превосходит учения ветхозаветных пророков и Иисуса, а все они, вместе взятые, ничем не лучше теорий, разработанных Пифагором, Платоном, Аристотелем и другими мудрецами языческой античности.

Таким образом, «чистые братья» выступали за веротерпимость и признание науки законным источником человеческих знаний, в то время как официальное богословие единственным источником знаний считало Коран. По существу, они шли еще дальше, утверждая превосходство науки над религией; божественный закон (шариат), говорили они, запятнан невежеством и очистить его, то есть истолковать в соответствии с данными науки, можно лишь с помощью философии.

В общефилософских вопросах и в логике авторы «Посланий» вдохновлялись Аристотелем, в антропологии, медицине и магии — Галеном (классик античной медицины, род. в 129 г. до н. э.) и его последователями, в геометрии — Евклидом, в астрономии — Птолемеем, в ряде перечисленных и некоторых других областях — учением пифагорейцев[5]. Кроме того, в «Посланиях» имеются ссылки на мировоззренческие и естественнонаучные теории древнего Ирана и Индии.

Ориентация на различные круги читателей обнаруживается в «Посланиях» уже при решении их авторами ключевого мировоззренческого вопроса средневековья: извечен мир или создан богом во времени? Казалось бы, они определенно заявляют, что бог сотворил Вселенную «единым разом», но в то же время в их трактатах подробно излагается эманационная теория, предполагающая «совечность богу» всего сущего: столько, сколько существует бог (т. е. безначально), от него «проистекают» в нисходящем порядке мировой разум, мировая душа, первая (неопределенная) материя, вторая (наделенная тремя измерениями) материя, далее — небесные сферы и подлунный мир, состоящий из простых тел, стихий (земли, воды, воздуха, огня) и сложных тел (минералов, растений и животных).

Таким образом, выражение «единым разом» у «чистых братьев» обозначало «во вневременной вечности» и указывало на как бы собранную в одну точку длительность, а под словом «творение» подразумевалась иерархическая структура бытия, ее «нисхождение» от абсолютного единства и постоянства к данному в нашем опыте множественному и переменчивому миру.

Это умопостигаемое абсолютно единое сущее «чистые братья», естественно, отождествляли с богом существующих «традиционных» религий. В их толкованиях это весьма своеобразный бог: в него верят все, включая атеистов, которые взывают к нему в тяжкие минуты жизни, и даже животных, которые обращают голову ввысь в засушливую пору. Однако о нем никто не может сказать ничего определенного, он лишен положительных качеств. Есть единственный способ познать «творца», косвенный — изучая его «творения»,

---

[2] Hamadani A. Abu Hayyan al-Tawhidi and the Brethren of Purity. — «International Journal of Middle East Studies», London — New Jork. 1978, vol. 9, № 3, p. 350.

[3] Marquet Y. Ihwan al-Safa, Ismailiens et Qarmates. — «Arabica». Leiden. 1977, t. 24, fasc. 3, p. 235.

[4] Выдержки из трактатов «чистых братьев» приводятся по изданию «Послания чистых братьев и верных друзей». Каир, 1928 (на араб. яз., перевод автора).

[5] Пифагореизм — религиозно-философское учение Древней Греции (VI—IX вв. до н. э.), согласно которому основным принципом всего сущего является число.

«ибо в произведениях искусства есть знак мастера» и «в причинно обусловленном есть след причины». Отсюда своеобразный для мусульманского средневековья вывод: кто хочет познать бога, тот должен заняться исследованием окружающего мира и усвоением наук.

Бог в учении «чистых братьев», таким образом, символизировал «единство и законосообразность процессов, происходящих в космическом и подлунном мире. Всеобщую гармонию мира они выражали в пифагорейском духе: структура неба определяется законами музыкальной гармонии, да и сами небесные сферы в своем круговращении издают звуки, которые мелодичнее напевов, исполняемых на лютне, и нежнее псалмов Давида. Эта космическая гармония не допускает ни одной фальшивой ноты, как естественный порядок вещей не допускает того, что в традиционных религиях называется «божественным чудом».

В учении «чистых братьев» о вселенской гармонии особое место занимала концепция, согласно которой музыкальные лады и ритмы имеют внутреннюю связь с небесными светилами, временами года и суток, цветами, запахами, темпераментами людей и другими разнородными явлениями физического и духовного мира. Между этими явлениями устанавливались определенные отношения интимного родства. Такая связь была у них четко определена в специальной схеме. В ней, например, струне лютни «зир» соответствует красный и желтый цвета, запах мускуса и жасмина; связаны с этой струной зодиакальные созвездия от Рака до Девы, а также огонь. С данным рядом явлений связано лето, время суток от полудня до захода, им соответствуют молодость, гордость, храбрость и т. п.

С эстетической точки зрения в схеме этих «связей» у «чистых братьев» «по различным царствам природы» проводится, пользуясь словами Чернышевского, мысль, что «прекрасное есть жизнь и ближайшим образом жизнь, напоминающая о человеке и о человеческой жизни». Недаром именно в связи с размышлениями над человеческой жизнью поэты Востока широко использовали образы, почерпнутые из этой схемы. Так, Навои рекомендует сравнивать жизненный путь людей с чередованием времен года; Омар Хайям, описывая свою жизнь, прибегает к образам четырех стихий: воды, земли, воздуха и огня; а Низами, повествуя о наступлении старости, говорит и о стихиях, и о временах суток:

Ночь пришла, благотворна,
на смену прекрасному дню.
К ветру вышла земля,
и вода прикоснулась к огню.
Утро старости светит...

«Чистые братья» утверждали единство происходящих в мире процессов. Они представляли природу целостным организмом, который в себе самом содержит начало своей жизнедеятельности. Это представление выражалось в «Посланиях» с помощью аналогий: природа уподоблялась животному, «бодрствующему, подвижному, ощущающему» днем и «спящему, неподвижному или мертвому» ночью; подлунный мир сравнивался также с человеком, чьи волосы соответствовали в природе растениям, речь — грому, смех — свету, слезы — дождю, печаль — ночи, сон — смерти и т. д.

Помимо мысли о единстве сущего, «чистые братья» высказывали другую диалектическую догадку об отсутствии резких граней между неорганической и органической природой, а в этой последней — между растениями, животными и человеком: «Высшая ступень минералов смыкается с начальной, низшей ступенью растительных тел; последняя, высшая ступень растений смыкается с начальной, низшей ступенью животных; последняя, высшая ступень животных смыкается с начальной ступенью человека».

Но что еще более примечательно, они рассматривали эти царства природы не как раз и навсегда данные, а как результат своего рода эволюции, развития. «Низшие животные, — говорится в «Посланиях», — то есть наделенные лишь одним чувством, такие, как ракушки, улитки, червяки, — возникли в тине и иле либо на дне моря и в глубине рек... и представляли собой некую разновидность растениеподобных животных... Растения существуют во времени раньше животных, а все животные во времени существуют раньше человека и для человека... Если бы животные не предшествовали человеку, то тогда как бы он смог существовать?»

Человек же, по учению «чистых братьев», — венец развития сущего. Он самое совершенное существо во Вселенной, и его органы — подобия всех образующих мир сущностей — небесных светил, четырех стихий, минералов, растений и животных, а душа служит аналогом мировой души, управляя человеческим телом так же, как та управляет мирозданием. «Ни одна часть телесного мира не имеет лучшего строения, более совершенной формы или большего сходства с этим телесным миром как целым, чем человек».

Праотцем людей «чистые братья» считали Адама, причем, как и исмаилиты, они говорили об Адаме небесном и земном, из коих первый служит прообразом второго. Появление на свет первого человека, конечно, рассматривалось как результат творения, но само это творение истолковывалось в действительности как возникновение наиболее совершенного существа в ходе естественного развития. В самом деле, если бы земной Адам был создан чистым актом божественной воли, то явление его миру могло бы состояться в любой точке земного шара, между тем, по учению «чистых братьев», человек — подобно другим высокоорганизованным животным — появился в результате наиболее гармоничного сочетания в нем четырех стихий, что могло произойти не где попало, а в определенных, благоприятствующих данному процессу климатических условиях. Такие условия, писали «чистые братья», лишь в районе экватора — там, где климат отличается наибольшей умеренностью.

Дальнейшая эволюция человечества в «Посланиях» также прослеживается сквозь аллегорическое, иносказательное толкование коранической версии. Земной рай, первоначальное обиталище Адама и Евы, расположен на горе Якут, что возвышается над островом Цейлон. Беззаботные и счастливые, живя на всем готовом, Адам и Ева проводили свои дни среди благоухающей растительности, в окружении мирных животных и сладкоголосых птиц. Но вот свершается грехопадение, и оба оказываются низвергнутыми к подножию горы, в пустынную местность, где нет «ни воды, ни деревца, ни приюта». Когда прародители людей едва не гибнут от голода и лишений, бог ниспосылает к ним ангелов, которые учат их тому, как собственными силами обеспечивать свое существование. Ангелы в данном случае олицетворяют силы природы, способные принести человечеству пользу, в то время как ее враждебные силы воплощает дьявол, который, как рассказывается в Коране, вопреки повелению бога, отказался поклониться Адаму вместе с другими ангелами.

Соединение людей в сообщества авторы «Посланий» рассматривали как естественный процесс, необходимый для совместного труда, для удовлетворения материальных нужд. А различия, возникшие между этими сообществами, они объясняли прежде всего влиянием географической среды. Она, по их мнению, определяла разнообразие и в физическом облике представителей различных рас и народов, и в их характере, темпераменте, и в способах, которыми они добывали жизненные блага. В этом учении не оставалось места для теории, объяснявшей этнические, расовые особенности людей их происхождением от тех или иных потомков Ноя.

В учении «чистых братьев» о развитии природы и общества содержалась идея их циклического возобновления. Лик Земли, учили они, не остается неизменным, хотя в этом мало кто отдает себе отчет: с течением веков горные образования превращаются в равнины, покрытые различными водоемами, а моря уступают место возвышенностям и пустыням; населенные места превращаются в руины, а местности, прежде пустынные, заселяются людьми. Причину подобных явлений они видели в том, что в периоды, исчисляемые тысячелетиями и десятками тысяч лет, звезды и планеты изменяют свое положение относительно зодиакальной линии, из-за чего меняется степень освещенности различных районов земного шара, умеренные климатические зоны превращаются в зоны преобладающего холода или зноя и наоборот. Это закономерно

сказывается и на физико-географических особенностях каждой местности, а следовательно, и на степени населенности ее людьми.

Точно такой же периодический характер приписывали «чистые братья» изменениям, происходящим в каждом обществе и государстве. «Каждое государство имеет время своего начала, время своего развития и предел, у которого оно гибнет». В жизни общества этот цикл, по их мнению, характеризуется тем, что его руководящие принципы — добро и зло меняются местами. Современное им государство — Аббасидский халифат «чистые братья», как мы помним, считали «государством зла», управляемым не наместниками Аллаха на земле («халиф» по-арабски «наместник»), а наместниками Сатаны. Они предсказывали неминуемое падение этого государства, ибо каждый цикл, по их расчетам, длится в среднем 147 лет, но ускорить его крах можно, доведя до предела остроту всех его недостатков и конфликтов.

Вне поля зрения «чистых братьев» не оставались конфликты, порожденные имущественным неравенством в обществе, тем не менее основным показателем деградации «государства зла» и предвестником его скорого падения они считали духовное вырождение определенной части общества, погрязшей в алчности, коварстве, лжи, кознях и интригах, беззаконии, насилии и стяжательстве. Появление же «государства добра» они связывали с духовным оздоровлением общества.

Касаясь нравственности и условий ее формирования, «чистые братья» обращались к излюбленному ими четырехчленному делению явлений. Существуют четыре пары главных добродетелей и главных пороков: знание глубокой сущности вещей — невежество; благие черты характера — дурные черты; здравые убеждения — ошибочные убеждения; благие действия — дурные действия. Черты характера определяются четырьмя факторами: темпераментом; географической средой; верой, в которой воспитали человека родители и наставники; «планидой», под которой ему довелось родиться. В зависимости от преобладания в составе организма желтой желчи, крови, флегмы или черной желчи люди бывают по своему темпераменту соответственно холериками, сангвиниками, флегматиками, меланхоликами (классификация, восходящая к Галену и до сих пор используемая в психологии).

Интересно, что, перечисляя эти условия, влияющие на становление характера людей, авторы «Посланий» в своих трактатах называют еще и иные факторы. Так, они проницательно замечают, что психологический облик людей находится в прямой зависимости от принадлежности к той или иной сословной и общественно-производственной группе, от характера труда и занятий.

Характеры людей, их нравственные качества проявляются в их взаимоотношениях с другими людьми. А эти взаимоотношения обнаруживают, что люди бывают трех типов: безнравственные, совершающие по отношению к другим дурные поступки и причиняющие им зло; лицемеры, совершающие благие поступки с надеждой извлечь из них для себя какую-то выгоду (согласно аль-Фараби, философу, жившему во времена «чистых братьев»[6], именно такова «добродетель», культивируемая в людях догматом ислама о потустороннем воздаянии); истинно добродетельные люди, стремящиеся к благу как таковому и во взаимоотношениях с окружающими руководствующиеся принципом: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой».

Стремление к наслаждениям — естественно, говорили «чистые братья», но оно должно быть контролируемо разумом. Именно разум, а не божественные предписания и заповеди оказывается у них основным мерилом нравственности.

Божественный закон (шариат), то есть «традиционная» религия, согласно их представлениям, необходим для регулирования человеческого общежития лишь постольку, поскольку далеко не все способны подавлять свои порочные наклонности и прислушиваться к голосу разума — если не своего, то хоть чужого, но более здравомыслящего. Себя же авторы «Посланий» считали свободными от обязанности совершать молитвы, соблюдать пост и выполнять другие подобного рода предписания религии. Пророки, принесшие людям божественные законы, заявляли они,— это врачеватели душ и астрологи, призванные обнадеживать души, но врачи нужны людям больным и убогим, астрология — несчастливым, мы же в них не испытываем потребности.

«Чистые братья» отмечали, как малоэффективны религиозные меры наставления людей на путь истинный: человек может регулярно посещать мечеть, истово молиться, вести на глазах соседей скромную жизнь. Но вот он становится судьей — и все преображается: ты видишь его уже сидящим на муле в окружении свиты и рабов и направляющимся к государю с дорогими подарками, чтобы получить от него санкцию на использование лжесвидетельства и на несправедливый исход судебного дела. Не лучше порой обстоит дело и с искренне верующими: человек может ходить с синяками на лбу от молитвенных поклонов, изнурять себя постами до тех пор, пока не высохнут мозги, и в то же время его будет обуревать ненависть ко всем, кто на него не похож.

Итак, разум у «чистых братьев» — критерий нравственности. Но не только. Он — источник знаний, а истинное знание — само по себе добродетель и притом высшего порядка: «Лучшее достояние человека его разум, а лучшее его качество — знание». Подлинное же знание — это лишь такое, которое связано в конечном счете с практикой: «Начало философии — любовь к знаниям, ее середина — познание истинной природы вещей в меру человеческих способностей, а ее завершение — совпадение слова и дела, действие сообразно знанию». Высшее счастье доступно мудрецам, проникшим в глубочайшие тайны мироздания. Их души сливаются с мировой душой, которая олицетворяет управляющие Вселенной законы и силы и которую на языке религии называют «миром ангелов».

Дерзким вызовом всем богооткровенным религиям было притязание «чистых братьев» на то, что такие мудрецы находятся в рядах их организации и что пророческой ступени они достигли не через божественное откровение, а благодаря своей мудрости и неустанным поискам истины.

Современные им и позднейшие теологи обвиняли их в том, что они хотели заменить все религии философией, прежде всего натурфилософией, то есть естественными и точными науками. Именно вот такой стороной своего учения, созвучной настроениям передовых мыслителей той эпохи, «чистые братья» оказали влияние на развитие свободомыслия как в странах Ближнего и Среднего Востока, так и на Арабском Западе — в мусульманской Испании и Северной Африке.

И, конечно, велико было воздействие на умы современников всеобъемлющих сведений, содержащихся в их прославленных «Посланиях», которые и сейчас поражают своим истинно энциклопедическим характером. Как мы постарались показать, сведения эти сплошь и рядом вступали в явные противоречия с религиозными догмами. И нам кажется, что совершенно правомерно ученые сравнивают организацию «чистых братьев» не только с пифагорейским союзом и исмаилитскими организациями, но и со славным содружеством французских энциклопедистов XVIII века.

[6] Аль-Фараби был не только их современником, но в ряде вопросов и единомышленником. Родство их учений один из современных исследователей называет поразительным.

Литература, искусство

МОИ МОСТЫ

РОМАН

Евгения СЕРГИЕНКО

...Железнодорожный клуб в субботу гремел музыкой и сиял всеми окнами. Танцы! Играл, конечно, наш оркестр. Начальник штаба Козлов разрешил девушкам быть в гражданском. Я нарядилась в свое единственное темно-синее платье. Вальс я танцевала с Сашкой Пучковым. Хоровод знакомых и незнакомых лиц плыл у меня перед глазами, но беленького летчика, его глаза, промелькнувшие близко, я узнала сразу.

Оркестр заиграл вальс-бостон.

— Разрешите,— произнес голос, который я раньше, кажется, не слышала,— мягкий, теплый. Я знала, что это он приглашает меня, хотя не подняла глаз от пола. Молча встала, положила пальцы на погон синего кителя, правую ладонь ощутила в теплой, жестковатой и бережной ладони.

— Как вам живется здесь? — спросил он, встретив мой взгляд.— Я помню, когда вы приехали сюда.

— Я тоже помню,— и поспешила объяснить:— Как же не помнить день и час, в какой прибываешь на новое место для дальнейшего прохождения службы.

— Вы и на фронте были?

— На 1-м Белорусском.

— До Берлина дошли?

— Нет, севернее, до Штаргарда.

— А мы всю войну просидели здесь. На фронтах дрались и погибали герой-ски Гастелло, Виктор Талалихин, Тимур Фрунзе! А мы, здоровенные лбы, классные летуны, вертелись здесь в пустом небе. В пустом! А на земле политбеседы проводили, сводки слушали, газеты читали.

— И пачками строчили рапорты командованию, чтобы оно направило вас на фронт.

— Вам смешно.

— Нет, просто очень понятна ваша обида на судьбу. Вот понаехали сейчас вояки с фронтов и разгуливают героями, звенят орденами, дразнят вас. А у вас только значки за прыжки с парашютом, — и я дотронулась до хорошенького значка.

— Не в орденах дело! А в совести. Я даже во сне видел, как иду на таран.

— Ого. Грозные у вас сны.

— А вам что снится после войны?

— Мальчики,— подразнила я партнера, а потом вздохнула и сказала правду: — Вижу и во сне войну. И меня очень часто гложет совесть, почему я не перевязывала раненых на передовой, а рисовала мостики. Но ведь должен кто-то и мостики рисовать.

Музыка умолкла, пары расходились к стульям, поставленным вдоль стен, а мы с летчиком стояли и продолжали разговаривать посреди зала.

— Политбеседа окончена, товарищ старший лейтенант.

— Извините,— смущенно проговорил он. А я думала, что он сообразит спросить мое имя и назвать свое.

— Очень хорошо мы поговорили,— съязвила я.— Вы случайно не комсорг?

— Не угадали. Я парторг эскадрильи.

— Ах, да! Вот о чем хочу вас спросить! Вы на каком самолете летаете? На «ястребочке»?

— Так точно. У меня истребитель ЯК-9, машина 64,— ответил летчик и отошел в сторону, показывая этим, что не навязывается ко мне в постоянные партнеры.

Танцы кончились. Все уже вышли из зала, а я сделала вид, что ожидаю своих приятелей-музыкантов, пока они соберут пюпитры и дудки. Летчик стоял у выхода и ожидал неизвестно кого.

— Пошли, Валя, — сказал Гришка Корсаков и пропустил меня в двери, и я прошла впереди него, не вырываться же.

Ребята жили напротив клуба, им всей-то дороги лишь улицу перейти. Дождик то ли еще не собрался, то ли уже кончился. Медные трубы празднично поблескивали, а мне хотелось захныкать, как маленькой.

— Спокойной ночи, Валя,— попрощался Паша Верховцев.

— Тебя проводить, Валентина? — спросил Гришка.

— Не надо! — ответила я громко и еще громче сказала: — Я и одна дойду.— Но летчик не стал догонять меня.

Идти на следующий день в клуб я не собиралась. Ну и что же, что воскресенье и танцы, ему я не понравилась, зачем же мне идти в клуб? Асе

Окончание. См. № 3, 4.

не лень было воротиться с дороги, чтобы доложить:

— Уже проиграли марш. Собирайся живенько, Валя. Ждет тебя человек. Летчик твой. Ходит возле клуба и курит.

— Откуда ты знаешь, что он ждет меня, а не другую?

— Другую, не другую... О чем ты рассуждаешь? Одевайся! — А когда я послушалась и оделась, она с дрожью в голосе проговорила: — Валечка! Может быть, это твоя судьба.

Его я узнала сразу. Сумерки не успели сгуститься, и я угадала его по белобрысой голове, по походке, по размаху плеч, широких и чуточку сутулых, по манере взглядывать на небо. Оно было бледно-серым над головой, желтоватым над озером и черным за сопкой.

— Добрый вечер, Валя,— сказал он, бросив папиросу и шагнув мне навстречу.— Боялся уж, что вы не придете. Вот слыхал, как вчера ваши прощались с вами, и узнал имя.

— Жаль, что вас вчера никто не окликнул, а то и я знала бы, как вас зовут.

— Петр Енисеев. Следовало представиться вчера?

— Следовало.

— Извините.

Мне хотелось, чтобы это танго никогда не кончалось и чтобы Петя держал меня крепче. Мне хотелось касаться щекой его щеки, а китель его был удивительно приятно шершавеньким. Как странно: вчера мы были чужие, а сегодня я на ощупь отыщу Петю в этом зале, если мне завязать глаза.

Я растворилась, растаяла в нежных объятиях и упоительной музыке, я чувствую себя такой счастливой и легкой, что, кажется, сию минуту всепоглощающее блаженство вознесет меня к сияющим звездами и луной небесам. Я улыбаюсь этой мысли, но и не подозреваю еще, каким значительным останется во всей моей жизни этот сказочный дальневосточный вечер, еще не знаю, что через короткое время, всего через два или три часа, я услышу жаркое, страстное признание в любви и сама признаюсь и пообещаю стать женой.

Снова клуб. Наконец-то я снова вижу Петю! Мы не виделись долгих четыре дня. Чем ближе я подхожу, тем сильнее моя радость. Кажется, что с того воскресенья, когда мы объяснились, прошли не дни, а годы и все эти годы я нетерпеливо ждала сегодняшней встречи со своим женихом. Со своим любимым. Все решено. Я выхожу замуж. Мой жених пришел не один, с ним какой-то летчик, тоже старший лейтенант, и я догадываюсь, что это Володя.

— Познакомься, Валюша. Это и есть Володя Тимченко.

Старший лейтенант Тимченко одобрительно улыбается, и я рада, что понравилась ему. Он мне тоже нравится просто за то, что он Петин друг. Они вместе учились в Иркутском летном военном училище, вместе приехали служить в этот город, летают в одной эскадрилье, живут вместе в одной комнате. Володя, наверное, все же недоволен, что я разлучу их теперь?

— Познакомься, Володя. Это Валя Лебеденко. Моя невеста.

Идущие сзади меня наши ребята умолкли. То разговаривали, смеялись, а то все затихли. А потом каждый попрощался:

— До свидания, Валя,— говорит Паша.

— До свидания, Паша,— отвечаю ему.

Ни один не прошел молча, каждый как бы сказал своим прощанием: «Мы все поняли». И я ответила каждому: «Вот и прекрасно, что вы поняли. Так оно и есть. Я его люблю».

На другой день часа в четыре я ожидала Петю возле нашего дома и мы побрели краем кювета вдоль шоссе. Я шла и знала, что нас далеко будет видно, взгляды своих однополчан я будто бы ощущала спиной и нарочито задрала голову, распрямила плечи. Глядите, пожалуйста, вот гуляет Лебеденко со своим летчиком у всех на глазах! Сесть-посидеть пришлось прямо на земле, на высохшую высокую траву.

— Эй, вы, влюбленные!— крикнул нам, притормозив, шофер грузовика.— Другого места не нашли?

А я, ничуть ни смутясь, опускаю голову на плечо любимого. Щеку мне колет уголок погона, цветущим лесом колышется слева от моего лица трава.

— Красноармейская книжка у тебя с собой?— спрашивает любимый.

— Да, а что?

— Поедем сейчас в загс? Сядем на какую-нибудь попутную машину, вот хоть на эту, и через час мы муж и жена. Скажем, что разрешение от командира у тебя есть, но взять мы его забыли.

— Зачем же обманывать? Врать нехорошо! — смеюсь я в ответ.— Да и куда спешить? Вот скоро всех девушек демобилизуют, тогда и поженимся без всякого разрешения.

— Скоро, Валя, начнется война...

Я перестаю смеяться. Это не новость, что скоро опять будет война. Начальник штаба проводил с нами занятия про природу и климат Маньчжурии, про всякие возможные там эпидемии. А для чего бы нам Маньчжурию изучать?

— Может быть, договорятся и без войны? — надеюсь и услышать подтверждение.— Я-то знаю, что такое война!

— Это там, на западе, было страшно, а здесь мы быстренько управимся. Припугнем немного японцев, выполним, так сказать, свой союзнический долг. Ты не бойся. Ну, придется нам расстаться на некоторое время, а потом снова встретимся и уже больше никогда не расстанемся. Ты согласна? Я люблю тебя. Видишь ли, Валюша, я немного обогнал события. Подал сегодня командиру рапорт. Прошу перевести в наш полк на должность писаря мою жену, проходящую службу в железнодорожных войсках. Все делается не быстро, пока пойдет запрос, пока придет ответ, мы успеем расписаться, я сниму копии с документов и отошлю. А ты, как только вернешься из командировки, проси разрешения у своего начальства. Или передумаешь за неделю?

— Все целуетесь? Не надоело? — знакомая трехтонка возвращается обратно, и шофер остановился поговорить с хорошими людьми.

— Завидуешь? — спрашивает его, смеясь, Петя.

— Во как! — отвечает солдат и, показывая большой палец, кивает на меня.— На большой!

— Видишь, какая ты у меня красивая. Движение останавливается из-за тебя на шоссе. Слушай, Валюша. Когда война начнется, полк наш, вероятно, перебросят ближе к фронту. Ты приедешь, а меня здесь нет. Тогда иди к нашим соседям, к жене капитана Воронина. Ей, Оле, я оставлю письмо для тебя и все-все тебе напишу.

— Эй, старший лейтенант,— подает голос шофер.— Вам в какую сторону?

— Мне и пешком недалеко,— отвечаю я, но зачем же идти, если можно доехать, и еду на подножке.

Зажглись огни на станции, и ощущение расставания сделалось тревожнее, больней.

— Через шесть дней мы вернемся,— говорю я Пете.— Ты придешь встречать меня? Я пришлю тебе письмо.

Дерево у края перрончика бросило вокруг себя черную кружевную тень. Две тетки стоят в этой тени за хлипким столиком, торгуют молоком.

— Свежее, вечернее, подходите, подходите...

— Ты ужинала?

— Нет, я не хочу.

— Свежее молочко, вечернее, парное,— тянет торговка громче, услышав наш разговор.

— Я же не выпью столько! — возражаю я Пете.

— А вы пополам поделите,— советует тетка.— Я вам и стаканчик дам. Берите,— и наливает полный до краев граненый стакан и половину банки.— Очень полезно молодым пить молоко.

— За что будем пить? — спрашиваю я.

— Ясно за что. За нас с тобой.

Чокнулись. Тетка одобрительно кивнула и пожелала:

— Будьте счастливые.

— Отойдем,— шепчу я Пете и тяну его за руку подальше в тень. Мне приходит на ум все то, что я хотела сказать ему и не успела.— Ты мне сразу понравился. Помнишь? Когда я приехала.

— Помню. Знаешь, что я тогда подумал? Если я еще раз встречу эту девушку, я в нее обязательно влюблюсь.

— А в тот момент не влюбился?

— В тот момент я ошалел! Ты появилась вдруг, совсем неожиданно.

Поезд подошел, и все полезли в вагон. Петя внес мои вещи, и мы с ним вышли на перрон, чтобы попрощаться без свидетелей. Свидетели выглядывали из окон, а я, не стесняясь их, обняла жениха.

— Я люблю тебя,— сказала я не голосом, а одними губами.

— Возвращайся скорей,— ответил он тоже не голосом, а дыханьем.— Я люблю тебя.

МАНЬЧЖУРИЯ

...За одни сутки советские войска продвинулись от 15 до 22 километров от границы, занимая в Маньчжурии станции, населенные пункты и города. Военные действия ведутся тремя фронтами: Забайкальским, Дальневосточными 1-м и 2-м. Наша бригада железнодорожных войск на 1-м Дальневосточном... Наша авиация наносит удары по основным железнодорожным узлам Маньчжу-

рии — это Харбин, Чанчунь, Гирин, и портам Сейсин и Расин...

Когда, жадно читая сводки, я дохожу до сообщения об авиации, сердце мое сжимается от боли и тоски. Куда летает Петя, сопровождая тяжелые бомбардировщики? На Харбин? На Гирин? Но куда бы ни летал, везде есть японские зенитки! «Твоя отвага, сокол гордый, врагам отчизны смерть несет!» — обращается фронтовая газета к летчикам и в том числе к Петру Енисееву, призывает его: «Летчики-дальневосточники! Родина ждет от вас еще более крепких ударов по японцам — до полного их разгрома». И тут же, успокаивая меня, газета рассказывает о неуязвимых наших истребителях, о том, что японские летчики боятся встречи с ними... Дочитав, я вздыхаю и смотрю в небо, словно могу в нем увидеть истребитель ЯК-9. Машина 64...

Я попросилась в санчасть сразу же, как только на второй день войны мы догнали уже в Маньчжурии свой батальон. Людмила Федоровна была рада, что я к ним пришла. Санинструкторов не хватало. Одного убило, другой ранен, третий носится по ротам.

Роты меняют колею и отстреливаются. Железнодорожное полотно — открытое место, и японцы из дзотов или просто с вершин сопок, замаскировавшись там, стреляют по нашим, когда те восстанавливают или перешивают путь.

Санчасть и весь штаб батальона раскинулись тесным лагерем в небольшой и негустой роще между железнодорожным полотном и ручьем. Поля гаоляна и редьки тянутся от нашего табора к подножию сопок, а метрах в 200 от нас железнодорожное полотно проходит под отвесными скалами, как сквозь узкий коридор. Вот там и есть тот подходящий рельеф местности, где японцы обстреливают пеший строй или эшелон. Стреляют здесь, однако, уже пореже. Наш 1-й Дальневосточный фронт продвинулся в глубь Маньчжурии чуть не на 200 километров, войска 2-го Дальневосточного приближаются к Харбину, Забайкальского — к Малому Хингану.

Маленькая безлюдная станция белеет под солнцем цинковой крышей, словно высохший череп в траве. Подойти к станции невозможно: тошнотворная вонь от нее за версту. Смердят убитые и еще не зарытые самураи и хунхузы, это бандиты, они нападают ночью, поэтому вокруг нашего табора усиленный караул. Я слушаю до рассвета голоса караульных и безотрывно думаю о Пете, мечтаю о поездке, где меня ждет письмо от него, а сама пишу ему каждый день длинные письма и кладу в общую кучу на штабной стол, но ни на одно еще нет ответа. Да и рано, и не до писем Пете теперь...

— Поедешь, Валя, в его город, — предложила мне сама Людмила Федоровна. — Я ожидаю из Москвы посылку с новыми лекарствами. Спросишь у жены комбата, у Лидии Ивановны. Даю тебе три дня. Сегодня двенадцатое, отправляйся сейчас же, после завтрака. Жду тебя обратно пятнадцатого. Мы еще, наверное, постоим здесь, а сдвинемся с места, найдешь.

Желтая пыль густо клубится над грузовиками, виллисами, доджами. Пробки на дорогах не разъезжаются по часу. Я скачу из кузова в кузов, лишь бы успеть на станцию к десятичасовому поезду. Если я на него опоздаю, то придется всю ночь сидеть на вокзале, а время идет.

Меня ни на секунду не покидают тревога и беспокойство, такая тревога и такое беспокойство, как будто мне вообще не суждено увидеть Петин город. Вечер вот-вот упадет на землю, солнце уже начинает садиться. Два истребителя прошли над сопкой, блеснули в светлом еще небе, а город уже окутала фиолетовая дымка, и он начинает растворяться в ней. Я побежала бы до города, если бы знала, что успею, но вот стою на КПП и терпеливо жду, когда же регулировщица смилостивится и остановит машину. Жду и жду.

— Прошу тебя, останови эту, будь добра! Мне обязательно надо успеть к поезду,— но регулировщица не слышит. Будто всю жизнь она ненавидела меня и наконец сегодня в кои веки ей представился случай отомстить мне за какую-то мою тяжкую вину.

— Опаздываю, понимаешь? А мне приказано завтра же обратно в Маньчжурию, — а она не слышит.

Я уже не прошу, а молча смотрю, как постепенно город тает. Огней в городе нет.

Пехотный лейтенант и напарница дежурной, свободная сейчас от службы и поэтому одетая в кофточку, юбочку, туфельки, любезничают возле землянки, где эти девушки, наверное, живут. Видно, что лейтенант и девушка недавно познакомились и влюблены.

— Останови этот пикап,— говорит девушка подруге.— Мне в город нужно. — И когда пикап послушно остановился, она сказала мне: — Садись. А то и правда опоздаешь на свой поезд.

— Спасибо,— поблагодарила я и чуть не заплакала. А с чего?

Посадка уже закончилась, когда я выбежала на перрон, но паровоз, словно бы ожидая меня, не торопился загудеть...

Город встретил меня таким же ясным утром, как и два месяца назад. Я направилась на наше подворье, где часовой одиноко слонялся от крыльца к крыльцу. Посылки на имя капитана Селезневой не было. Ключ от нашего общежития хранился у Лидии Ивановны. Наша комната с голыми кроватями нагнала на меня еще большую тревогу. Я быстренько умылась, причесалась, начистила сапоги, но бежать за письмом почему-то медлила, чего-то боялась.

Таня, та девчушка, что носила мне молоко, пасла на пустыре корову, и я у маленькой девочки попросила помощи: сбегать и постучать в Петину дверь, сказать ему, что Валя приехала. Пусть он придет сюда. А если его нет, то спросить у соседки, у тети Оли письмо.

Девочка не возвращалась долго-долго, я сидела в колючей, пожухлой траве и с замиранием сердца ждала, что вот сейчас по этой тропинке ко мне прибежит Петя.

— Дяди того нет! — крикнула мне посланница, подбегая.— А тетя сказала, чтобы вы сами пришли.

Оля на мой стук открыла сразу и посмотрела на меня очень строго.

— Здравствуйте, Оля.

— Здравствуйте.

— Извините, Петя говорил, что письмо для меня оставит у вас, если полк перебросят.

— Полк не перебросили.

— Значит, Петя здесь?

— Нет.

— Он улетел?

Оля молчала.

— Когда же он вернется? Я сегодня должна уехать обратно в Маньчжурию.

— Он не вернется.

— Почему?

Губы Оли раскрылись и закрылись. Она держалась за ручку двери, чтобы не впустить меня в квартиру. Ну, что же, нельзя, так нельзя. Не стану же я пробиваться туда силой.

— Почему он не вернется? Его перевели в другую часть?

— Он... Он... погиб...

Я не понимаю услышанного. Мотаю головой и ощущаю себя такой тяжелой, будто в меня выстрелили из множества автоматов и все пули застряли во мне — в горле, в груди, в сердце. Я хватаюсь за перила и не верю:

— Не может быть... Не может быть...

Капитан Воронин, муж Оли, поднимается по лестнице, и его лицо белеет.

— Валя? Вы? — удивляется он. — Как вы узнали? Кто вам сообщил? Вы когда приехали?

— Сегодня утром. Сейчас... Я приехала в командировку за лекарствами, а их не прислали. Пришла взять письмо, которое Петя оставил у вас, а вот Оля...

— Подождите, — говорит мне медленно Воронин.— Подождите. Если есть время... Часа через два привезут тело.

Крик вырывается из меня. Услышь я его сама, я от одного этого крика упала бы...

Жду я в Петиной комнате. Может быть, меня разыгрывают? Или ошибаются сами? Мог же разбиться другой летчик. Почему именно Петя? Вот привезут сейчас тело, и сами увидят, что это не Енисеев, а тот, другой летчик.

Кто-то стоит у окна и что-то пишет.

— Это ты, Володя? — спрашиваю я, а он закрывает лицо руками и отворачивается, я хочу его спросить, что же он написал, а он выбегает из комнаты.

Две строчки написаны красным карандашом на подоконнике. Первая. «Петр Гаврилович Енисеев родился 20 сентября 1922 года. Погиб 12 августа 1945 года». Вторая. «Владимир Васильевич Тимченко родился 6 июля 1922 года. Погиб...» И многоточие после слова погиб...

Володя держит меня одной рукой за плечо, я сижу на койке и стукаю зубами о край чайной чашки.

— Валя, Валя... Ты ведь солдат. Ты забыла? Ты солдат!

Наверное, я громко плачу?

Все идут. Я иду рядом с Володей. Красный гроб посредине зала. Это их клуб. Аэродромный. Мы с Петей в вечер моего отъезда зашли сюда и протанцевали одно танго. Володя стоял у стены и смотрел на нас с улыбкой.

— Валя, не надо. Держись. Ты солдат.

— Кто ей сообщил?

— Не может быть!

— Верно. Сама. В командировку. Утром. Из Маньчжурии.

— Не может быть!

Я прошу, чтобы подняли крышку гроба, хочу посмотреть на Петю в по-

следний раз. Все молчат и переглядываются.

— Откройте! — умоляю я какого-то подполковника.— Я не буду плакать, откройте!

— Нельзя нарушать наш обычай,— говорит мне Володя.— Понимаешь, у нас, у летчиков, обычай такой, прощаться с закрытым гробом.

— Как же открыть? — шепчет кто-то тому подполковнику. — Разве можно ей показывать?

— Валя... Валя...Ты же солдат... Солдат...

— Я Сысоев, ведомый Енисеева. Вы помните меня? Я Петин ведомый. Японцы обстреляли нас, когда мы уже шли от Гирина. Я видел, что попали в Енисеева, но он шел нормально, ну, думаю, дотянет. А после Гродеково он вдруг пропал за сопкой,— объясняет мне лейтенант небольшого роста и показывает руками полукруги, но его кто-то тянет сзади за гимнастерку и он уходит, не досказав, и смотрит на меня издалека виноватыми глазами. Он хочет оправдаться, но я его не оправдываю. Все это ужасно несправедливо! Все, все живы, стоят вокруг гроба, а Петя лежит в гробу...

Он разбился вчера вечером, а нашли его сегодня утром. Подбитый истребитель врезался в сопку...

До кладбища дошли очень быстро. Были все там недолго.

— Уходите все, — прошу я. — Уходите. Я побуду с ним. Дайте мне побыть с ним.

— Идем, — зовет Володя. — Идем, Валя. Придем с тобой сюда завтра.

— Уходи и ты, — отвечаю ему.

Прохладный, рыхлый холмик, на котором я лежу, обняв его руками, Петина могила. Петя смотрит мимо меня. Он серьезный, не улыбается, и заметно, что верхняя губа у него по-детски выступает над нижней. Он в фуражке. Я ни разу не видела его в фуражке. Фотографию эту отклеили с Доски почета и прикололи кнопками к красной пирамидке.

— Мне ты свою карточку забыл подарить. Обещал и забыл.

Я лежу и разговариваю с ним, говорю ему про все, что чем все эти дни, когда мы были в разлуке, хотела рассказать при встрече. Сегодня мы встретились. Мы вместе. Никто нам не мешает. Все ушли. Всем некогда. Нельзя же отменить боевые вылеты. Я одна на кладбище. Здесь тихо и пахнет знакомо, как возле речки у моста,— сырой землей. Земля мягкая. Прижимаюсь к ней щекой, закрываю глаза и вижу Петино лицо, не такое, как на этой карточке, а веселое, с каким он шел ко мне в день моего отъезда.

— Девушка, нельзя же так. Мы давно смотрим на вас, а вы с трех часов лежите и плачете. Нельзя так долго лежать на сырой земле. Вы простудитесь. Идемте ко мне. Вон мой дом, через дорогу отсюда. Вы сядете у окошка и будете смотреть на могилку. Ее из окна хорошо видно. Сидите себе и смотрите,— уговаривает меня молодая женщина в полотняном платье.

— Ах, доченька, ах бедная... Не плачь. Не воскресишь, не подымешь,— всхлипывает толстая пожилая тетка с толстыми босыми ногами и с хворостиной. Она пасет черную козу с длинной-длинной тенью.— Муж ои тебе был? Или не расписанные жили?

Лунный свет замутил фотографию Пети. Мне его уже не видно. Поднимаюсь и почему-то пошатываюсь. Говорю Пете:

— Ночь уже. Спи. Приду к тебе завтра.

И иду. Лунная моя тень ползет по шоссе впереди меня, цепляется за невидимые камни.

— Ночуй у меня, Валя.

— Дайте ключ, Лидия Ивановна.

Отпираю пустую квартиру, прохожу в нашу комнату и ложусь на голую койку. Железная сетка вышвыривает меня обратно. Надо идти к Пете! Зачем я ушла от него? Он там один ночью, ему там страшно.

— Задержи ее! Задержи! — кричит часовому Лидия Ивановна и бежит за мной, потом они вдвоем ведут меня к ней.

— Мне нужно к Пете,— объясняю я им, потому что они не поняли, зачем я вышла на шоссе.

— Утром сходишь проведать. Утром,— говорит часовой.

— Сейчас,— настаиваю я, а он крепко сжимает мою руку.— Пусти,— прошу его я.— Отпусти. Мне больно.

— Сейчас ночь, второй час ночи, как же я тебя отпущу на кладбище? — упрашивает Лидия Ивановна, и я соглашаюсь подождать до утра.

Солнце светит в спину, подгоняет меня, а я все никак не могу уйти с кладбища. Отойду на несколько шагов, обернусь и снова бегу к могиле. Никогда в жизни, может быть, я не вернусь сюда. Поезд отходит в одиннадцать, на нем доеду до какой-нибудь станции, а потом доберусь на попутных машинах...

Мне нельзя опаздывать на этот поезд, мне нельзя оборачиваться, потому что я снова вернусь к Пете, снова упаду на могилу. Земля уже подсохла, зачерствела, но, когда я прижимаюсь к ней, я ощущаю ее теплое, живое дыхание.

Ярко-красненький столбик все меньше и меньше, я бегу по шоссе, я поминутно оглядываюсь, я ничего не вижу за слезами, только красненькое, искрящееся пятнышко.

— Включи радио, Валя! — восклицает с порога Лидия Ивановна, вбегает в комнату и сама включает репродуктор.— Слышишь? Японцы просят пощады. Война кончилась!

— Не кончилась еще, мы же им не ответили,— говорит экспедитор Чирков, входя следом за Лидией Ивановной.— Собирайся, Валентина, обратно я тебя повезу,— он, наверное, хотел сказать, что мы с ним опять поедем вместе, как ехали в Варшаву. Я ничуть не удивлена, что он вдруг очутился здесь, а он объясняет: — По делам тут ездил и вот для них, — показывает он на Лидию Ивановну, — письмо и посылочку завез от жены подполковника Бабака.

— Очень вовремя это письмо,— шепчет ему Лидия Ивановна.— Боялась я отпускать ее одну. Она в ужасном состоянии. Не в себе немного. Не похожа на себя.

Чирков долго ругается с артиллерийским старшиной, потом мы лезем в кузов. Грузовик ревет, втягиваясь на крутую желтую сопку. Кусты вдоль дороги напудрены желтой пылью. Стрелковая рота с полной выкладкой тащится вслед за нами в гору. Молоденькие солдаты, красные, потные, идут на последнем выдохе, и те, кто ближе к грузовику, стараются уцепиться за борт.

Ночью мы сидим с Чирковым под каким-то соломенным навесом и слушаем частые выстрелы, они утихают к рассвету. Идем по дороге, петляющей между сопок, и выходим на равнину. Зеленая сопка возвышается над ней, а на склоне в порослях низкорослого маньчжурского дуба виден дзот.

— Оттуда он, самурай, и строчит. А если у него в запасе сто ящиков патронов? Так и будет до нового года строчить? Вот точно так палил один по нашей третьей роте. Потом замолчал. День молчит, два. Наши соскучились, полезли туда, а он, гад, лежит в дзоте, зарезанный, а рядом жена и мальчишка, тоже зарезанные. Значит, он сначала их, жену и сына, а потом себе сделал харакири. Ну не сволочь? Их-то за что?

Опять едем. Горячая пыль висит над кузовом и сквозь нее видно, как обтекает грузовик идущая навстречу колонна. Одежда на пленных другая — цвет ее и покрой, и разрез глаз другой на желтоватых лицах, а выражение то же самое, какое было у пленных немцев в Жлобине,— угрюмое, безразличное.

— Давай, давай, Валька, жми! — зовет Чирков, оборачиваясь, а я за ним не успеваю.

Дорога спускается к переезду, а на путях стоит эшелон. Красное, запыленное солнце уже наполовину спряталось за сопку. Пыль вокруг меня тоже красная. Эшелон тронулся, но Чирков вскочил на ходу в теплушку и машет мне рукой. Я кидаюсь к тормозной площадке следующего вагона, ухватываюсь за поручни и долго-долго вишу, поджав колени, но вот подтягиваюсь, упираюсь коленкой в приступку и поднимаюсь. Влезла. И села на пол. «В чей же эшелон мы попали? Куда он едет?» — думаю я.

— Эй, Чирков,— спрашивает кто-то, высунувшись, наверное, из вагона, и поэтому мне так ясно слышно.— Эй, Чирков, села эта тетка, что бежала с тобой?

— Села, — отвечает Чирков. — Какая же она тетка.

Остановились. Полнеба закрывают собой потемневшие сопки. Небо уже выцвело.

— Слезай сюда,— приказывает Шония, а я молчу, не двигаюсь и удивляюсь: откуда он взялся? — Тебе говорят, иди сюда!

— Боже мой, Валька, это вы? — произносит Гершмульский, будто видит не меня, а мой призрак. Я сажусь на свой ящик и провожу по его доскам ладонью.— Валька, это вы в самом деле?

— Ну что ты заладил, Гершмульский! — обрывает его Чирков.— Вот привез я ее вам обратно. Доехали, Валь! — обращается он ко мне, как к глухонемой.— А ты чуть не отстала.

Улыбаться мне больно, болят скулы и щеки, как будто я в жизни своей ни разу не улыбалась. Но если в моем сердце сохранилось самое крохотное

местечко для радости, то я рада, я безумно рада, что снова сижу на своем ящике в штабном вагоне родного батальона. Я хочу спросить, что случилось в штабе, отчего Маркин и Зыков смотрят мимо меня? Чем я им не нравлюсь? Тем, что вернулась? Но произносить слова мне тяжко.

— Всю дорогу молчит с того дня, как схоронила,— говорит шепотом Чирков моему лучшему другу, и оба они вздыхают...

Снится мне Петя. Не похороны его, не красный гроб и пирамидка со звездой и фотокарточкой, а он сам, живой, смеющийся, ласковый и теплый, и я бросаюсь в его объятия. Просыпаюсь и вспоминаю, что Пети нет. Он погиб. Я никогда-никогда его не увижу. Разлука эта навеки, на всю-всю мою жизнь. И зажмуриваюсь от боли.

Часовой у знамени вздыхает и молчит. Ему нельзя разговаривать, и это хорошо, и он не спрашивает, почему я так долго сижу и смотрю на свечу. А я ее не вижу. У меня перед глазами длинная дорога на кладбище, а на нем далеко, сквозь туман, искрится красненькая звездочка...

Эшелон стоит на разъезде. Слышно, как только бывает слышно ночью, как перекликаются голоса и раздается команда:

— Раз-два, взя-а-ли!

Это выгружается вторая рота. Она здесь останется.

— Ага, Лебеденко нашлась. Очень хорошо, приступайте к работе,— говорит утром подполковник Бабак, будто я отстала в пути и отсутствовала день или два, а не полгода.— Спросите у капитана Шонни, отдал ли он эскизы во вторую роту и сколько экземпляров.

— Нечего было отдавать,— сообщает Зыков.— Их никто еще не чертил, ваши эскизы.

— Девица вернулась? — роняет мимоходом полковник Дорошевич, собираясь спуститься из вагона, а мне казалось, что комбат не заметил меня. Он принимал рапорты, отдавал приказания, «снимал стружку» все тем же брюзжащим голосом, которого я раньше так боялась.

— Товарищ полковник, она к нам самовольно прибежала! Она вскочила вчера к нам в вагон прямо на ходу поезда! — опять встревает Юрка Зыков.

— Самовольно? — переспрашивает комбат и с чуть заметным намеком на улыбку оборачивается ко мне, и все, кто есть в штабном вагоне, смотрят на меня тоже.— Не прогонять же,— отдает батя еще одно приказание и соскакивает с лесенки на гравий междупутья.

Еще до обеда мы прибываем в Муданьцзян. Штаб бригады прибыл сюда двумя часами раньше и здесь выгружается. А мы, оставив в городе техроту, склады, санчасть, проследуем с первой ротой дальше по линии Муданьцзян—Харбин...

Подразделения нашего мостового батальона растянулись по всей линии от Муданьцзяна до Харбина. Война окончена, капитуляция подписана, но окончательного мира нет. Шайки хунхузов и самураев не перестают пошаливать, и ротам на перешивке колеи приходится отстреливаться по ночам.

Рисунки Р. Авотина.

Штаб батальона расположился на малюсенькой станции на берегу широкой, разлившейся двумя рукавами речки, текущей из-за разноцветных сопок. Первые — зеленые, тронутые уже оранжевыми пятнами, следующие — зеленовато-желтые, а самые дальние — голубовато-фиолетовые. Все это вместе с каменным арочным мостом красиво отражается в воде. За этим мостом, если смотреть от воды сквозь арки, виден второй, тоже многопролетный, каменный.

Сопки, густо поросшие кустарником, поднимаются круто от реки, листва низкорослого дубняка уже разноцветная — желтая, ярко-зеленая, пурпурно-красная. Сказочными замками торчат сквозь пестрые кусты серые острые скалы, а по берегу и вдоль воды лежат в зарослях осоки гладкие круглые валуны. Ими укреплен берег.

Дожди все вылились, и по ясному, синему небу бродят розовые и белые облака. Наступила та золотая пора, дальневосточная осень, о которой мне говорил Петя. Он и теперь говорит со мной, когда нам никто не мешает.

— Давай, посидим, — зову я его, и мы с ним садимся рядышком на плоский камень и смотрим в огонь.

Солдаты еще засветло бросили костер на берегу, а я, искупавшись, сижу возле огня и греюсь. Река быстрая, мелкая и очень холодная. Звезды, упав с бархатного неба в студеную воду, блестят в ней, как кристаллики льда...

Я ухожу от людей, лишь представится возможность. Одной мне лучше, я могу без помех вспоминать о том счастливом и недолгом времени, когда была Петиной невестой. Война кончилась, а моего жениха нет, он погиб на пятый день этой короткой войны, которая и продолжалась всего двадцать шесть суток...

Доклад командира отдельного мостового батальона полковника Дорошевича о восстановительных работах на 1-м Дальневосточном фронте за период военных действий — с 9 августа по 3 сентября — я переписала начисто. Нарисовала и мосты, раскрасила акварельными красками окружающий их пейзаж — воду, сопки, небо... Старательно выводила буквы тушью, тонким пером, как на 1-м Белорусском, когда и не знала, что приеду на Дальний Восток, случайно попаду в город и здесь встречу летчика Петра Енисеева. Теперь в этом городе осталась его могила.

Войны не бывает без могил. Я еще не знаю, жив ли мой дядя Алеша. Может быть, похоронен он в какой-то братской могиле, в каком-то лагере для военнопленных на чужой земле...

Равнинка между сопок на противоположном берегу расчерчена узенькими зелеными и желтыми полосками крохотных полей и огородов. Китайские фанзы тесно сгрудились возле речки. Заливает их, пожалуй, в паводок, судя по широкому руслу, по множеству наносных камней на островке между рукавами. А вот живут люди, не покидают привычного места, терпят. Терпение — неотъемлемое условие бытия, — это я усвоила за все четыре военных года, и особенно в последний месяц. Боль душевную, как и стужу, надо перетерпеть, переждать, пережить, и никуда от нее не денешься.

ХАРБИН

Сегодня 14 октября. Два месяца минуло и начался третий с того печального дня, как схоронила я Петю. Разбился он 12 августа, а 13 его хоронили...

В Харбин мы прибыли ночью, и вот уже прошло утро, тянется день, а все еще неизвестно, тронется ли наш эшелон сейчас или через час и куда мы поедем. День теплый, как в конце лета, солнце, затуманенное паровозным дымом, мягко сияет над Харбинским вокзалом. Я выхожу прогуляться по перрону, а потом и на привокзальную площадь, где раскинулся маленький базар. Продавцы-китайцы сидят на корточках, а товары, галантерейная и парфюмерная мелочь, разложены на рогожах или на листах оберточной бумаги.

— Фуцзядянь! Пристань! Модягоу! Нанган! — выкликают извозчики-китайцы место следования экипажа. Повозка широкая и плоская, как стол, берет столько седоков, сколько их может уместиться, сидя плотно по краям и свесив ноги.

Китайцы, все в одинаковых синих куртках и черных штанах, завязанных у щиколоток, едут в Фуцзядянь, а в Модягоу отправляются русские — стари-

чок в измятом плаще и измятой шляпе, женщина с зонтиком, молоденькая парочка — гимназист с гимназисткой и пожилой русский железнодорожник с зеленым железным сундучком.

На площадь с тарахтеньем и скрежетом въехало такси — облезлый, помятый, забрызганный грязью автомобильчик, работающий на дровах. Газогенераторный баллон, смахивающий на титан или колонку, укреплен сбоку, а в багажнике шофер возит топливо — мелкие чурбачки. К шоферу подошли договариваться двое японцев в военной форме. Пленные совершенно свободно разгуливают по городу в одиночку и группами, и никто из харбинцев — ни русские, ни китайцы — не обращают на них внимания.

— Где ты ходишь, Лебеденко? — кричит из штабного вагона Юрка Зыков, когда я возвращаюсь на перрон. Получен приказ. Я, военнослужащая женщина, чертежник по специальности, могу сию минуту сесть в скорый поезд, если бы он ходил, и ехать в Москву. Меня демобилизовали.

Леня Кокарев щелкает на счетах и выписывает мне справку, по которой я получу здесь, в Харбине, в отделении Советского банка, кучу денег — полторы тысячи рублей! Юрка Зыков отстукивает на машинке «проходное свидетельство» — самый важный в пути следования мой документ. Маркин сбегал и принес от заведующего вещевым складом отношение, чтобы в штабе бригады мне выдали новое обмундирование.

— Зачем оно мне теперь?

— Бери, бери, пригодится. Перешьешь шинель на пальто! Думаешь, легко тебе будет жить на студенческую стипендию?

Серьезные пожелания, шуточные речи, поздравления я выслушиваю, как во сне, и, как во сне, иду за начальником штаба. Майор Антипов ведет меня для последнего напутствия к комбату, а командир батальона вдруг предлагает:

— Оставайтесь. Как же вы поедете одна через всю Маньчжурию? Ходят ведь пока что только товарные поезда. Рассчитываете ехать на тормозной площадке? Зачем вам непременно сейчас уезжать? Оставайтесь,— повторяет полковник Дорошевич и смотрит на меня уже не командирским взглядом, а как хороший мой знакомый.— Будете продолжать служить в технической части, как и служили до сих пор, и выполнять ту же самую работу, но уже вольнонаемной чертежницей, и вам начислят зарплату. А когда батальон возвратится в Союз, тогда уволитесь и получите расчет.

— Спасибо,— отказываюсь я.— Мне нужно поскорее в институт.

Сумерки теплые, будто сейчас не осень, а весна, а мы вроде не прощаемся, а вышли вечерком прогуляться по незнакомому городу. Останавливаемся в конце улицы на перекрестке против церкви. Небольшая толпа возле нее и на паперти чего-то ожидает. Двери распахнуты, и видно, как ярко горят внутри свечи.

— Возвращайтесь, ребята, а то эшелон уйдет без вас,— отсылаю я своих провожатых.

— Запомнила улицу? Спрашивай у патрулей. Патруль обязан знать, где находится штаб нашей бригады,— учит меня Леня.

— Ты нам сразу напиши, приняли тебя в институт или нет и как вообще доехала,— просит Федя.

— Валька, они как хотят, а я поцелую тебя на прощание,— объявляет Кузьмич и вздыхает: — Мы же теперь в штабе со скуки, как мухи, передохнем,— и я целую на прощание всех четверых — Кузьмича, Леню, Федю, Юрку, потом стою и смотрю на их удаляющиеся спины, стою и смотрю, а ноги мои хотят бежать следом...

Батальон отправится сейчас на Мукден, а я опять отстала!

— Предъявите документы, девушка,— обращается ко мне патрульный. — Далеко следуете?

— Я ищу штаб бригады желдорвойск.

— Бригада ваша на Модягоу. Вот так все прямо и прямо, потом налево. Белогвардейский, между прочим, считался район. Хотя есть в Харбине очень преданные Советскому Союзу люди. И вообще Харбин ничего себе, веселый городок. «Баядера» идет в театре и «Тетка Чарлея». Рестораны и кафе работают до двух часов ночи.

— Есть театр? — не поверила я.

— Билеты достать трудновато. Но я свободно мог бы. Все же комендатура. Эх, жаль, что сегодня я в наряде. Сходили бы мы с вами на «Баядеру». Смотрите-ка, опять свадьба,— показал моряк в сторону церкви.— Дожидаются невесту и жениха. Приедут сейчас венчаться. Свадьба за свадьбой в этом соборе, с тех пор как выставили японцев из Харбина. Не давали они, что ли, русским жениться?

— Слава создателю, окрутили! — сказала девушке пожилая полная дама, обернутая горжеткой, и они, наверное, мать и дочь, пошли в конец длинной очереди поздравлять новобрачных. Народу в соборе много, и только одни русские.

Ковровая потертая дорожка тянется под ноги к молодой паре. Невеста бесцветная и усталая, жених тонкошеий и тоже усталый, а в глазах обоих облегчение: слава богу, окрутили!

— Ой, мамочка, как я ей завидую! — говорит дочь даме в горжетке.

— Чему завидовать? — отвечает дама.— Он в кондитерской на Пристани у китайца служит. Вон Манечка Тамбовцева за русского, за советского офицера выходит, он ее в Россию увезет. Вот это счастье так счастье!

Таксист на улице греет мотор: подбрасывает в газогенератор чурбачки, и оттуда, как из самоварной трубы, вырывается пламя.

— А мы смотрим на вас и говорим, вот и советская военная барышня помнит о боге, зашла помолиться. Как приятно это видеть! — обрадовалась мне седая женщина, идущая под руку со старичком.

— Нет, я венчание заходила посмотреть, а молиться я не умею.

— А вам и не надо уметь! За вас, за всех вас, советских военных, молится весь белый свет, все православные люди. Как же за вас не молить бога? Часто нам приходилось здесь плакать от обид, от унижения, от тоски по родине, а теперь вот плачем от гордости. Вот мечтали все эти годы здесь, на чужбине, что доведет бог, хотя бы перед смертью, взглянуть на родину, а она, матушка, вспомнила про нас сама, пришла к нам, сиротам. Московский ваш патриарх Алексий приехал в Харбин, служил вчера в этом соборе. Ах, какую проповедь преосвященный прочитал! Как говорил он! «Православные харбинцы! Помните, что все вы русские люди! У нас с вами одна истинная родина — великая Россия!» Все прихожане, все кто в соборе был, рыдали...

Длинный паровозный гудок доносится снизу от вокзала, словно кричит мне: «Ва-лен-ти-на-а-а-а, про-ща-а-а-й!» Я прислушиваюсь и вижу не глазами, а сердцем тесноту штабной теплушки, наполненную голубым махорочным дымом и зыбким светом мерцающей на столе свечи. Неразговорчивые сегодня писаря укладываются спать на своих секретных и несекретных сундуках, и лишь мой ящик останется незанятым...

МОСКВА, 1946-й

В институт я езжу одиннадцатым троллейбусом. Он ходит от площади Коммуны и делает там круг. А если утром троллейбуса долго нет, то я иду на трамвай. Тридцать седьмой останавливается на Бахметьевской улице напротив ворот МИИТа. Возвращаюсь домой я поздним вечером, потому что сижу в читальном зале, пока его не закроют. Седая худенькая женщина со снисходительным добрым взглядом несколько раз произнесет: «Товарищи студенты, сдавайте книги, закрываю», — но никто даже не обернется на ее предупреждение. Тогда она, улыбаясь, словно шалости любимых детей, выходит из-за загородочки перед стеллажами и гасит верхний свет. Настольные лампы продолжают освещать склоненные над книгами настырные молодые головы.

Мне трудно учиться, я кажусь себе очень старой и глупой и жалею, что не осталась чертежницей на всю жизнь, и подбадриваю себя мыслью, что всем фронтовикам трудно. Их в нашем институте много, шинели густо мелькают в очереди у раздевалки, и в большинстве своем это все хорошо сшитые офицерские шинельки. На лекциях и семинарах преподавательский взгляд с уважением задерживается на тех парнях, кто в гимнастерках, да к тому же при орденах. Я хожу в институт в сереньком костюмчике, купленном в Харбине, в китайской лавке на Пристани, и ношу на лацкане жакета планку с двумя колодочками. Ленточка медали «За победу над Германией» известна всем, а вот о другой — «За победу над Японией» — меня спрашивают часто...

До Трубной площади прошагала я за высоким летчиком. Посидела на скамье на Цветном бульваре, плетусь обратно. Вот свернула на Садовое кольцо. Парикмахерская в полуподвальчике на углу Цветного и Садовой обдает теплым мыльным ароматом. Румяная молодая женщина со счастливыми глазами окликает меня:

— Девушка! У вас ресницы потекли.

— Спасибо, я знаю,— отвечаю я ей, достаю из портфеля носовой платок, тру глаза и опять удивляюсь: зачем я накрасила ресницы? Они же черные и без того. Никогда я их не красила. Или подействовал наступающий март и захотелось одинокой девушке быть красивой?

Лифт в нашем доме опять не работает.

— Всю войну не работал. Но тогда думали, так и надо, трудности. А нынче чинят его, почитай, каждый день, и все равно, то подымает только до третьего, то вовсе застревает между пятым и шестым.— Лифтерша рассказывает мне все это, чтобы задать вопрос: — Замуж, Валь, не собираешься? Ефросинья ваша что-то говорила, будто скоро выходишь. А за кого? — я не отвечаю, и привязчивая тетка меняет разговор: — Настя твоя только что пошла с сумкой, должно в магазин. Ключ у тебя с собой?

— Да,— отвечаю я, и лифтерша довольно улыбается: поговорили.

— Кто это пришел?

— Известно, кто. Наша мурло.

Мурло это я, а разговаривают на кухне Александра Михайловна и Ефросинья, мои соседки.

— Ах, Фрося, ну как вам не стыдно. Она ведь слышит.

— Пусть слышит! Для того и говорю, чтобы слыхала. Строит из себя цацу. Фронтовичка. Тоже мне! Небось, было их у ней на фронте и перебыло.

— Что же с того, если и так. Разве она виновата? Война виновата. Помните, как она раньше смеялась? А вот вернулась и не смеется, молчит и ничего не рассказывает. Молчит и молчит. И дяди своего она уже не дождется. Ах, какой интересный был мужчина, Алексей Иванович!

— Заладили опять про одно. Вам бы все об мужчинах. Пора бы уж забыть. Муж у вас есть, заимели, хоть и пожилой, да ведь и вам, поди, шестьдесят скоро.

— Черствый вы человек, Фрося. Прямо сказать, грубая вы женщина. А за что вы на Валю злитесь?

Злится на меня Ефросинья за женихов. Дважды она пыталась устроить мое счастье. Второй жених, ее родной племянник, заявился шикарно одетым — в кожаном пальто, в меховой шапке, в фетровых белых бурках,— и пощелкивал кожаными перчатками.

— Не признавайся ему, что ты служила в армии,— предупредила меня Фрося.— Мужики фронтовичек не любят, им честную девушку подавай.

Гость вошел с развязным видом, уверенный, что здесь рады будут услышать даже скрип его шагов. Красная звездочка лежала посредине ватманского листа, на котором я чертила.

— Чья это? — спросил гость, показав на звездочку и кладя рядом с ней коробку папирос «Казбек».— Кто это ее у тебя забыл?

— Моя,— ответила я спокойно.— С моего головного убора. А папиросы уберите обратно в карман. Я не курю.

Претендент на мою руку прошелся по комнате, измерил шагами и вторую, оглядел стены, задержался взглядом на портретах Алеши и Пети.

— Много их у тебя было?

— Кого? Звездочек? — прикинулась я непонятливой.— Одна. Летом на пилотку, зимой на шапку.

— Их,— и кивнул на Алешу и Петю.

— Пошел вон,— сказала я, не вставая со стула.— А ну давай, проваливай отсюда! Быстро!

Ефросиньин плачущий голос громко извинялся в прихожей, а голос отвергнутого жениха успокаивал:

— Да, ладно, не расстраивайтесь, тетя Фрося. Добра-то ведь этого нынче навалом, только выбирай, и получше есть. Вон хочет познакомиться со мной одна порядочная девушка. Дочь генерала! А у ней отдельная квартира, не ваша коммуналка.

Проводив племянника, Ефросинья подлетела к моей двери, отворила рывком и выкрикнула:

— Сдохнешь в девках!

А я швырнула ей под ноги забытую гостем коробку «Казбека».

Карточку Пети прислал мне Володя Тимченко, она точно такая же, как и та, что приколота кнопками на красненькой пирамидке на Дальнем Востоке. Алешу я снимала сама. Он смотрит прямо и чуть-чуть грустно, будто жалеет меня. Студентки, которые впервые приходят ко мне, обязательно спрашивают: «Это из какого фильма? Это какой артист?»

А это все из жизни...

— Валечка, можно к тебе?

— Да, да, Александра Михайловна, входите,— отвечаю я, утирая украдкой от нее глаза.

— Извини, Валя, ты не обижаешься на меня? — спрашивает виновато добрая моя соседка. Ей неловко, что я слыхала разговор на кухне. Всякий раз после злобных ефросиньиных речей Александра Михайловна приходит ко мне извиняться.— А если не обижаешься,— продолжает она,— то почему же не рассказываешь, как съездила домой, как встретили тебя родные? Ну как же там было, дома?

— Хорошо было,— отвечаю я, задумываясь, вспоминая дом и недавнюю поездку.— Мама не узнала меня.

— Да что ты?! Не узнала...— непритворно удивляется моя собеседница, хотя ей о моем путешествии в родные края все уже известно от Насти.

Поездка вместо двух с половиной (как до войны) продолжалась пятеро суток. В поезде я почувствовала себя так, будто все еще возвращаюсь из Харбина и в Москве останавливалась всего на два дня, а не провела здесь два месяца. Приехала в Москву в начале декабря, а в начале февраля лишь смогла отправиться на родину. Наступили зимние студенческие каникулы, а я снова стала студенткой.

Военных пассажиров было много. Начался новый, сорок шестой год, а солдаты и офицеры все еще ехали с войны, окончившейся в сорок пятом. Пересадка на другой поезд была в Армавире. Проводники объявили, что, кому надо на Минеральные воды, пусть выходят сейчас, а этот состав пойдет на Майкоп, на Туапсе. Высадились ночью в степи, станция ли, разъезд ли, ничего не видно, и побрели длинной чередой то по шпалам, то по глубокому снегу, подгоняемые вьюгой, боясь отстать друг от друга, чтобы не сбиться с пути. Дощатая, в щелях стена с навесом, сквозь которую намело сугроб, называлась станция Армавир, и сюда в десять часов утра пришел пассажирский поезд. Попасть в вагон оказалось не легче, чем в Иркутске. Но я попала. А в Минеральных водах я дала телеграмму тете Нине и пересела в скорый до Махачкалы. Дальше поезд не шел, а то я поехала бы до дома без остановки. Встречать меня пришли все: обе мои родные тетки, сестры моей родной матери Глаши, и дядя Миша,— и затем три дня были исполнены такого внимания, такой нежности ко мне, что если бы разделить на нормальные порции, то хватило бы на долгие годы.

Но все внуки и внучки не смогли бы заменить бабушке Матрене Степановне Громовой ее сына Алеши. Она не переставала плакать об Алексее. Пенсию ей за него выплачивали, но вот ответить, где он, живой или мертвый, никто не мог...

Домой, не сообщая заранее, я поехала местным поездом, рабочим. Он назывался так за то, что уходил из Махачкалы в шесть часов вечера, а к нам прибывал в десять часов ночи. Для нашего маленького города это была уже ночь. Но лишь показались первые огни родного моего города, я уткнулась лбом в черное стекло, пытаясь что-либо разглядеть. Когда подъезжаешь днем, город появляется впереди постепенно, частями. Сначала видна крепость на горе. Гора, приближаясь, поворачивается к окнам вагона городом, начинающимся от основания цитадели. Две крепостные стены спускаются по отрогам до самого моря. Спускались когда-то в далекие века, а сейчас это остатки стен... Между ними наверху у самой крепости уже можно разглядеть кубики домов, теснящихся друг к другу. Это верхние кварталы, магалы. Улочки их, похожие на каменные ущелья, остались такими же, как были и при Петре Первом, и при декабристе Бестужеве-Марлинском... Видно уже справа от крепости старое мусульманское кладбище, его каменные покосившиеся столбы, а выше на горе — русское, где покоятся мой дед Иван, мои дядья и тетки и моя родная мать Глафира...

...Вот к окнам вагона подступают виноградные сады, а в их зелени уютные домики с плоскими крышами... Вот начинается первая улица — ряд домов вдоль железнодорожного полотна. И вот он, маленький каменный дом с акацией у крыльца. Сколько раз ни проезжала я мимо, ни разу не проглядела этот домик за крепостной стеной. Улица так и называется «За крепостью», другого названия у нее нет. Домик этот принадлежал путевому обходчику Ивану Громову, моему деду. Его убило поездом, когда он после ночного обхода возвращался домой. Он упал мертвым на бровке полотна, напротив своего порога. Деду было тридцать шесть лет и оставил он шестерых сирот...

Все это я, прижавшись лицом к темному окну, видела сердцем, а оно колотилось, подскакивая к горлу, а в окне ничего нельзя было разглядеть. Зимняя мгла, мелькая расплывчатыми незнакомыми огнями, проплывала мимо. Перрон быстро опустел, никто не узнал и не окликнул меня, не спросил, откуда я вернулась. Я спустилась по лестнице на привокзальную площадь, представляющую собой мощенный булыжником пятачок между зданием вокзала и крохотным сквером, который когда-то назывался железнодорожным садом. Кажется, я сейчас могла бы показать ту скамейку, на которой сидела красивая молодая тетя в голубом платье и с черной длинной косой. «Познакомьтесь, Тося,— сказал папа,— это и есть мой Таракан». «Таракан? — переспросила тетя и засмеялась, и стала

еще красивее.— А похожа на девочку. Девочка, как тебя зовут? Валя? Сколько тебе лет? Пять? О, какая ты уже большая!»

Дом наш двухэтажный, со сплошными галереями и двумя наружными деревянными лестницами, старый глинобитный дом в глубине двора, упирается задней стеной по самую крышу в землю. Наша квартира внизу, в правом углу. Каменная высокая дворовая стена начинается от нашей галереи. Я постучала, но никто не отозвался. Спрашивать у соседей я постеснялась среди ночи и пошла к бабушке в город. Так уж принято у нас говорить, если идешь даже за две улицы от вокзала.

Я иду, а город спит, мой родной город спит и не знает, что я вернулась. Я смотрю вокруг, будто вижу все в первый раз, как увидел бы все Петя. Могли же мы с ним приехать сюда вместе? Шли бы по ночному, освещенному луной городу, я рассказывала бы о нем мужу. «Видишь? — говорю я Пете.— Вон крепость, а вон два аула. Слева Джалган, справа Сабнова...»

Иду как во сне. Может быть, город мне снится? Часто видела я его во сне, и сейчас, как во сне, иду-иду, иду-иду, а все еще далеко до маленькой церкви, где во флигелечке, бывшем доме священника, живет моя бабка, мать моего отца, Петра Лебеденко, ожидающая его и поныне... Бабушкины окна темные, и во всех окнах во дворе темно. Стучу в низенькую дверь и тут же слышу бабушкин голос:

— Кто там? — а я от волнения не могу ответить.— Кто там? — повторяет бабушка, и я громко кричу:

— Откройте! Это я, Валя!

— Ой! — произносит она, словно ее покидают силы. — О-о-х... Чья ты, Валя? Наша?

— Ваша! Ваша!

— О-о-ох...

Может быть, и эта моя бабка обрадовалась бы сильней своему сыну, своему первенцу, но ведь и я сама была его частью, и поэтому мне досталась вся ее невыплаканная радость...

Домой, к матери, бабушка меня не пустила, сказала, что мать задерживается сейчас на работе в конторе, придет очень поздно, пусть спокойно поспит. Пошли мы утром, оно выдалось необыкновенно светлым от яркого солнца и белого снега, будто нарочно выпавшего в честь моего возвращения.

Дойдя до базарчика, совсем уж недалеко от маминого дома, бабушка сказала:

— Иди одна. А я муки на пирог куплю и приду следом. Тут бабы муку стаканами продают,— но я догадалась, что не хочет она мешать нашей встрече.

Мать не узнала меня. Она собиралась на работу, а к ней пришла зачем-то свояченница, жившая в соседнем дворе. Они обе увидели в окно, как через двор идет с чемоданом незнакомая девушка в шубке и направляется прямо к маминому крыльцу.

— Вчера встречал, а она вон сегодня утренним приехала,— сказала свояченница. Ее квартирант ждал вчера приезда жены и выходил к вечернему поезду.

Я, не постучав, вошла в галерею, затем так же смело шагнула в комнату и, поставив чемодан у ног, прислонилась плечом к выступу стены у двери. Окна выходили на галерею, поэтому в комнатах и в солнечную погоду было не очень светло.

— Здравствуйте...— сказала я, обретя дар речи.

— Вы не туда попали,— ответила мне мать.— Вы ошиблись, вам нужно было идти от наших ворот налево, в соседний двор.

— Ма-а-ма!

Отпроситься у главного бухгалтера мама побежала тут же, а потом, когда вернулась, мы с ней вместе пошли снова на завод, взяв с собой бочонок. Главный бухгалтер, подписывая квитанцию, растроганно спросил:

— Отчего же мало берете, Антонина Константиновна? Всего один декалитр. Хватит ли на всех гостей? Такая радость в доме: дочь с войны вернулась!

Если и не весь винный завод, то его контора, где мама работала много лет, обрадовалась моему прибытию на родину. Уборщица, щупленькая горская еврейка, встретив меня у порога, бросила на пол веник, всплеснула руками, обняла меня, расцеловала и громко оповестила на весь коридор:

— Ай, вай! К Антонине дочь приехала! Живая!

Кладовщица сказала, чтобы на склад я пришла сама, без мамы. Молодая плотненькая женщина по-хозяйски водила меня от бочки к бочке. Огромные, на массивных подставках, они тянулись с обеих сторон двумя рядами, как дома на улице. Кладовщица открывала по очереди краны, набирала чуть-чуть в тонкий стакан и, называя сорт винограда, подносила мне попробовать.

— Мускатель... Нарма... Изабелла... Шато-Икем... — и хитровато-строго приговаривала: — Без пробы демобилизованным не отпускаем. Чтобы не обижались на нас потом.

— Какое же ты выбрала? — спрашивает мама, а я удивляюсь, отчего же это голова моя такая ясная и легкая, а ноги тяжелые и их трудно отрывать от земли?

— Какое? — стараюсь вспомнить я.— Отличное! — и вдруг соображаю ясной своей головой, что свершилось необыкновенное чудо, которое могло бы и не свершиться: я — дома! Я вернулась в родной город! Иду по главной улице под руку с мамой и несу бочонок вина!

Все встречные люди видят, как гордо идет Антонина Константиновна Лебеденко, как счастливо она улыбается, и все знакомые поздравляют ее:

— Поздравляю вас, Антонина Константиновна! С приездом, Валечка! С возвращением!

— Спасибо! Вот, дождалась! Спасибо!

Через несколько дней моего гощения бабушка сказала:

— Надо, Валентина, и на кладбище сходить.

День стоял серый, пасмурный, дорога за Верхними крепостными воротами бурела от разъезженной, перемешанной с тающим снегом глины. Русское кладбище начиналось за мусульманским, поднимаясь в гору. Крутые узенькие тропинки, извиваясь между крестами и оградками, карабкались по склону. Одинокий женский голос в дальнем от нас конце взвился и захлебнулся рыданием.

— О господи, царство твое небесное! — произносит со вздохом бабушка и, приложив ладонь к глазам, смотрит на женщину.— Чья же это? Не признаю,— и идет дальше наверх, печатая остроносыми глубокими калошами следы по цельному, уже мокрому снегу.

Могилы Громовых и Лебеденко на самом верху, ближе к гребню. Отсюда, с высоты крутого склона, открывается даль на город и на море. Оно сейчас еще белое ото льда, который наносит из устья Волги. А где-то далеко на горизонте за серым краем низкого неба должна синеть полоска чистой воды, но сейчас, в пасмурный день, ее не видно.

— Вот и наши, вот мы, внучка, и добрались. Здравствуйте! — здоровается бабушка с могилками и отдельно обращается к кресту посередине: — Здравствуй, Глаша. Пришли мы с дочкой твоей тебя проведать. Видишь, вернулась она живая с войны. Крепко душенька твоя чистая молилась, наверное, за нее на небесах...

Бабушкин голос льется певуче, переходит в тихий плач, и я заплакала, поняв, что этот сбегающий к морю маленький город называется моей родиной еще и потому, что здесь, на высокой горе, могила моей матери, ее отца, ее братьев. Это молодой мой дед Иван приехал сюда издалека, из России, и выбрал этот кусок земли между морем и горой, чтобы он стал родиной его детей и внуков.

— Поплакали и хватит,— спешит бабка унять мои слезы и, словно боясь, что они обидят мою другую мать, говорит: — Матерь твоя, Антонина, очень тосковала по тебе. Придет ко мне, плачет: «Мама, если, не дай бог, Вальку на войне убьют, как же я жить буду? Мужа забрали, дочка пропала...» Ну, господи, твоя воля, живым живое. Давай-ка помянем мертвых, — заключает бабушка и достает из кошелки графин с вином, два стаканчика и пирог, завернутый в холщовое полотенце. И, прежде чем пригубить, плеснула вином на могилы. Будто цветы бросила.

Зимние студенческие каникулы кончились, я возвращалась в Москву и, стоя в коридоре купейного вагона, смотрела в заоконную ночную темень, за которой мне виделись те места, те реки и поля, что проплывали передо мной, когда я ездила в теплушках. Я часто думаю о батальоне, о войне, о погибшем моем женихе Пете. Все это не просто воспоминания, приятные или грустные, а то, что наполняет меня,— моя судьба, моя любовь и боль, что составляет само мое существо. Я вся, как губка, пропитана войной, и сердце и мозг полны ею, я еще не знаю, что война останется во мне на всю жизнь, а лишь догадываюсь об этом.

Закатный луч, отразившись в окнах Садома, который выходит фасадом на Садовое кольцо, влетел, как луч прожектора, в окно и ярко осветил портреты Алеши и Пети. «Не смей плакать»,— говорят они мне оба.

— Я и не плачу,— говорю я им.

Я счастлива. О чем же мне плакать? Я пила из такого чистого родника, что на весь свой век утолила жажду. Многие ли люди познали это счастье?

КАК ТРЕБУЕТ ПРАКТИКА

З. ПИСАРЕНКО

XI СЪЕЗД Румынской коммунистической партии (1974 г.) выдвинул задачу формирования научной концепции о природе и обществе, диалектико-материалистического мировоззрения у всех трудящихся, в особенности у коммунистов. Большую роль в ее решении призваны играть не только система политпросвещения и лекционная пропаганда, но и средства массовой информации.

Материалы по научно-материалистическому воспитанию в СРР публикует в основном периодическая печать. Прежде всего это рецензии на новую литературу. Так, например, на страницах «Ревиста де философие» («Журнал по философии») за 1977 год была дана оценка книги автора ряда атеистических исследований П. Берара «Религия в современном мире» (Бухарест, 1976) *. В условиях социализма многостороннее научное изучение религии, пишет он, имеет большое значение, так как способствует формированию и развитию критического отношения к ней, а также совершенствованию средств и методов атеистического воспитания.

Современный атеизм, отмечается в рецензии, как социальное явление и как поведение человека весьма многообразен. Это и индифферентность по отношению к религии. Это и стихийный, так сказать, житейский атеизм. Это и постепенный отход от веры в бога. И наконец, это сознательный атеизм, вполне четко и обоснованно отрицающий религию, атеизм, представляющий собой органическую составную часть научного, материалистического мировоззрения.

Материалы, способствующие выработке у читателей такого мировоззрения, регулярно публикует также еженедельник «Магазин» («Журнал»). В одном из его номеров, например, напечатана статья профессора Бухарестского университета П. Попеску-Невяну «Человек — активный фактор». Религии всех времен и народов, пишет он, преследовали одну цель: добиться духовного отчуждения человека от реальной действительности. Только социалистическое общество создает условия для формирования в процессе труда нового человека — творческой, высоко активной личности, — который понимает суть происходящего в природе и обществе. Раскрывая с помощью науки и практики объективные законы окружающего мира, он их использует на свое благо. Современные наука и техника, заключает автор, не только одна из производительных сил общества, но и эффективное средство материалистического и научно-атеистического воспитания трудящихся.

В этом же журнале опубликована заметка ректора Бухарестского университета культуры и науки А. Динеску. По его словам, преподавание здесь ведут 800 специалистов. В 1977/78 учебном году, например, они прочитали слушателям 167 курсов по различным проблемам науки, техники и культуры, в частности и по таким темам, как «Философские проблемы естественных наук», «Современный мир и религия», «Методология мышления и научного творчества» и др. Университет придает большое значение научно-материалистическому воспитанию слушателей (всего их 15 тысяч).

Издаваемый Госкомитетом по делам культуры и искусства журнал «Контемпоранул» («Современник») опубликовал статью Г. Сэзэрмана «С атеистами и религии» — об атеистической работе в уезде Вранча. В беседе с автором статьи секретарь укома РКП И. Пэтрашку сказал, что религиозность там снижается, а нарушения законодательства о культах крайне редки. Школа, комсомол, профсоюзы, Общество по распространению научно-технических знаний, клубы, университеты науки и культуры (их в уезде 40), научно-культурные бригады (около 100) пропагандируют научные знания, способствуют формированию среди самых различных слоев населения материалистического миропонимания. Просветительско-воспитательную работу всех этих организаций координирует уездный совет по политическому и культурному воспитанию, он же составляет план конкретных мероприятий в этой области. Со своей стороны каждая из таких организаций разрабатывает собственный план работы, исходя из тематики и особенностей политико-воспитательного процесса в той или иной группе населения. Работники укома партии также инструктируют секретарей первичных партийных организаций и комитетов по вопросам научно-материалистической, в том числе атеистической, пропаганды и политики РКП по отношению к религии и церкви, информируют их о действующих в уезде сектах. Отдел пропаганды укома создал курсы, на которых лекторов и пропагандистов знакомят с формами и методами научно-материалистической работы.

Уездный совет Фронта социалистического единства также систематически повышает уровень квалификации лекторов, выступающих по линии Общества по распространению научно-технических знаний. Кроме того, на конференциях и совещаниях агрономов, медиков, педагогов, клубных работников и других представителей интеллигенции читаются лекции на научно-атеистические темы.

Значительный вклад в формирование материалистического мировоззрения, говорится в статье, вносят университеты науки и культуры. Из 44 курсов, читаемых в них, 13 направлены на материалистическое воспитание, а три — непосредственно атеистические.

Разумеется, атеистическое воспитание осуществляется и в школе, пишет Сэзэрман, как в ходе преподавания основных учебных дисциплин, так и на внеклассных мероприятиях. Тем не менее, однако, имели место случаи поступления отдельных выпускников средних школ из уезда Вранча, в том числе даже комсомольцев, в духовную семинарию г. Буззу. Это говорит о том, отмечает автор, что в школах еще плохо поставлено атеистическое воспитание. Учителя одного лицея в г. Фокшани даже не знали, что их бывший ученик поступил в семинарию. Комсорг же лицея откровенно признался, что его первичная организация не занималась атеистическим воспитанием.

Журналист также ознакомился с атеистической работой на деревообрабатывающем комбинате в г. Фокшани. Здесь, в частности, проводился интересный социологический опрос, в ходе которого было роздано 65 анкет. Анализируя ответы, социологи убедились, что атеистическая пропаганда на комбинате велась недостаточно эффективно и не так интересно, как следовало бы. Об этом, например, свидетельствовал тот факт, что только 30 процентов опрошенных участвовали в культурно-воспитательных мероприятиях, 42 процента — считали, что крещение положитель-

* В 1979 г. книга вышла в Политиздате на русском языке.

но влияет на здоровье новорожденного, а 57 процентов — ответили, что соблюдают религиозные обряды и традиции под влиянием родителей.

Исходя из полученных данных, партийно-хозяйственные руководители комбината пришли к выводу о необходимости усиления атеистической работы, прежде всего среди коммунистов. В частности, в партийных ячейках стали читаться лекции атеистического характера.

Во время своей командировки корреспондент убедился, что во многих коммунах уезда Вранча (Пэунешть, Хомочя, Бордешть, Мовилица, Думбрэвень, Фитопешть) активно действуют секты, в том числе и антиобщественные, нарушающие законодательство.

В заключение журналист приходит к выводу, что главным условием эффективности научно-материалистического, в том числе атеистического, воспитания является формирование диалектико-материалистического мировоззрения, прежде всего в системе партийного просвещения. Задача состоит в том, подчеркивает он, чтобы каждый коммунист стал убежденным проводником научного мировоззрения.

Орган Национального совета женщин СРР журнал «Фемея» («Женщина») в одном из своих номеров поместил статью научного сотрудника Института педагогических и психологических исследований Н. Вынтану «Научно-атеистическое воспитание должно начинаться в семье». Исследования, проведенные в стране и за рубежом, пишет автор, показали, что именно в семье начинают складываться верные или неверные представления о мире. Ребенок впитывает привычки родителей, их слова, поведение и т. д. Более того, он старается им во всем подражать. Поэтому необходимо систематически и постоянно заниматься атеистическим воспитанием ребенка, особенно в тех семьях, где есть верующие дедушки и бабушки.

Опыт свидетельствует о том, отмечает Вынтану, что фанатичные, обскурантистские семьи часто психически травмируют и даже нравственно калечат детей. Многие из них к тому же вырастают робкими и запуганными, ибо вера в бога культивирует страх, унижение, покорность, притворство. Атеистическое воспитание, наоборот, формирует научные, реальные представления о жизни, природе, мире. Воспитанный в таком духе человек держится с достоинством, свободно. Он уверен в своих силах и возможностях. Далее эти черты развивают школа, комсомол, трудовой коллектив. Однако не следует думать, добавляет автор, будто с поступлением ребенка в школу атеистическое воспитание в семье становится излишним. Наоборот, оно благодаря этому получает новый импульс и может вестись более углубленно — с опорой на полученные знания.

Корреспондент центрального партийного органа — газеты «Скынтейя» («Искра») — П. Добреску пишет, что атеистическая работа должна проводиться комплексно и требует навыка, такта, научной методики. В современном румынском обществе, продолжает он, имеется ряд организаций и учреждений, которые специально занимаются атеистическим воспитанием. В масштабе уезда — это первичные организации РКП, комсомола и Фронта социалистического единства, а также местная печать, организации Общества по распространению научно-технических знаний, дома культуры, наконец, общеобразовательные школы. Далее — это советы по политическому и культурному воспитанию, которые, кроме всего прочего, координируют и направляют атеистическую работу.

При этом в пропаганде и воспитании научного мировоззрения, отмечает Добреску, применяются как новые (например, дискуссии после просмотра научных фильмов, конкурсы типа «Кто знает, тот выигрывает»), так и традиционные методы (лекции и конференции, проводимые научными бригадами). Выступая за комплексное сочетание этих форм работы, автор рассказывает о таком опыте научных бригад города Сигету-Мармацией (уезд Марамуреш). Они не только применяют комплексный метод, но и поддерживают постоянную связь с рабочими, знают их интересы. В частности, научные бригады выпускают на заводах и фабриках стенгазеты, организуют встречи, читают лекции, в которых освещают вопросы, интересующие трудящихся.

Кроме статей, рассказывающих об опыте научно-материалистической пропаганды и воспитательной работы, на страницах румынской печати публикуются также и критические обзоры таких материалов и интервью-беседы с пропагандистами. Тот же Добреску, например, пишет, что пока еще публикациям подобного рода недостает конкретного анализа методов атеистического воспитания, причин религиозности, критики формального или пассивного отношения к этой работе некоторых организаций, призванных заниматься научно-атеистической пропагандой. Необходимо, полагает он, лучше следить за новой атеистической литературой и оценивать, соответствует ли она требованиям практики и жизни, а также добиваться того, чтобы эти материалы использовались для формирования у людей критического отношения к религии.

Кроме того, пишет автор, почему бы не практиковать выступления печати по следам опубликованных ранее атеистических материалов, прежде всего — критического содержания? Почему бы не взять интервью у верующего или у того, кто присутствовал на лекции либо на каком-нибудь ином просветительном мероприятии, откровенно написав, что ему понравилось, с чем он пришел и с какими мыслями ушел?

Переходя к опыту в этой области самой газеты «Скынтейя», Добреску отмечает, что она периодически публикует статьи, интервью с лицами, ответственными за научно-атеистическое воспитание, в особенности из уездов Сучава, Тулча, Бистрица-Нэсэуд, где относительно более высока религиозность.

Так пресса СРР поднимает вопросы формирования научного мировоззрения, преодоления религиозных предрассудков.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

В память о 13 миллионах детей, погибших в годы второй мировой войны, неподалеку от центра Варшавы по инициативе польской общественности возводится необычный памятник — современная педиатрическая больница «Центр здоровья ребенка». От тысяч других больниц на всех континентах она отличается тем, что строится на средства, собранные польской общественностью, международными организациями и частными лицами разных стран. Это будет современно оборудованная клиника, занимающаяся труднейшими случаями детских заболеваний, лечиться в ней будут не только польские дети, но и маленькие пациенты из других государств.

Только в одной Польше во время второй мировой войны погибли 2 миллиона 200 тысяч детей. Кроме того, в целях германизации из страны было вывезено в «третий райх» не менее 200 тысяч детей, из которых вернулась на родину всего лишь пятая часть. Дети гибли в газовых камерах, в крематориях, в пламени Освенцима, Майданека, Штутгофа, Грос-Розена, Треблинки, Собибура, Белжеца и других гитлеровских фабрик смерти. Были у фашистов и лагеря, предназначенные специально для детей, в частности в Лодзи. Их держали и убивали в варшавской тюрьме «Павяк», краковской — «Монтелюпих», в Люблинском остроге и в застенке «Ротонда» в Замосцье.

За рубежом

ЧТО ОБСУЖДАЛИ КАРДИНАЛЫ

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
член-корреспондент
АН СССР

Деятельность Иоанна-Павла II продолжает привлекать внимание общественности. И не только его невиданной в истории папства «мобильностью» (только за первый год своего понтификата он успел побывать в Мексике, Польше, Ирландии, США, Турции и многих местах Италии), но и своими нетрадиционными поступками — «новшествами», которых, как правило, предпочитали избегать его предшественники. Ведь приверженность вековым традициям до недавнего времени была нормой поведения римских понтификов. Но времена меняются, в том числе и за бронзовыми вратами Ватикана.

НЕОБЫЧНЫЙ КОНКЛАВ

В конце прошлого года, например, имя Иоанна-Павла II снова замелькало в сообщениях газет, радио и телевидения: он созвал в Ватикан со всего света кардиналов на конклав. Такого пленарного заседания кардиналов при жизни папы история церкви еще не знала: ведь если не считать церковных соборов и синодов, то обычно «их преосвященства» собирались в Риме только для выборов очередного «наместника святого Петра». Зачем же был созван этот экстренный конклав? Какие важные вопросы он должен был обсудить и решить? На сей счет в печати строились самые разнообразные догадки. В некоторых из них, например, высказывалось предположение, будто папа собирается получить одобрение кардиналов на свой вояж в Китай, руководство которого недавно «легализовало» деятельность католической церкви и даже пригласило вернуться в «поднебесную» иезуитов и других миссионеров.

4 ноября 1979 года пленарное собрание кардиналов начало свои заседания. В них участвовали 108 «пурпуроносцев», остальные 22 не смогли прибыть по состоянию здоровья. Заседания конклава проходили при закрытых дверях. Стало известно, что кардиналы обсуждают вопрос «Церковь и культура». Это вызвало недоумение обозревателей. Стоило ли по такому поводу городить весь этот огород? Но вскоре курия сообщила, что главным вопросом повестки дня было финансовое положение Ватикана. Оказывается, папа Войтыла, ознакомившись с состоянием своей казны, обнаружил недостачу в сумме 20 миллионов 240 тысяч долларов и решил доложить обо всем кардиналам и потребовать от них восполнить указанный дефицит.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Печать всполошилась: как, и Ватикан обанкротился? И у него долги? Не может быть: ведь до последнего времени считалось, что он обладает несметными богатствами. По подсчетам английского журнала «Экономист», например, стоимость ценных бумаг и прочих капиталов «святого престола» оценивалась в 70-е годы в 5,5 миллиарда долларов, а по данным американского журнала «Тайм» — даже в 15 миллиардов.

Финансовая империя Ватикана складывалась на протяжении десятилетий. Изрядную лепту в ее создание, кстати, внес фашистский диктатор Муссолини, заключивший в 1929 году так называемые Латеранские соглашения с папой Пием XI, согласно которым «святой престол» получил от итальянского государства (в качестве «компенсации» за присоединение к нему в 1870 году папской области) колоссальную по тем временам сумму — 2 миллиарда лир, то есть около 800 миллионов долларов по тогдашнему курсу.

После второй мировой войны финансовая империя Ватикана значительно расширилась. Возросли поступления не только из США, где доходы церкви приравниваются к доходам крупнейших американских монополий, но и из ФРГ, где католическая церковь только в 1978 году получила доходов на сумму в 750 миллионов долларов. Увеличивались и всевозможные капиталовложения самого Ватикана. Он стал акционером крупнейших транснациональных монополий, включая военно-промышленные комплексы. Лишь в одной Канаде, по данным знатока папских финансов Ло Белло, «святой престол» инвестировал 2 миллиарда долларов. Он же приобрел пакет акций известной голливудской кинокомпании «Парамаунт пикчерс» и даже крупнейшей итальянской фабрики противозачаточных средств «Серано», хотя их применение не раз осуждалось папами.

Громадными средствами, в частности, ворочает такая ватиканская служба, как «Управление имуществом святого престола», имеющая два отделения — «ординарных операций», ведающее недвижимой собственностью, и «чрезвычайных операций», распоряжающееся ценными бумагами и другим движимым имуществом. Так, например, в ведении первого из этих отделений находятся четыре римских собора, здания всех ведомств Ватикана и газета «Оссерваторе романо», а второе контролирует около шести десятков компаний. Существует, наконец, «Административное управление Ватикана», в свою очередь контролирующее еще десяток финансовых организаций. В его ведении также — продовольственные склады, служба охраны порядка, выпуск марок и монет и радиостанция Ватикана.

Все эти учреждения номинально подчинены «Префектуре экономических дел», которую с 1967 года возглавляет кардинал Ваньоцци и которую считают чем-то вроде гибрида министерства финансов с подобием итальянской счетной палаты. Фактически же у этой префектуры нет широких полномочий: она лишь получает ежегодные сводки, представляемые «Управлением имуществом святого престола» и «Административным управлением Ватикана». Разумеется, она может высказывать свои «замечания» по поводу их деятельности, но контролировать ее по-настоящему просто не в состоянии.

В отличие от «Управления имуществом святого престола», «Административное управление Ватикана» дефицита платежного баланса не имеет. Более того, оно ухитряется даже сводить его с активным сальдо за счет выпуска (в среднем на сумму 5 миллиардов лир в год) ватиканских марок, продажи билетов в ватиканские музеи, торговли продовольствием, промышленными товарами, табаком и бензином на территории Ватикана, а также продажи продукции, производимой на папских виллах в Кастель Гандольфо.

Точно так же, как и «Административное управление Ватикана», сводят без дефицита, а иногда и с прибылью свой платежный баланс и другие организации и предприятия, не подведомственные «Управлению имуществом святого престола». Среди них, например, «Фабрика святого Петра» и «Конгрегация евангелизации народов» (бывшая — «пропаганды веры»). Последняя, в частности, единственное ватиканское ведомство, публикующее свой бюджет. Ежегодно она сообщает, сколько денег было собрано в виде пожертвований во всех епархиях мира (в среднем по 60 миллионов долларов в год).

В остальном же об имуществах и капиталах Ватикана ничего неизвестно.

Кстати, это единственное из государств, имеющих дефицит платежного баланса, у которого практически нет долгов. Вернее, до сих пор они всегда покрывались за счет средств, получаемых с помощью ежегодных кампаний по сбору «оболов (грошей) святого Петра». Эта практика была узаконена при Павле VI, когда доходов «отделения чрезвычайных операций Управления имуществом святого престола» и «Административного управления Ватикана» стало уже не хватать для сбалансирования папского бюджета. Вот уже более ста лет, прошедших после ликвидации Папской области, католики всего мира собирают пожертвования в пользу «святого престола». Эту кампанию проводят 29 июня в день «святых апостолов Петра и Павла». К концу понтификата Павла VI такие сборы резко сократились, составив менее 10 миллиардов лир в год. При нынешнем же папе общая сумма «обола святого Петра», как говорят, вновь достигла того уровня, какой был в 50—60-х

годах при популярном Иоанне XXIII, однако точные размеры этих сборов до сих пор продолжают храниться в тайне.

У Ватикана есть и свой банк — «Банко ди санто спирито» («Банк святого духа»), управляемый так называемым «Институтом религиозных дел». Но банк этот совершенно особый: в нем могут хранить свои деньги только монашеские ордена, епархии, прелаты, из числа же мирян — лишь граждане папского государства да немногие избранные иностранцы, главным образом итальянцы. «Институт религиозных дел» гарантирует своим клиентам тайну вкладов, освобождает их от налогов, открывает им возможность совершать крупные сделки.

Большую роль в приумножении богатств Ватикана сыграл итальянский банкир Бернардо Ногара (умер в 1958 г.), фактически выполнявший обязанности министра финансов при Пиях XI и XII. Тогда традиционными партнерами «святого престола» считались банкирские дома Ротшильда и Моргана. При Павле VI финансовым «боссом» папского государства стал американский архиепископ литовского происхождения Пол Марцинкус по прозвищу Горилла, тесно связанный с Рокфеллерами. Он — свой человек в таких цитаделях финансового капитала, как Швейцария, Уолл-стрит или Сити. Марцинкус совершает сенсационные операции, действуя совершенно бесконтрольно («Комиссия кардиналов по наблюдению» на практике не использует своих полномочий в отношении «Института религиозных дел»). Оборотный капитал последнего по самым скромным подсчетам достигает 2 миллиардов долларов. В частности, П. Марцинкус скупил облигации норвежского королевства, акции британских компаний «Юнайтед бискитс» и «Селекшн траст». Возглавляемый им «институт» поддерживает все более тесные контакты с «Континентл Иллинойс нэшнл бэнк», через который совершаются капиталовложения Ватикана в США, и по-прежнему держит в своих руках контрольный пакет акций «Римского банка» в Лугано (Швейцария), который в свою очередь контролирует «Римский банк» в Люксембурге. И наконец, Марцинкус входит в состав административного совета «Сиселпайн оверсиз бэнк» в таком финансовом центре, как Нассау на Багамских островах, обеспечивая прочную связь между ватиканскими и американскими банками.

Естественно возникает вопрос, как же в этих условиях могло случиться, что Ватикан вдруг стал испытывать финансовые затруднения, причем до такой степени, что Иоанн-Павел II оказался вынужден созвать по этому поводу всех своих кардиналов? И хотя, как и в других «деликатных» вопросах, «святой престол» и на сей раз предпочел не раскрывать все карты, однако кое-какие сведения в печать все же просочились, и они позволяют с большой степенью достоверности раскрыть подоплеку этого дела.

В 60—70-е годы Ватикан вел различные финансовые операции через миланский «Банка унионе», который возглавлял сицилийский адвокат Микеле Синдона — доверенное лицо денежных боссов итальянской демохристианской партии, связанных с мафией. Он был связан и с крупнейшими американскими банками. Однако в 1974 году его миланский банк лопнул, а сам Синдона укрылся в США. Что же касается «святого престола», то он потерял на этом банкротстве крупную сумму. Кстати, в афере Синдоны был замешан и монсеньер П. Марцинкус, однако папа Войтыла счел возможным оставить его на посту президента «Института религиозных дел». Инфляция, энергетический кризис, неудачные спекулятивные сделки еще более осложнили финансовое положение Ватикана. Правда, Павел VI попытался провести «финансовую реформу» курии. Но из этой бюрократической затеи ничего не вышло. Доходы «святого престола» продолжали падать, а расходы расти.

Смерть этого папы и последовавшая через каких-нибудь семь недель неожиданная кончина его преемника А. Лучани внесли дальнейшую неразбериху в денежные дела Ватикана. Достаточно сказать, что его казначею пришлось, следуя древнему обычаю, дважды выплачивать «подъемные» — около 10 миллионов долларов — в связи с проведением двух конклавов по избранию двух новых пап.

Одним словом, так или иначе, но у Ватикана сегодня образовался дефицит платежного баланса примерно в 20 миллионов долларов. Обещание папы Войтылы обнародовать свой бюджет пока не выполнено. Многие наблюдатели сомневаются, что Ватикан когда-либо опубликует не только свои расходы, но и доходы. Во всяком случае, до сих пор за разглашение таких данных грозило отлучение. Правда, сам Иоанн-Павел II нарушил это неписаное правило, заявив, будто доходы Ватикана меньше, чем расходы государств на вооружение. Известно, однако, что последние сегодня составляют в среднем один миллиард долларов в день, а вот каковы доходы «святого престола»? Точных цифр мы до сих пор не знаем.

Между тем печать сообщала, что в Ватикане готовится сокращение штатов и снижение окладов чиновникам и персоналу собора святого Петра. В результате чего даже среди служащих курии началось брожение, стали раздаваться голоса о необходимости создания профсоюза в защиту их прав, в частности для борьбы за увеличение жалованья (инфляция в значительной степени обесценила лиру). Заволновались и швейцарские гвардейцы. В результате папе пришлось согласиться на создание профсоюза, правда под несколько законспирированным названием: «Организм в защиту прав служащих Ватикана», однако вряд ли Иоанн-Павел II допустит, чтобы в его владениях разразилась забастовка.

Обо всем этом папа сообщил кардиналам, которые обещали помочь ему свести концы с концами. И все же назвать Ватикан бедным было бы грешно. Какие бы временные финансовые затруднения он ни испытывал, «святой престол» все еще распоряжается средствами, которым могли бы позавидовать многие крупные буржуазные государства.

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Однако обсуждение на конклаве не ограничилось денежными вопросами, а затронуло, например, и такие «деликатные» проблемы, как отношение религии к науке.

Сразу же после его завершения, 10 ноября, состоялось заседание папской «академии наук», которая, как известно, не занимается исследованиями, а представляет собой всего лишь своеобразный клуб, чьи члены раз в год, а то и реже собираются, чтобы отметить какое-нибудь событие в научной жизни. На сей раз эта «академия» решила отметить 100-летие со дня рождения Альберта Эйнштейна, и речь в его честь произнес не кто иной, как сам Иоанн-Павел II. «Апостолический престол, — сказал он, в частности, — желает выразить Эйнштейну признание, которое он заслужил за его вклад в науку, а именно — в познание истины, присутствующей в таинстве мироздания».

Своеобразие этого признания заключается в том, что устами папы католическая церковь впервые высказала его в адрес ученого, который не был христианином, а — известным агностиком, более того — рационалистом, то есть еретиком с точки зрения традиционного вероучения. Ведь А. Эйнштейн считал, что не может быть бога, вознаграждающего или наказывающего созданное им же самим существо. Автор теории относительности неоднократно осуждал деятельность религиозных руководителей, а веру в загробную жизнь называл «глупой и эгоистичной».

И тем не менее папа Войтыла не только воздал хвалу «безбожнику» Эйнштейну, но и даже признал, что Галилео Галилей был незаслуженно осужден церковью. По его словам, «Галилею пришлось пострадать от людей и учреждений церкви, не вполне понимавших законность автономии науки (по отношению к вере. — И. Г.) и считавших, что наука и вера противостоят друг другу. Я предлагаю, — продолжал папа, — чтобы теологи, ученые и историки в духе искреннего сотрудничества подвергли бы углубленному анализу дело Галилея (имеется в виду обвинение, сфабрикованное против него инквизицией в XVII в. — И. Г.) и беспристрастно признали бы ошибки, кто бы их ни совершил, устранив тем самым препятствия к плодотворному согласию между наукой и верой, между церковью и миром».

Это высказывание вызвало сенсацию, ибо впервые глава католической церкви признал, что Галилей был несправедливо осужден инквизицией. Что же касается призыва «объективно» разобраться в данном «деле», то последний может вызвать лишь саркастическую усмешку, ибо история давным-давно вынесла этому позорному процессу окончательный и безапелляционный приговор.

Напомним суть вопроса. На протяжении столетий церковь утверждала, будто средоточием Вселенной является Земля, которая, мол, находится в неподвижном состоянии, а вокруг нее вращаются все остальные планеты, в том числе Солнце. Эта концепция была впервые сформулирована античным астрономом Клавдием Птоломеем (II в.) и взята на вооружение христианской церковью, ибо не противоречила Библии. Сама по себе ошибочность учения Птоломея не представляла чего-то особенного. Ведь наука развивается от менее совершенных понятий и даже ложных гипотез к более совершенным и точным, научным понятиям и теориям. Но именно этот принцип научного познания и не признавала церковь.

В 1543 году польский астроном Николай Коперник сформулировал свою гелиоцентрическую теорию, согласно которой Земля вращается вокруг своей оси, а Солнце является центром нашей планетной системы. Его взгляды разделял и пропагандировал итальянский астроном Галилео Галилей. Церковь же сочла их опасной ересью и именно за это привлекла его к суду инквизиции, требуя, чтобы он отрекся от этой теории и осудил ее как нелепую, преступную и греховную. Инквизиция расследовала «преступление» Галилея 18 лет, причем в следствии по его «делу» участвовали папы Павел V и Урбан VIII, а также кардиналы их курии. Они оказывали на Галилея всяческое давление, предлагали ему компромисс: признать гелиоцентрическую теорию только гипотезой. Все эти 18 лет ученый мужественно сопротивлялся нажиму, пока в 1633 году в возрасте 70 лет не был арестован инквизицией и не признал себя виновным, отрекшись от учения Коперника. Но и после этого Галилей еще несколько лет томился в застенках инквизиции, из которых был освобожден только тогда, когда ослеп, да и то — под надзор «святых отцов».

Уже на II Ватиканском соборе раздавались голоса, требовавшие его реабилитации, так как осуждение Галилея компрометировало церковь перед верующими, интеллигенцией, учеными. По-видимому, именно из этих соображений Иоанн-Павел II и признал теперь несправедливость обвинений в адрес Галилея, хотя и сделал это в таких выражениях, что можно подумать, будто сам ученый виновен в своем осуждении. Таким образом, выступление «святого престола» в защиту Галилея, предпринятое с опозданием на несколько столетий, призвано хоть как-то восстановить авторитет церкви, пошатнувшийся в век научно-технической революции и освоения Космоса.

Признавая несправедливость осуждения Галилея, папа Войтыла вместе с тем выступил в несвойственной понтификам роли не только покровителя науки, но и ее защитника от всяких «форм международного подчинения и интеллектуального колониализма... Фундаментальные исследования, — поучал он, — должны осуществляться независимо от политической и экономической власти, которая обязана способствовать их развитию, не вмешиваясь в процесс творчества ученых и не стараясь подчинить их собственным целям» (то есть не делая того, что делала на протяжении веков католическая церковь, стремясь превратить науку в свою служанку!).

Следует ли из сказанного, что тем самым Иоанн-Павел II признал принцип независимости науки от религии? Вовсе нет. «Как все истины, так и научная истина, — заявил он, — не должны отчитываться ни перед кем, кроме как перед самой собой и перед высшей истиной — богом, создателем человека и всего сущего и живущего». Как видим, реабилитируя Галилея, глава католической церкви потребовал предоставить науке весьма своеобразную «свободу»: подчиняться тому самому богу, именем которого и был осужден в свое время Галилей и десятки других неугодных церкви ученых.

Не удивительно, что высказывания папы Войтылы об Эйнштейне и взаимоотношениях науки и религии были восприняты на Западе с большой дозой скептицизма. «Одно дело, — писала, например, газета «Унита», — отдавать дань уважения Эйнштейну и «реабилитировать» Галилео Галилея, а совсем другое — соглашаться с выводами, к каким такие высказывания ведут». И как не вяжется декларация папы уважать науку с его заявлением, что только «церковь благодаря Евангелию знает всю правду о человеке»!

После этого выступления Иоанна-Павла II в папской «академии наук» многие ученые потребовали от Ватикана открыть наконец архивы папской инквизиции для исследователей с тем, чтобы можно было пролить свет не только на позорное дело Галилея, но и на дела других ее жертв, все еще не реабилитированных церковью.

Да и не преждевременно ли говорить об осуждении «святым престолом» инквизиционных процессов? Ведь хотя «Конгрегация священной канцелярии» (инквизиция) и была после II Ватиканского собора преобразована в «Конгрегацию по делам вероучения» и Ватикан с тех пор не раз высказывался в пользу плюрализма в теологии — факты свидетельствуют о том, что «святой престол» далеко еще не отказался от осуждения по крайней мере тех католических теологов, которые высказывают взгляды, не соответствующие его собственным. Кстати, такие осуждения почему-то особенно участились после избрания Войтылы.

Так, только в 1979 году «Конгрегация по делам вероучения» осудила целый ряд видных теологов. В США, например, в их числа оказались иезуит Джон МакНэйл, автор книги «Церковь и гомосексуализм», предварительно одобренной генералом ордена иезуитов Педро Аррупе; профессор католического университета в Вашингтоне Чарлз Кэррен, критиковавший энциклику Павла VI «Гумане витэ»; директор «Движения священников за равноправие» иезуит Билл Каллаган; теолог Энтони Косник, написавший книгу «Человеческая сексуальность: новые направления в американском католическом мышлении», изданную с благословения председателя национальной конференции католических епископов США архиепископа Куина и американского Католического теологического общества. В Швейцарии и ФРГ осуждению инквизиции подверглись теологи Август Хаслер и Ганс Кюнг, отрицающие догмат о непогрешимости папы и божественную природу Христа; в Нидерландах — теолог Пит Шооненберг и доминиканец Эдвард Шилебекс, автор книги «Иисус: попытка христологического исследования», в которой ставилась под сомнение божественная природа Христа и девы Марии.

А вот что думает по этому поводу кардинал Ф. Сепер, возглавляющий «Конгрегацию по делам вероучения».

«—Наши теологи всегда хотят чего-то нового, — сказал он недавно в интервью корреспонденту гамбургского журнала «Гео».— Они подвергают сомнению истинность нашего учения и вносят путаницу в головы верующих и даже служителей церкви. Исповедальня — не место для философствования.

— Не лучше ли взрослым людям самим решать такие проблемы? — спросил кардинала журналист.

— Этого они не должны делать и не в состоянии сделать, — назидательно ответствовал Сепер, — ибо нуждаются в наставлении свыше».

В свете этих фактов лондонская «Таймс» выражает обоснованные сомнения в том, отказался ли в действительности Ватикан от методов инквизиции в борьбе с инакомыслящими. «Конгрегация по делам вероучения»—в прошлом «Священная канцелярия», а еще раньше римская инквизиция — изменила свое название, но изменила ли она методы своей работы? — вопрошает эта газета в опубликованной в декабре прошлого года редакционной статье. — Не намного, если судить по волнениям теологов, на которых распространяется ее власть, и по высказываниям тех, которые вне ее власти. Безусловно, она по-прежнему действует тайно. Ее устав не опубликован, она расследует взгляды и моральное поведение духовенства на основе доносов, которые никогда не оглашаются. Она приходит к предварительному заключению, не заслушав обвиняемого. Если это заключение отрицательное, она вызывает обвиняемого на дознание. Причем никто не знает, будут ли при этом уважаться его права или нет. В завершение процесса будет опубликовано только решение конгрегации и возможная мера наказания».

Следует ли после этого удивляться, что в рядах католического духовенства все более громко звучат голоса, требующие от Ватикана уважать права человека прежде всего по отношению к священнослужителям и теологам.

Как видим, оснований для небывалого при жизни пап созыва конклава кардиналов у Иоанна-Павла II было более чем достаточно. Но уже сейчас можно сказать, что даже такие экстренные меры вряд ли приведут в наши бурные времена «ладью святого Петра» в вожделенную тихую гавань.

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

— Сынок, если ты не прочтешь молитву, в рай не попадешь.

— Я не хочу в рай. Хочу пойти с мамой и с тобой в кино...

Опоздавший пассажир в последний момент успел вскочить в вагон поезда.

— Гром и молния! — произнес он.— Теперь можем мчаться хоть к чертям, коль я успел на него!

— Сын мой,— осуждающе сказал сидящий напротив священник,— если поезд действительно отправится к чертям, мы все окажемся в аду!

— Вы — может быть, а у меня билет туда и обратно.

— В раю женщины находятся отдельно от мужчин? — спрашивает жена мужа.

— Разумеется, иначе какой же это будет рай.

— Сынок, ты знаешь, куда попадут дети, которые во время обедни не опускают деньги в церковную кружку?

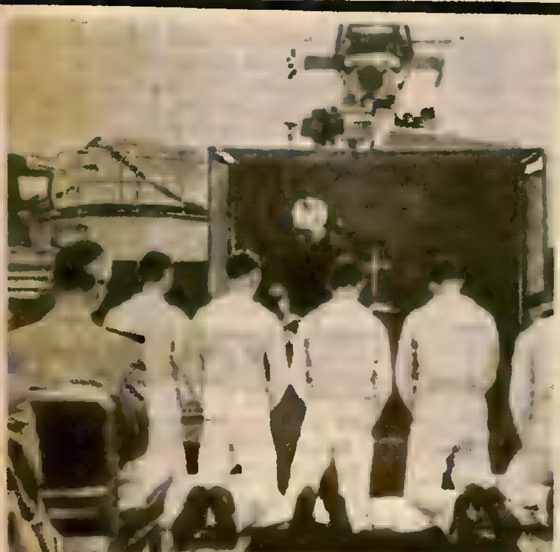
— В кино, мама, в кино!

Капелланы НАТО

Т. БЕЛАЩЕНКО,
капитан I ранга

В каждом соединении вооруженных сил США имеются не только христианские, но и иудейские капелланы. На снимке — иудейское богослужение в одной из частей американской армии.

Церковная служба на боевом корабле американского флота. Военный капеллан благословляет свою паству на агрессивные акции, направленные против развивающихся стран, идущих по антиимпериалистическому пути.

Первая половина 70-х, Южный Вьетнам. Американские интервенты на молебне.

Фото из журналов «Информэйшн дайджест», «Арми» и «Ю. С. нэйвл инститьют продисинг», издаваемых Пентагоном.

НЕСМОТРЯ НА значительные успехи политики разрядки, в империалистических странах весьма активно действуют силы, которые тянут мир назад, на рубежи «холодной войны», ведут курс на материальную подготовку новых вооруженных конфликтов, делают ставку на идеологические диверсии против миролюбивых народов, на подрыв изнутри стран социалистического содружества, и в первую очередь Советского Союза. В рядах этих врагов мира и демократии находятся и реакционные клерикалы, в том числе военно-церковные органы вооруженных сил США, ФРГ, Великобритании и других стран НАТО.

Буржуазия всегда рассматривала реакционное духовенство как одного из самых надежных союзников в борьбе против прогрессивных сил. Сегодня оно, как и прежде, занимает весьма сильные позиции в буржуазном обществе, во всех его институтах, включая вооруженные силы, и призвано содействовать правящим кругам и командованию в политической и морально-психологической обработке солдат и матросов, которая имеет своей целью внушить им веру в незыблемость и справедливость основ буржуазного общества и должна служить империализму в решении таких задач, как подавление выступлений трудящихся масс, национальных меньшинств своей страны и осуществление агрессивных акций против народов других государств.

Деятельность военных священников (капелланов) в армиях империалистических стран направлена на духовное закабаление военнослужащих, на закрепление в их сознании психологических стереотипов буржуазной пропаганды, то есть практически на благословение любых приказов командования, офицеров, которые, как уверяют военные священники, «поставлены божьей властью и служат божьему промыслу».

Конечно, в современных условиях клерикалы, в том числе и военные священники, вынуждены считаться с настрое-

---

Перепечатывается из журнала «Зарубежное военное обозрение», 1979, № 11.

ниями подавляющего большинства населения земного шара, стремятся в наибольшей степени подстраиваться под эти настроения. Они уже не позволяют себе, как прежде, открыто призывать к «тотальной ядерной войне против безбожников-коммунистов», не заявляют, как это было, скажем, в 50—60-е годы, что «бог вложил в руки любезных ему англо-саксонских наций атомный меч для того, чтобы обрушить его на головы погрязших в коммунизме врагов Христа». Однако все это вовсе не означает, что реакционное духовенство в США и других империалистических странах, равно как и все враги мира и разрядки, отказалось от своих стратегических целей — борьбы за мировое господство, в том числе и силой оружия, что клерикалы пересмотрели свои догмы и концепции, антикоммунистические и антисоветские замыслы. Наоборот, успехи стран социализма, победы миролюбивых народов в деле разрядки напряженности и мирного сосуществования еще больше озлобляют реакционеров, ожесточают их курс, толкают на безрассудные действия.

Как уже отмечалось, основой содержания военно-религиозной пропаганды в армиях империалистических государств, как и во всей системе идеологической обработки, является милитаристская пропаганда. Военные священники пытаются религиозными средствами оправдать агрессивную политику правящих кругов, внушить людям, что единственными врагами Запада в его стремлении к миру и благоденствию являются Советский Союз и другие страны социалистического содружества, которые осуществляют, по их словам, «опасное наращивание своей военной мощи, дабы употребить ее во вред западным странам и тем самым создать предпосылки для безоговорочной коммунизации всех свободных стран и наций».

Никогда прежде пропаганда антикоммунизма, в том числе и религиозными средствами, не велась столь ожесточенно, как в настоящее время. Капитализм все явственнее чувствует, что слабеют и рушатся его позиции, и стремится как-то «компенсировать» такой урон резким увеличением количества идеологических диверсий, подрывных акций и различных авантюр. При этом используются все, даже самые грязные приемы. «Ничто не считается слишком низким или слишком подлым, слишком бесчестным или слишком фальшивым, если только это может быть хоть в какой-то мере использовано против коммунизма», — писал о действиях английских военных священников журнал «Лейбор мансли».

Военное духовенство внушает солдатам и матросам, будто бы великое противостояние социализма и капитализма, сил мира и сил войны вовсе не является следствием социальных причин, борьбой великих идей марксизма-ленинизма против отживающей свой век буржуазной идеологии, а представляет собой всего лишь «столкновение богом благословенной западной демократии с коммунистическими атеистами», «противостояние христианского мира и коммунистических безбожников». Основываясь на подобных утверждениях, капелланы призывают личный состав «сплотиться вокруг веры и ее институтов», «выступить в священный крестовый поход против безбожников», а самое главное — «никоим образом не доверять коммунистам».

Немаловажное значение в содержании военно-религиозной пропаганды придается также тезису о том, что в современных условиях непрерывного усиления идеологической борьбы религия будто бы является чуть ли не последним бастионом «свободного мира», защищающим его от коммунистической идеологии, марксистско-ленинской теории и практики. «Наши народы, — заявил, например, один из участников созванной по инициативе Пентагона всеамериканской конференции милитаристской организации «Крестовый поход во имя Христа», — убеждены, что христианство является сегодня единственной преградой и нашей надеждой в борьбе против коммунизма». В выступлениях других участников этого военно-религиозного пропагандистского сборища, широко разрекламированного в США и других странах НАТО, содержалось немало призывов к усилению борьбы против «коммунистической угрозы», утверждений, будто бы марксизм-ленинизм «абсолютно неприемлем» для верующих, что он-де является «орудием зла и адским наваждением» и поэтому в борьбе с ним хороши любые средства.

Образчиком подобной клеветы может служить также выступление перед личным составом гарнизона Форт-Льюис (штат Вашингтон) генерал-майора Г. Хайатта, бывшего до недавнего времени главным капелланом американской армии. Он утверждал, что будто бы действия Советского Союза и других социалистических стран в современных условиях вызывают «серьезную озабоченность» в «свободном мире», поскольку они используют благоприятные условия разрядки «для опасного наращивания вооруженных сил во многих районах мира».

В капиталистическом мире реакционное духовенство всегда было верным прислужником правящих классов в деле оправдания любых антинародных действий, особенно войн и колониальных авантюр. Оно внушало и внушает солдатам и матросам веру в то, что они, участвуя в подобных акциях, совершают богоугодное дело, выполняют свой долг и поэтому, мол, не несут никакой ответственности за самые чудовищные жестокости. И в наши дни военные священники американской, английской и других империалистических армий самым активным образом участвуют в подобной пропаганде.

В этой связи весьма показательно заявление, сделанное на страницах военного религиозного журнала «Милитэри чэплин» (США) майором Г. Шапиро и капитаном Г. Вассерманом — капелланами иудейского вероисповедания, служившими в войсках Пентагона в годы американской агрессии в Южном Вьетнаме. Утверждая, что США вели на вьетнамской земле «высокоморальную войну», они делают вывод, будто бы американцы «не только имели право, но даже были обязаны убивать вьетнамских красных».

Военно-религиозная служба в армиях стран — участниц НАТО направляет значительные усилия на поддержку не прекращающейся на Западе кампании в пользу гонки вооружений, наращивания численности войск, оправдания «базовой стратегии» империализма, его агрессивных военных блоков. Этим целям служат многочисленные религиозные церемонии и молебны «во славу нашего оружия», устраиваемые в штабах, частях и соединениях перед началом и после окончания различных учений и маневров. В частности, большое церковно-пропагандистское шоу такого рода было организовано в апреле 1979 года в Неаполе перед началом больших учений объединенных вооруженных сил НАТО в Южной Европе.

Предавая анафеме коммунизм, национально-освободительное движение, борьбу широких народных масс за мир и демократию, реакционные церковники, в том числе и военные, на все лады восхваляют пресловутый «западный образ жизни», буржуазные институты и якобы существующие на Западе «широкие равные возможности». Они усиленно насаждают верноподданнические настроения среди военнослужащих, пропагандируют как идеал «благонадежных» солдат и матросов, зачисляя их в разряд «верных слуг бога и нации», призывают всяческие кары на головы тех, кто осмеливается только ставить под сомнение правильность политики правящих кругов, не говоря уж о том, чтобы выразить свое несогласие с агрессивными действиями этих сил, отказаться участвовать в антинародных акциях. Когда, например, в июне 1978 года после многих проволочек судебные власти штата Огайо решили привлечь к ответственности нескольких военнослужащих национальной гвардии этого штата, участвовавших в расстреле мирной студенческой демонстрации в университете города Кент (тогда было убито четыре и ранено несколько десятков человек), управление главного капеллана американской армии сделало специальное заявление о якобы «безнравственном характере» подобного решения, поскольку оно «направлено против людей, добросовестно выполнявших свой служебный и духовный долг». В журнале «Милитэри чэплин» была даже опубликована статья, авторы которой выступили в поддержку «решительности тех людей, которые не боятся применить оружие, если это надо для обеспечения безопасности американской демократии от прокоммунистических агитаторов».

Реакционные церковники подвергают гонениям все свободомыслящее и прогрессивное и в то же время всячески поддерживают уродливые явления капитализма — шовинизм, расизм, сионизм и фашизм. В течение 1976—1979 годов в американской печати, в том числе и военной, неоднократно сообщалось о том, что куклуксклановцы и церковные активисты из числа офицеров и сержантов, а также членов их семей устраивали факельные шествия и расистские шабаши на авиабазах Ларедо (штат Техас) и Олбрук (зона Панамского канала), на военно-морской базе в Неаполе (Италия) и в учебном центре морской пехоты Кэмп-Пендлтон (штат Калифорния), в гарнизоне американских войск в Ландштуле (ФРГ) и других местах. Многие из них сопровождались массовыми избиениями солдат-негров. В марте 1979 года газета «Нэви таймс» сообщила о том, что «впервые в истории американского флота» церемония сожжения креста была ор-

ганизована расистами непосредственно на боевом корабле. Группа матросов и старшин с авианосца «Америка» во время нахождения корабля в военно-морской базе Норфолк (этот город расположен на юге США и считается одной из цитаделей расизма) установила и сожгла крест на ангарной палубе, после чего были зверски избиты несколько матросов-негров, один из которых скончался.

Бок о бок с расизмом существует открытый фашизм. Особенно активно в пропаганде, направленной на реабилитацию гитлеровского вермахта и других институтов фашистской Германии, участвуют некоторые представители военно-религиозной службы западногерманского бундесвера. В его казармах сегодня открыто звучат реваншистские речи, на занятиях по идеологической обработке солдат используются как «труды» современных апологетов фашизма, так и всевозможные писания нацистских генералов. По указанию управления евангелического епископа главного штаба бундесвера в войска направляются специально подготовленные сборники, восхваляющие «славное прошлое» гитлеровского вермахта.

Но военные священники не только пропагандируют опыт прошлого, они самым активным образом оправдывают нынешнюю агрессивную политику милитаристских кругов и пытаются представить войну как «естественное состояние человека», в котором якобы проявляется «извечная греховность людей». Американские священники в офицерских и генеральских мундирах участвуют в различных симпозиумах и конференциях. Цель их состоит в том, чтобы придать определенный налет «законности» притязаниям западных держав, в первую очередь США, на «военное присутствие» в различных районах мира, оправдать сохранение сотен баз на территории зависимых стран и обосновать «право» на вооруженное подавление национально-освободительных сил. Военные церковники из английской армии не только верой и правдой служат британскому неоколониализму, но и лично благословляют солдат, расправляющихся с оружием в руках с трудовым народом Ольстера, «отпускают грехи» воякам, убивающим женщин и детей. Для армейских раввинов в израильских войсках главной задачей сейчас является оправдание экстремистской политики Тель-Авива, придание видимости «законности» притязаниям Израиля на захваченные им арабские земли, подготовка личного состава армии к новым агрессивным акциям и военным авантюрам.

Для подобной деятельности и решения многочисленных задач, большинство из которых, по сути дела, не имеет прямого отношения к религии, в армиях США, ФРГ, Великобритании и других империалистических государств существует разветвленная служба военных священников-капелланов. Наиболее значительный аппарат военно-религиозной службы, выделенный в самостоятельный корпус военных капелланов, действует в вооруженных силах США. Возглавляет его совет по делам капелланов вооруженных сил, состоящий из главных капелланов армии, ВМС и ВВС. Он считается основным консультативным органом при министре обороны по вопросам религиозного и духовного воспитания военнослужащих, а также по военно-религиозной пропаганде среди гражданской молодежи, членов семей военнослужащих и ветеранов.

Его исполнительными органами в каждом из видов вооруженных сил являются управления главных капелланов, которые действуют через отделы и отделения капелланов в штабах объединений и соединений, учебных заведений, гарнизонов, баз и т. п. Наиболее активным звеном в области военно-религиозной пропаганды являются капелланы частей и кораблей. В отдельном батальоне, полку морской пехоты, авиационной бригаде и на крупных кораблях имеется, как правило, по два-три военных священника. В связи с тем что в США активно действуют церкви многих вероисповеданий, в вооруженных силах есть священники-капелланы протестантские (до 75 проц.) и католические (18—20 проц.), а также капелланы иудейского вероисповедания (около 5 проц.). Помимо этого, есть православные, мусульманские, буддистские и другие капелланы. В 1975 году в американской армии впервые появились капелланы-женщины.

В общей сложности в вооруженных силах США имеется около 2200 офицеров военно-религиозной службы в званиях от лейтенанта до генерал-майора (контр-адмирала). Кроме того, в штабах этой службы состоят несколько тысяч специально подготовленных унтер-офицеров, выполняющих вспомогательные религиозные обязанности в подразделениях и прислуживающих капелланам при различных церемониях. Самым многочисленным является корпус капелланов ВМС, обслуживающий также морскую пехоту. В нем 810 капелланов-офицеров (из них 15 негров). В сухопутных войсках один военный священник приходится в среднем на 1100 солдат.

Значительное число кадровых военных капелланов имеется в вооруженных силах ФРГ, Великобритании, Франции, Италии, Турции, Японии, Израиля и других капиталистических стран.

Основной формой деятельности капелланов является прямая политическая пропаганда, несколько прикрытая религиозными одеждами. Занятия, проводимые ими с личным составом, именуются в различных армиях по-разному. В армии США они известны как «беседы по воспитанию характера» или «час капеллана» (проводятся раз в неделю по часу, посещение их строго обязательно). По своему содержанию эти беседы мало чем отличаются от такой прямой формы идеологической обработки, как «командирская информация», проводимая строевыми командирами и начальниками со всеми категориями рядового и сержантского состава. Беседы военных священников также наполнены антисоветской клеветой и антикоммунизмом, направлены на всестороннее оправдание внутренней и внешней политики американского империализма, на рекламу «западного образа жизни» и прославление своих вооруженных сил.

Под видом пропаганды духовных ценностей и таких понятий, как долг и честь, капеллан внушает солдатам (матросам) идеи незыблемости и даже святости буржуазного общества и всех его инструментов, включая армию, требует беспрекословного повиновения «тем, кому дана власть», призывает к тому, чтобы «всегда быть готовым подняться на священную войну против коммунизма». В издаваемых управлениями военных капелланов видов вооруженных сил специальных учебных пособиях-брошюрах под претенциозным названием «Долг, честь, страна» утверждается, будто бы «американская нация основана богом на принципах чести и достоинства всех без исключения ее членов», а ее вооруженные силы «всегда и везде стояли на страже благородных и возвышенных задач».

Занятия такого рода капелланы дополняют другими религиозно-политическими формами воздействия на солдат и матросов. Военные священники на протяжении вот уже многих лет являются в США самыми активными организаторами и участниками многочисленных «конференций по воинствующему антикоммунизму», «симпозиумов в защиту прав человека в коммунистических странах», «семинаров бдительности» и других мероприятий такого рода. Они устраиваются, как правило, в военных гарнизонах или на базах, куда приглашаются многочисленные «гости» из гражданских религиозных организаций и учебных заведений, представители буржуазных политических партий, промышленных фирм, органов общественной информации. Все это широко освещается в печати, по радио и телевидению, выдается за «голос американского народа», пропагандируется на весь мир. В последние годы подобные религиозно-политические представления проводятся в масштабах НАТО, в частности на базе управления информации совета НАТО, при штабе американских войск в Европе и т. п. Американские военные священники иудейского вероисповедания все шире занимаются рекламой воинствующего сионизма, всячески пытаются оправдать агрессивную политику израильских авантюристов.

В вооруженных силах США существует специальный журнал военно-религиозной службы — «Милитэри чэплин». Свой бюллетень издает каждое управление главного капеллана вида вооруженных сил, ряд объединений и соединений имеют собственные периодические религиозные издания. Армейские и флотские радио- и телевизионные станции ежедневно транслируют различные религиозные передачи — беседы капелланов, церковные службы, проповеди и т. п. Экран широко используется для показа пропагандистских фильмов, в том числе религиозного характера (серия «Долг, честь, страна»). Некоторые из этих фильмов выпускаются военными киностудиями видов вооруженных сил, другие предоставляются в распоряжение министерства обороны гражданскими церковными, благотворительными и другими организациями.

Как видим, правящие круги империалистических стран уделяют большое внимание использованию религии в своих интересах, в том числе в деле обеспечения боевой готовности и поддержания морально-психологического состояния личного состава на таком уровне, чтобы обеспечивать решение стоящих перед вооруженными силами агрессивных, антинародных задач.

Новинки литературы

А. Донини. У ИСТОКОВ ХРИСТИАНСТВА. Пер. с итал. М., Политиздат, 1979, 341 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 50 коп.

Новая работа видного итальянского ученого-коммуниста, известного советским читателям по книге «Люди, идолы и боги», освещает одну из драматических эпох европейской и мировой истории — крушение античного мира, Римской империи и возникновение в этих условиях христианской религии. Автор анализирует социальные, политические, идеологические истоки христианства, показывает процесс объединения разрозненных групп верующих и превращение христианства в господствующую церковь Римской империи, а затем — Византии и первых государств средневековой Европы. В книге читатель найдет и малоизвестные сведения из истории религиозных движений первых веков новой эры.

Л. Ибраев. СКВОЗЬ ЛИКИ МИРА. М., «Молодая гвардия», 1979, 206 стр., 65 000 экз., 40 коп.

В книге ведется разговор об истоках религиозно-мистического взгляда на мир — природу, общество, человека — и формировании марксистско-ленинского мировоззрения молодежи, ее философской культуры, как необходимого условия атеистической убежденности молодых людей.

В. Н. Комаров. АТЕИЗМ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА. М., «Просвещение», 1979, 192 стр., 100 000 экз., 45 коп.

Современные старшеклассники, владея достаточной суммой знаний по естественным и точным наукам, не всегда в состоянии философски осмыслить мир, в котором они живут, на чем часто спекулируют религия и церковь. В книге затронуты многие интересные вопросы научного атеизма, их связь с развитием науки и техники, освещен ряд философских проблем физики, астрономии, математики и других наук.

В. И. Прокофьев. МОРАЛЬ И ДОГМАТЫ РЕЛИГИИ. М., «Московский рабочий», 1979, 112 стр., 50 000 экз., 15 коп.

Автор излагает основные принципы коммунистической морали, противопоставляя их несостоятельным религиозным моральным догматам, доказывая их диаметральную противоположность. В работе подвергаются критике попытки идеологов современной церкви сблизить религиозную мораль с коммунистической, приспособить религиозную идеологию и мораль к советской действительности.

Г. Я. Стрельцова. БЛЕЗ ПАСКАЛЬ. М., «Мысль» (Мыслители прошлого), 1979, 237 стр., 80 000 экз., 25 коп.

В книге дан систематический анализ философских взглядов Паскаля (его онтологии, методологии, гносеологии в целом, диалектике, учения о человеке, этики и др.), что в нашей историко-философской науке делается впервые, а также прослеживается становление религиозного мировоззрения Паскаля, его драматический жизненный путь.

●

М. А. Гольденберг. ТУПИКИ СИОНИЗМА. Кишинев, «Картя молдовеняскэ», 1979, 183 стр., 4 000 экз., 35 коп.

«ИСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА». В 2-х т., 2-е переработ. изд. Т. I. Искусство X — первой половины XIX в М., «Изобразительное искусство», 1979, 361 стр. с илл., 40 000 экз., 3 руб. 80 коп.

«СИОНИЗМ — ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ». Сборник статей. М., «Прогресс», 1980, 287 стр., 68 000 экз., 95 коп.

А. И. Эпштейн. СИОНИЗМ БЕЗ МАСКИ. Харьков, «Прапор», 1979, 96 стр., 40 000 экз., 15 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Б. Т. Григорьян. «Просвещенный» консерватизм. «Вопросы философии», 1979, № 12, стр. 126—133.

Ян Гурановский. Дискуссии в послесоборной католической церкви. «Вопросы философии», 1979, № 11, стр. 167—174.

А. В. Исаенко. Английский пуританизм XVI — начала XVII в. в освещении англо-американской буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1979, № 3, стр. 184—192.

Х. Канди и А. Варухи. Тринадцать тревожных дней Мекки. «За рубежом», 1980, № 4, стр. 18—19.

Ю. Комаров. Методологическая основа критики религиозной гносеологии. «Коммунист Татарии». Казань, 1979, № 2, стр. 81—86.

М. Кубланов. Христианство. Старые проблемы и новые открытия. «Наука и жизнь», 1980, № 1, стр. 124—129.

М. С. Кудряшова. Социалистический гуманизм и современная идеологическая борьба. М., 1979. Из содержания: «Антигуманная сущность католической теории «общего блага», стр. 166—180.

«Личность в XX столетии». М., «Мысль», 1979. Из содержания: «Католицизм перед лицом «человека массы», стр. 94—103; «Христианский гуманизм» и ренессансная «модель» человека», стр. 103—114.

Г. Лот. Колониализм и антиколониализм под религиозной оболочкой в Южной Африке. В кн.: «Проблемы колониализма и становления антиколониальных сил». М., 1979, стр. 122—126.

Р. Р. Мавлютов. Развитие интернационалистского сознания трудящихся СССР — важный фактор преодоления религиозных пережитков. В кн.: «Пролетарский интернационализм: вопросы идеологии и культуры». М., 1979, стр. 160—173.

С. Ю. Неклюдов. Рецензия на кн.: Н. Л. Жуковская. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. «Народы Азии и Африки», 1979, № 2, стр. 209—217.

В. А. Никитин. Борьба внутри протестантских церквей США и развитие ультраправого фундаментального движения. В кн.: «Американский ежегодник-1979». М., 1979, стр. 29—71.

Х. Э. Палли. Церковноприходское делопроизводство в Эстонии в XVII—XVIII вв. В кн.: «Актовое источниковедение». М., 1979, стр. 153—163.

У. Раджапов. Атеистическое воспитание трудящихся. «Агитатор», 1979, № 21, стр. 60.

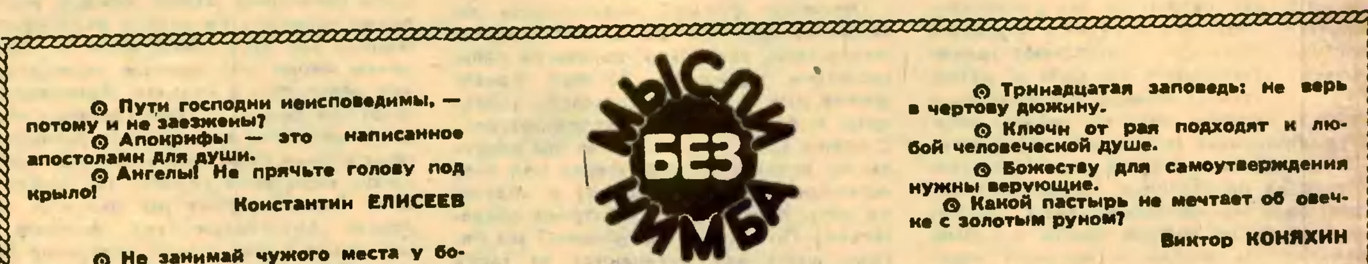
П. А. Рачков. Религия. В кн.: «Общественное сознание и общественная практика». М., 1979, стр. 181—197.

А. Рябинин. Поиагар — святыня чамов. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 12, стр. 40—42.

П. Ю. Саух. Место и роль атеистической работы в системе коммунистического воспитания. «Вопросы научного коммунизма». Киев, 1979, вып. 42, стр. 81—86.

С. Сергеев. Антисоветские провокации сионистов. «Агитатор», 1979, № 19, стр. 46—48.

Т. Л. Страутмане. Критика социальных доктрин современного экуменизма. В кн.: «Критика позитивистских и культурно-исторических концепций современной буржуазной философии». Рига, 1979, стр. 112—125.

⊙ Пути господни неисповедимы, — потому и не заезжены?

⊙ Апокрифы — это написанное апостолами для души.

⊙ Ангелы! Не прячьте голову под крыло!

Константин ЕЛИСЕЕВ

⊙ Не занимай чужого места у бога за пазухой.

⊙ Отправляясь в ад, прихвати огнетушитель.

⊙ Интересно, а сам бог во что-нибудь верит?

Николай ВОРОНКИН

г. Караганда

⊙ Возносясь на седьмое небо, запасись парашютом.

⊙ «Мне сам черт не брат!» — действительно, черт приходился ему племянником.

⊙ Считая себя потомком змея-искусителя, червяк питался только райскими яблочками.

Леонид МЕДВЕДОВСКИЙ

г. Рига

⊙ Тринадцатая заповедь: не верь в чертову дюжину.

⊙ Ключи от рая подходят к любой человеческой душе.

⊙ Божеству для самоутверждения нужны верующие.

⊙ Какой пастырь не мечтает об овечке с золотым руном?

Виктор КОНЯХИН

Сдано в набор 15. 02. 80.
Подписано к печати 26. 03. 80.
А02349

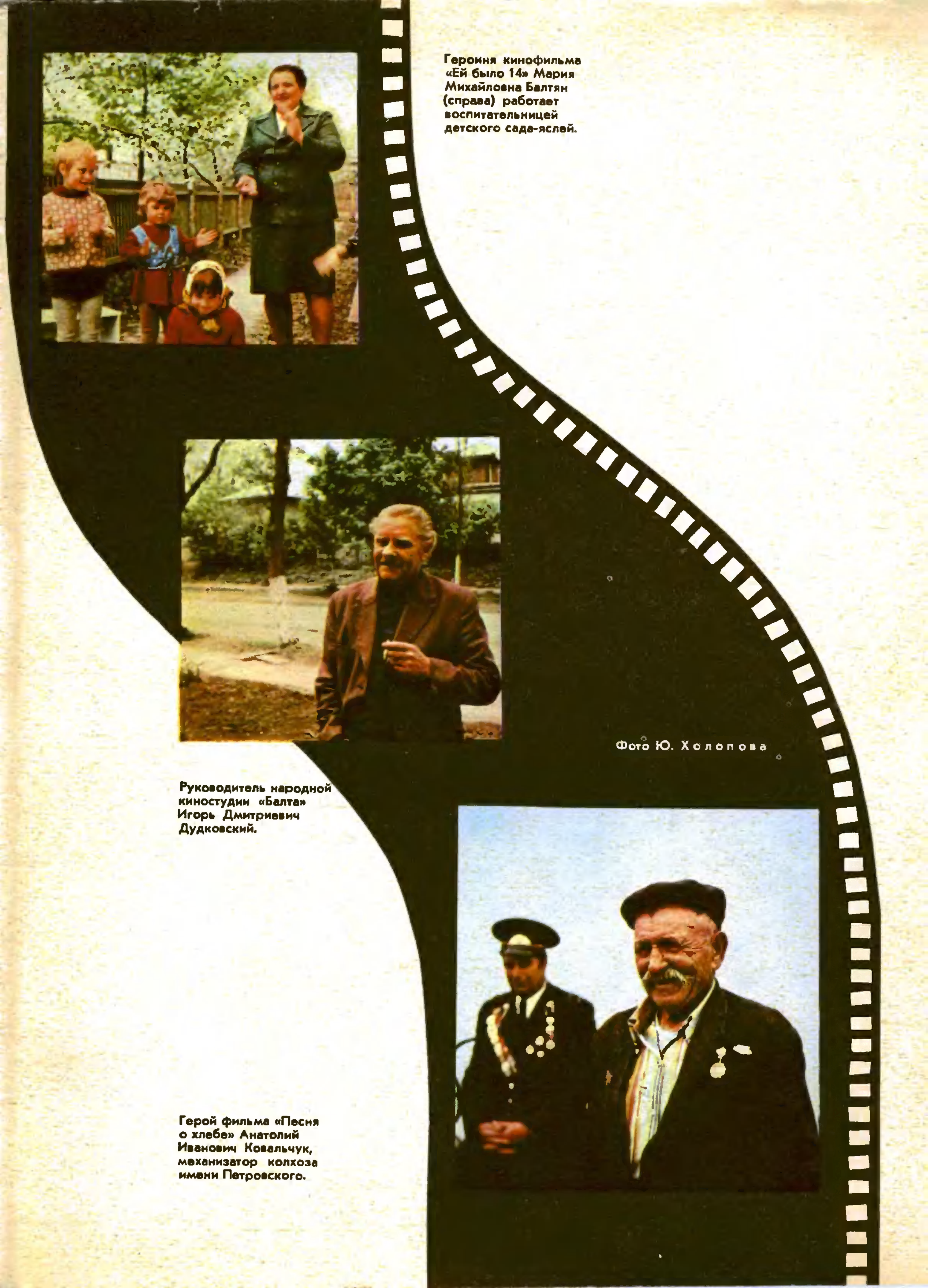
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов 11,25.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 0986.

Адрес редакции:

**109004. Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.**

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев. Брест-Литовский проспект, 94.

Героиня кинофильма «Ей было 14» Мария Михайловна Балтян (справа) работает воспитательницей детского сада-яслей.

Руководитель народной киностудии «Балта» Игорь Дмитриевич Дудковский.

Фото Ю. Холопова

Герой фильма «Песня о хлебе» Анатолий Иванович Ковальчук, механизатор колхоза имени Петровского.

Цена 30 коп.
70602

33-13

В следующем номере

1 ИЮНЯ – ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

О воспитании добротой, о выработке с детства высоких моральных установок, о том, как и сами дети влияют на родителей, на формирование их духовного мира, размышляет социолог Ю. РЮРИКОВ.

РЯДОМ С ДОМОМ

Как дойти до ума и сердца каждого, сделать воспитательную работу более эффективной? Об этом говорит в своей статье первый секретарь Калининградского горкома КПСС (Московской области) В. ТРУБИЦЫН.

ЧЕЛОВЕК И ПУСТЫНЯ

Член-корреспондент АН СССР, президент АН Туркмении А. БАБАЕВ рассказывает о том, как ученые республики изучают пустыни и ставят их природные ресурсы на службу человеку.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Что помогает: магия или опыт? Позиция, требующая мужества. Обсуждаем очерк «Шаг через катастрофу».

МЕРТВАЯ ВОДА

— начало романа Найо МАРШ, известной новозеландской писательницы.

КАК КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИНЯЛА РЕВОЛЮЦИЮ В НИКАРАГУА?

На этот вопрос отвечает член-корреспондент АН СССР И. ГРИГУЛЕВИЧ.

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ,

стремясь очернить социализм, идут литовская антисоветская эмиграция и радиопередачи Ватикана на литовском языке. Об этом рассказывает доктор историчоских наук И. АНИЧАС.